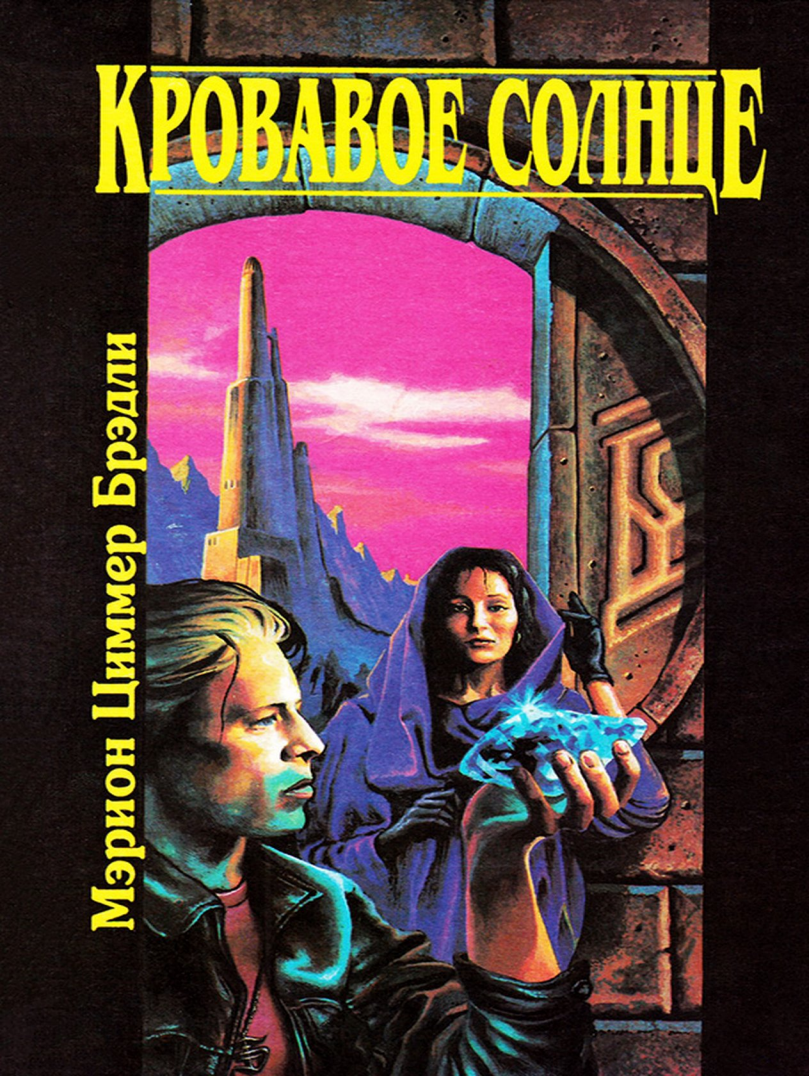
Кровавое солнце

Мэрион Циммер Брэдли

Кровавое солнце

Мэрион Зиммер Брэдли

Мэрион Зиммер Брэдли. КРОВАВОЕ СОЛНЦЕ
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

Мэрион Зиммер Брэдли
КРОВАВОЕ СОЛНЦЕ

Marion Zimmer Bradley
THE BLOODY SUN

Copyright © 1964 by Marion Zimmer Bradley
© А. Гузман, перевод на русский язык, 1995
© «Издательство «Лань», 1995

* * *

Вернувшийся домой странник не располагается, как дома, а располагает дом к странностям.

Пролог

Вот как все начиналось.

Ты был космическим сиротой. Не исключено даже, что родиться ты мог на одном из Больших Кораблей — имперских Больших Кораблей, бороздящих межзвездное пространство с эмблемой Земной Империи на борту.

Первым домом твоим стал Приют Астронавта; там ты научился одиночеству. Но где-то в твоем прошлом существовали странные цвета и огни, неразборчивые лица и пейзажи, тут же уплывавшие в забвение, стоило попытаться сосредоточить на них внимание; кошмары, от которых ты иногда вскакивал и заходился в вопле, прежде чем толком проснуться и увидеть вокруг мирные голые стены приютской спальни.

Воспитанники Приюта Астронавта представляли собой тот балласт, что заносчивые и легкие на подъем земляне предпочитали сбрасывать за борт — и ты был таким же сброшенным за борт балластом. Но где-то снаружи лежал суровый прекрасный мир, когда-то виденный тобою и до сих пор являвшийся в снах. Каким-то образом ты

понимал, что не такой, как все; что твой настоящий мир — мир где-то там, снаружи, то небо, то солнце — но никак не стерильная белизна Торгового города.

Но постепенно о снах остались одни воспоминания, а потом и воспоминания о воспоминаниях. Единственное, что ты знал твердо: когда-то ты помнил нечто иное.

Ты научился не спрашивать о своих родителях, но строил догадки; О, да — догадки ты строил. И как только стал достаточно большим для того, чтобы вынести стартовые перегрузки, тебя напичкали медикаментами и безвольного, словно багажный мешок, затащили на борт одного из Больших Кораблей.

А когда ты пришел в себя — с ноющей болью в висках и ощущением, будто кто-то взял и отхватил от твоей жизни здоровый кусок — корабль уже опускался на Землю, а престарелая семейная пара готовилась раскрыть объятия внуку, которого они не видели ни разу в жизни.

Тебе было сказано, что тебе лет двенадцать или около того. Тебе было сказано, что тебя зовут Джеффри Эндрю Кервин-младший. По крайней мере, так тебя называли в приюте, и ты не возражал. Тебе показали фотографию Джеффри

Кервина-старшего, который почти двадцать лет назад сбежал из дому и записался на космический корабль младшим помощником суперкарго. Это немного помогло. Они были добры к тебе. Они поселили тебя в его бывшей комнате и отправили учиться в его бывшую школу, и не чаще раза в неделю словом или взглядом напоминали, что ты — не сын, которого они потеряли, и никогда не сможешь им стать. Сын, который предпочел им звезды.

И ничего не отвечали они, если ты спрашивал о своей матери. Не то чтобы не хотели отвечать — просто не могли. Понятия не имели они, кто твоя мать, и не было до этого им никакого дела. Ты — Джефф Кервин, землянин; и это все, что им было от тебя нужно.

Случись все, когда ты был поменьше, тебе хватило бы этого с лихвой. Тогда тебе очень недоставало семьи.

Но ослепительная голубизна земного неба пугала тебя своим равнодушием; холмы зеленели бесстрастно и недружелюбно, а бледно-желтое солнце слепило глаза, даже когда ты прятал их за темными стеклами очков. Тебе не хватало пронизывающего до костей ветра, дующего от изрезанной острыми зубцами высокой горной цепи

на горизонте, тебе не хватало пыльного тусклого неба с низко висящим в нем ярко-алым глазом солнца. Дедушка с бабушкой не хотели, чтобы ты разговаривал или даже думал о Даркоувере; а однажды, когда на сэкономленные карманные деньги ты купил набор видов планет Пограничья, они отобрали у тебя открытки. Твое место — на Земле; по крайней мере, так тебе было сказано.

Только ты-то знал лучше, и как только достаточно подрос — ушел. Ты понимал, что этим снова разбиваешь их сердца, но все равно ушел. Ты должен был уйти. Они, может, и не понимали, но ты-то понимал, что Джефф Кервин-младший — вовсе не тот мальчик, которого они когда-то любили.

И не исключено, что Джефф Кервин-старший, твой отец, тоже не имел ничего общего с тем мальчиком.

Сначала ты нашел себе на Земле обычную гражданскую работу и вкалывал, что есть сил, и держал язык за зубами, когда заносчивые земляне потешались над Твоим ростом или даркованским акцентом, от которого тебе так никогда толком и не удалось избавиться.

А потом однажды ты поднялся на борт Большого Корабля, зафрахтованного Гражданской

Службой, Земной Империи, и корабль с невероятной скоростью устремился к звездам, названия которых призывным набатом отдавались в твоих снах. И ненавистное солнце Земли на глазах померкло до тусклой звездочки, а потом и вовсе исчезло.

Сначала, конечно, это был еще не Даркоувер. Но мир под красным солнцем, лиловым небом и с работой на низшей ступеньке иерархии; мир зловония, электрических бурь и женщин с очень белой кожей, заточенных за высокими стенами.

А потом была неплохая должность в центре управления полетами в космопорте на планете, где мужчины не расставались с ножами, а женщины ходили со скованными руками, и серебряные цепочки мелодично позвякивали. Тебе там нравилось. Ты часто дрался, и у тебя было немало женщин. Под шкурой тихого инженера гражданской службы, оказывается, таился настоящий сорви-голова, и на этой планете ему время от времени удавалось вырваться на свободу. Ты неплохо проводил время. Ты мог бы остаться там и превосходно себя чувствовать.

Но что-то гнало тебя дальше; какое-то смутное беспокойство. К тому же годы стажировки подошли к концу. До сих пор ты отправлялся туда, куда

посылали. Теперь же у тебя сочли необходимым поинтересоваться, куда — в разумных пределах, конечно — ты сам хотел бы отправиться.

И ты ни секунды не колебался.

— На Даркоувер.

Кадровик недоуменно воззрился на него.

— За каким, если не секрет, чертом? Это же не планета, а сущий ад — не говоря уж о жуткой холодрыге. Варварский мирок — добрая половина его для нас закрыта; стоит на шаг отойти от Торгового города, и за твою шкуру никто гроша ломаного не даст. Сам-то я там не был; но, говорят, там вечно какая-то буза. К тому же торговля с даркованами еле теплится, так что имперские корабли залетают, как Бог на душу положит. Стоит угодить туда — и можно застрять на годы, прежде чем найдется замена. Послушайте, — вкрадчиво добавил он, — на Ригеле-девять как раз не хватает настоящих мужчин; да и продвинуться там можно очень быстро — может, и до легата. Зачем тратить лучшие годы на какой-то комок замерзшей грязи на краю света?

Ты выдержал секундную паузу, а потом выложил!

— Я родился на Даркоувере.

— А, вот оно что. Один из этих. Понимаю.

Тебе хотелось с размаху впечатать усмешку в его розовую физиономию, но ты сдержался; просто стоял и смотрел, как он корябает пером твое имя на бланке заявления о переводе. А потом, уже развязавшись со всякой бюрократией, ты снова очутился на одном из Больших Кораблей; снедаемый нетерпением, ты дневал и ночевал в смотровом куполе, не сводя глаз с тлеющего красного уголька, который постепенно превратился в ослепительное сияние и заполнил все небо. И затем, по истечении, казалось, целой вечности ожидания, корабль стал лениво падать к огромной малиновой планете, окруженной ожерельем из четырех крошечных лун, четырех рубиновых кулонов, оправленных в пунцовый бархат неба.

И ты снова оказался дома.

1

«Корона юга» приземлилась на дневной стороне планеты ровно в полдень. Джефф Кервин выбрался из шлюза, привычно оттолкнулся от железного трапа, спрыгнул на бетон и глубоко вдохнул. Ему представлялось, что в самом воздухе Даркоувера уже должно ощущаться что-то небывало ароматное; знакомое и таинственное одновременно.

Но это был самый обычный воздух. Да, пах он приятно; но после многих недель в наглухо запечатанной консервной банке любой воздух будет приятно пахнуть. Кервин снова наполнил легкие, пытаясь отыскать в летучем аромате хоть намек на неуловимое воспоминание детства. Воздух был прохладен и бодрил; если принюхаться, можно было различить следы пыли и цветочной пыльцы. Но, в основном, пахло обычной химической дрянью, как и в любом космопорте. Горячим гудроном. Цементной пылью. В ноздрях засвербил озон — из предохранительных клапанов принялись стравливать жидкий кислород.

Как будто никуда и не улетал с Земли! Самый

обычный космопорт.

«Ну и какого, собственно, черта? — сказал он себе. — А ну-ка хватит!»

Ты столько себе понавоображал — как же, вернуться на Даркоувер! — что даже выйди встречать тебя весь город, торжественной процессией и с фанфарами, тебе все равно показалось бы мало.

Он отступил, освобождая проход группе офицеров Военно-Космических Сил — высоких, как на подбор, в черной коже, с бластерами, таящими угрозу в уютно пристроившихся у пояса кобурах, и с ослепительно сверкающими на рукавах звездами. Солнце маячило почти точно в зените, огромное, красно-оранжевое, и высоко в прозрачном небе висели невесомые облачка с изрезанными пламенеющими краями. Пилообразная горная цепь за космопортом отбрасывала на Торговый город тень, но пики купались в угрюмом свете. Обшаривая взглядом горизонт, пытаясь выудить из памяти знакомые ориентиры, Кервин налетел на грузовой контейнер, и добродушный голос поинтересовался из шлюза:

— Ты что, Рыжий, на звезды загляделся, что ли?

Дабы снова оказаться в космопорте, Кервину

потребовалось усилие чуть ли не физическое.

— Звезды у меня вот уже где. — Он наглядно продемонстрировал, где именно у него звезды. — Я думал, какой тут приятный воздух…

— Единственное утешение, — ухмыльнулся его собеседник. — Помнится, служил я как-то на планете, где в воздухе была чертова уйма серы. Полезно для-здоровья, говорили врачи; но всю дорогу было железное ощущение, что меня просто взяли и закидали тухлыми яйцами.

Он спрыгнул вниз, на бетон, к Кервину.

— Ну и как оно, вернуться домой? — поинтересовался он.

— Не знаю еще, — отозвался Кервин, глядя на собеседника едва ли не с привязанностью. Джонни Эллерс был невысок, коренаст и уже начинал лысеть; на рукаве его черного кожаного мундира Космофлота ослепительно пестрели две дюжины звезд — по одной за каждую планету, где он служил. Для Кервина, который пока мог похвастаться только двумя звездами, Эллерс был воистину ходячей энциклопедией; казалось, тот знает все на свете, и ничто уже не способно его удивить.

— Пошли, пошли, нечего тут торчать, — сказал Эллерс.

Тем временем портовые техники со всех сторон облепили уже «Корону юга» и принялись готовить к старту. Благоприятная орбита должна была открыться через несколько часов и не собиралась никого ждать, Космопорт запрудили грузовые трейлеры, самоходные топливные цистерны; сновали подсобные рабочие, гудела разнообразная техника, на полусотне языков и диалектов выкрикивались команды. Кервин огляделся, пытаясь сориентироваться. За воротами космопорта высилось здание Имперской Миссии, за ним начинался Торговый город; и дальше — Даркоувер. Кервина кольнуло жгучее желание рвануться туда, очертя голову, но он вовремя опомнился и вместе с Эллерсом пристроился в хвост успевшей образоваться на КПП очереди. Он поставил отпечаток большого пальца, подписал форму, удостоверяющую, что он действительно тот, за кого себя выдает, и получил местное удостоверение личности.

— Куда теперь? — поинтересовался Эллерс.

— Не знаю, — медленно проговорил Кервин. — Наверно, для начала надо бы явиться в Миссию за назначением.

Каких-то четких планов у него еще не оформилось; но тащиться в кильватере у Эллерса ему

точно не хотелось. Тот, конечно, душа-человек; но свидеться после долгой разлуки с родной планетой Кервин предпочел бы один на один.

— В Миссию?! — чуть не поперхнулся Эллерс. — Ты что, спятил? Хуже какого-нибудь кадета, честное слово! До сих пор, что ли, не в себе от радости, что в большой космос вырвался? Перебьются как-нибудь бюрократы здешние и до завтра. А на сегодняшний вечер… — Он широким жестом обвел портовый забор и то, что скрывалось за ним. — Вино, женщины и песни, порядок произвольный.

Кервин замялся, и Эллерс усилил нажим.

— Пошли! Я знаю Торговый город, как свои пять пальцев. Тебе не мешало бы приодеться по здешней погоде — а я знаю все рынки. А то вздумаешь еще, чего доброго, отовариваться в каких-нибудь забегаловках для туристов — сам не заметишь, как просадишь жалованье за полгода.

Что правда, то правда. Несмотря на название, Большие Корабли были не настолько грузоподъемны, чтобы перевозить запасы одежды и прочий личный скарб. Гораздо дешевле обходилось, улетая с планеты, избавиться ото всего, что успело скопиться, а по прибытии на новое место службы экипироваться с поправкой уже на местную спе-

цифику — чем тащить все за собой и платить за избыточный вес. В итоге, на всех планетах Земной Империи космопорт постепенно окружался кольцом всевозможных магазинов и лавочек — хороших, плохих и более или менее сносных, от центров фирменной моды до филиалов блошиного рынка.

— И еще: я знаю все до единого здешние злачные места. Если ты не пробовал даркованского шаллана, Рыжий, то считай, что и не жил. Знаешь, в горах об этом зелье рассказывают всякие странные вещи, особенно, как оно действует на женщин. Помнится, как-то…

Кервин оставил всякие попытки проявления инициативы и поплелся за Эллерсом; болтовня того свернула на хорошо знакомую колею, и Кервин слушал вполуха. Послушать Эллерса — так у него было столько женщин на стольких мирах, что удивительно, как в промежутках ему удавалось выбираться в космос. В героинях его историй могла оказаться, например, сирианская птицедева, с огромными голубыми крыльями и очень пушистая; или принцесса с Арктура-4, окруженная целым сонмом камеристок, сросшихся с ней волоконцами псевдоплоти, и так до самой ее смерти.

За воротами космопорта открывалась огромная площадь, в центре которой высился памятник на внушительном ступенчатом постаменте. За памятником был разбит небольшой парк; на ветру трепетала фиолетовая листва. При взгляде на деревья к горлу Кервина подступил ком.

Когда-то он знал эти места довольно неплохо. С того времени Торговый город разросся — и одновременно съежился. Нависающий над площадью небоскреб Имперской Миссии, когда-то вызывавший благоговейный восторг, теперь был просто высоким зданием. Зато кольцо лавочек и магазинов вокруг площади заметно расширилось. И монументального отеля «Небесная гавань» со сверкающим неоновыми огнями фасадом Кервин что-то не припоминал. Воспоминания нахлынули волной, и отсортировать, что к чему, было крайне непросто.

Они пересекли площадь и свернули на улицу, вымощенную каменными блоками столь чудовищного размера, что при попытке представить, кто мог бы ворочать этими гигантскими плитами, отказывало воображение. На улице было тихо и пусто; скорее всего, подумал Кервин, большинство землян отправились посмотреть, как сядет и взлетит «Корона юга», а для даркован

пока слишком рано. Настоящий же город был еще не слышен и не виден. Кервин снова вздохнул и последовал за Эллерсом в обход длинного ряда припортовых лавочек.

— Вот здесь, — заявил наконец Эллерс, — можно отыскать для тебя что-нибудь подходящее.

Это была типичная даркованская лавочка: развал занимал пол-улицы, и практически невозможно было отличить, где кончается выставленный на продажу товар и начинается имущество владельца. Разве что для удобства землян некоторая часть товара была извлечена из общей кучи и разложена по столам и полкам, Они миновали широкий арочный проем, и ноздри Кервина раздулись, уловив знакомый запах ароматизированного дыма, пропитывающий любое даркованское жилище, от трущобы до дворца. В Приюте Астронавта этих благовоний не употребляли (по крайней мере, официально), но от даркованского персонала, от воспитательниц и нянечек часто веяло этим густым смолистым ароматом, впитавшимся в волосы и одежды. Эллерс наморщил нос; Кервин улыбнулся.

Владелец лавки, невысокий и сморщенный, в желтой рубашке и напоминающих бриджи штанах, обернулся и пробормотал дежурное при-

ветствие: *«С'дайз шайа»* (Безмерно польщен).

— *З'пар серву*, — автоматически пробормотал в ответ Кервин, и Эллерс недоуменно воззрился на него.

— А я и не думал, что ты болтаешь на их жаргоне! Ты же говорил, тебя отправили отсюда еще ребенком.

— Я знаю только городской диалект.

Даркованин уже поворачивался к длинной вешалке с разноцветными плащами, короткими кожаными куртками и шелковыми жилетами.

— Нет, — осадил его Кервин на терра-стандарте, почему-то сильно на себя обозлившись. — Земную одежду.

Он сосредоточился на том, чтобы отобрать несколько смен рубашек, белья, бритвенные принадлежности; надо же как-то протянуть первые несколько дней, пока не прояснится поконкретней, что нужно по погоде и для работы. И пока владелец лавки увязывал купленное в пакеты, Джонни Эллерс, глазея по сторонам, добрел до большого стола уже возле самой обочины.

— А это что еще за чудо, Джефф? Такого я тут ни на ком не видел.

Кервин подошел к столу; там беспорядочно громоздился ворох всякой одежды разной степе-

ни поношенности. Из этой груды Эллерс выудил длинную, до колен накидку, украшенную странным узором. Кервин пригляделся и кивнул.

— Такие обычно носят в горах, — ответил он. — Или, по крайней мере, носили. В такой штуке очень удобно ездить верхом; но уже при мне они выходили из моды. Дай-ка взглянуть…

Накидка была сшита из мягкой, напоминающей замшу кожи довольно темного красно-коричневатого оттенка и струилась под пальцами, словно шелк. У ворота и у подола она была вышита яркими, с медным блеском нитями и оторочена мягким темным мехом.

— Можно подумать, шилось для принца, — вполголоса прокомментировал Эллерс. — Только погляди, какое золотое шитье!

Но Кервина в данный момент заботили более практические соображения.

— Не знаю, как там насчет принцев, — заявил он, — но, похоже, штука невероятно теплая. Только пощупай этот мех! — Он набросил накидку на плечи, и тут же ему стало чрезвычайно уютно. Эллерс отступил на шаг; во взгляде его мелькнул самый настоящий ужас.

— Боже мой, так недолго и совсем отуземиться! Надеюсь, ты не собираешься расхаживать по

Торговому городу в таком виде?

— Еще чего не хватало! — расхохотался Кервин. — Просто я подумал, как приятно будет накинуть на себя что-нибудь эдакое в моей холостяцкой комнатушке. Если здешние коммунальные службы ничуть не лучше, чем на моей прошлой планете, они наверняка экономят на отоплении. А если мне не изменяет память, тут бывает довольно зябко.

Он снял накидку, сложил и перекинул через руку. Несмотря на практичность рассуждений, в глубине души он понимал, что все это — не более чем попытка с ходу, выдумать рациональное объяснение, и довольно неуклюжая. На самом-то деле накидка покорила его с первого же взгляда. Это была первая вещь, которая приглянулась ему на Даркоувере, которой ему захотелось обладать — что ж, он ее получит.

— Да за те же деньги можно было бы беспробудно пьянствовать целую неделю! — сокрушался Эллерс, когда они снова зашагали по улице.

— Приободрись, друг мой! — усмехнулся Кервин. — На такой планете меха — не роскошь, а выгодное капиталовложение. К тому же кое-какая мелочишка у меня еще осталась, так что первый круг за мной, Кстати, где мы можем

начать?

Они начали с небольшого пивного зала на самой периферии сектора; туристы обычно туда не захаживали, хотя портовые работники между толпящимися у стойки или растянувшимися на длинных кушетках вдоль стен даркованами попадались. Завсегдатаи были всецело поглощены своими традиционными серьезнейшими занятиями: выпивкой, беседой и азартной игрой наподобие домино, только вместо костяшек использовались резные хрустальные призмочки.

Никто из даркован и ухом не повел, когда Кервин с Эллерсом пробирались через толпу и устраивались за столиком. Принять заказ подошла полненькая темноволосая официантка, и Эллерс заметно приободрился. Он ущипнул девушку за пухлое бедро, на портовом жаргоне заказал вина, раскинул на столе даркованскую накидку, чтобы пощупать мех, и затянул длинную историю о том, как однажды наткнулся на некое исключительно теплое меховое одеяло, оказавшееся как нельзя кстати на одной исключительно холодной планете в системе Лиры.

— …А ночи там дней по семь, так что тамошние жители просто завязывают со всякой работой, пока опять не выйдет солнце и не растопит лед.

Так вот-те крест, мы с той деткой как забрались под меховое одеяло, так ни разу даже носа наружу не высунули…

Кервин приложился к бокалу; нить повествования он утерял почти сразу, о чем, впрочем, не особенно и жалел — все истории Эллерса походили одна на другую, как две капли воды. Мужчина, о чем-то размышлявший за столиком напротив над наполовину опустошенным бокалом, встретился взглядом с Кервином — и вдруг вскочил, так резко, что опрокинул стул, и направился к их столику. Тут он заметил Эллерса, до этого сидевшего спиной, остановился, словно налетел на преграду, и отступил на шаг; казалось, он сильно удивлен, если не сказать растерян.

Но как раз в этот момент в рассказе Эллерса наступило временное затишье; он оглянулся и расплылся в улыбке.

— Раган, старый плут! Можно было и догадаться, что обязательно встречу тебя здесь! Давай, присаживайся.

Раган замялся и, как показалось Кервину, бросил на него неуверенный взгляд.

— Давай, давай, — не унимался Эллерс. — Вот, познакомься с моим приятелем. Джефф Кервин.

Раган подсел к их столику; Кервин же все пы-

тался сообразить, на кого тот больше похож. Невысокий, подвижный, с обветренным загорелым лицом и мозолистыми ладонями, он мог с одинаковым успехом быть как горным даркованином, только необычно низким, так и землянином, но в даркованском наряде. Раган поинтересовался у Эллерса, как прошел полет — на терра-стандарте он говорил без малейшего акцента — а когда официантка снова наполнила бокалы, настоял на том, что второй круг за ним; однако продолжал искоса поглядывать на Кервина, когда тот, как казалось Рагану, смотрел в другую сторону.

— В чем дело? — наконец потребовал объяснений Кервин. — Когда вы так решительно направились в нашу сторону, мне показалось, вы меня за кого-то приняли.

— Верно, — кивнул Раган. — Тогда я еще не знал, что Эллерс вернулся. Но потом я заметил его… и то, что вы одеты по-земному. Так что наверняка я перепутал вас с кем-то. А мы не могли раньше встречаться? — добавил он, озадаченно наморщив лоб.

Кервин с любопытством оглядел его. Может, Раган тоже воспитывался в Приюте Астронавта? Впрочем, он явно несколько моложе.

— Вряд ли, — наконец произнес Кервин.

— Но вы же не землянин, так ведь?

В памяти Кервина молнией промелькнула усмешка кадровика («Ах, один из этих…»), но он постарался загнать воспоминание как можно глубже.

— Отец мой был землянин. А я родился здесь.

— Аналогично, — закивал Раган. — А я вот посредничаю в Торговом городе, когда им приходится нанимать даркован — проводниками, горными инструкторами, ну и прочее в том же роде.

Кервин все пытался уловить в его речи даркованский акцент.

— Вы даркованин? — наконец решился спросить он.

— Откуда я знаю? — пожал плечами Раган, и в глазах его промелькнула такая горечь, что Кервин неуютно поежился.

Раган отхлебнул из бокала; Джефф последовал его примеру. «Ох, и надерусь же я», — мелькнуло у него. Но Кервину было уже все равно. Раган снова принялся в упор его разглядывать, но и это ему тоже было все равно.

«Не исключено, что у нас с ним есть что-то общее, — подумал Кервин. — Не исключено, что

моя мать была даркованкой. Или кем угодно. Отец служил в Космофлоте — вот единственная моя твердая опора на реальность. Но кто я, если не считать этого?»

— По крайней мере, он подсуетился получить для вас имперское гражданство, — с горечью сказал Раган, и Кервин осознал, что, должно быть, произнес все это вслух. — Моему, похоже, было до лампочки.

— Эй, послушайте, вы двое, — обиженно вмешался Эллерс, — мы веселиться собирались или как? А ну-ка, еще по одной!

Но Раган подпер голову ладонями и задумчиво уставился через стол на Кервина.

— Значит, вы прибыли сюда в том числе и для того, чтобы попробовать отыскать своих родителей… родню.

— Узнать хоть что-нибудь о них, — поправил его Кервин.

— А вам никогда не приходило в голову, — медленно произнес Раган, — что, может, лучше этого и не знать?

Об этом Кервин задумывался, и не раз; он даже успел составить себе определенное мнение.

— Да будь моя мать хоть уличной девкой, — ответил он, — какая мне разница. Я должен знать.

«Чтобы понять, какое солнце, какой мир мне считать своим — Землю или Даркоувер».

— У вас есть какая-нибудь… путеводная нить? — поинтересовался Раган.

Кервин неуклюже — сказывалось выпитое — закопошился в кармане.

— Вот, — наконец произнес он, — только это. В приюте мне сказали, что оно висело у меня на шее.

— Что за чушь! — хрипло изрек Эллерс. — Думаешь, покажешь ты им эту штуковину, они тут же заохают, заахают и скажут, что ты давным-давно без вести пропавший единственный наследник светлейшего лорда Как-Бишь-Там, и его светлость заберет тебя в замок, и будешь ты там счастливо жить-поживать до самой смерти? — Он издал некий неописуемый звук, призванный, судя по всему, изобразить насмешливое фырканье.

Раган протянул руку; Кервин уронил ему в ладонь маленький голубой кристалл. Несмотря на тонко выделанную серебристую цепочку, сам камень казался совершенно непримечательным — дешевой безделушкой, которой могла бы дорожить лишь какая-нибудь бедная девушка.

Раган взглянул на кристалл, и глаза его сузились в щелочки.

— Вы, конечно же, знаете, что это такое?

— Самоцвет какой-нибудь, — пожал плечами Кервин.

— Нет. Это матричный камень.

— Что-что?

— Психокинетический кристалл, — терпеливо разъяснил Раган. — Довольно простенький, не из самых мощных. Но, знаете, на улицах и такие не валяются.

— Это не ко мне, — объявил Эллерс и потянулся за кристаллом. — Я слышал о таких, но не видал ни разу в жизни.

— Секундочку, — остановил его руку Раган. — Смотрите.

Он опрокинул в рот последние остававшиеся капли, перевернул бокал и установил на донышко кристалл, Взгляд его стал очень сосредоточенным; внезапно сверкнула крохотная ярко-голубая вспышка, послышалось шипение, и стройная ножка бокала оплыла, прогнулась и застыла в лужице расплавленного стекла. Эллерс шумно втянул воздух и выругался; Кервин ошалело замотал головой. Но бокал так и стоял на столе — раструбом книзу, с поникшей ножкой. «Помнится, — пронеслось в голове у Кервина, — был когда-то на Земле художник, писавший

что-то в этом роде — всякие там часы оплывшие, чашки, поросшие мехом...» Перевернутый бокал с загнувшейся ножкой смотрелся не менее сюрреалистично.

Раган вернул кристалл Кервину.

— А я так смог бы? — требовательно поинтересовался Кервин. — Или еще кто-нибудь?

— Кто угодно, — заверил его Раган, — только надо немного потренироваться. Обычно такие кристаллы любят вставлять в детские игрушки или в чемоданные замки — ни на что серьезное малюток типа вашего все равно не хватает. Впрочем, те, что мелькают в Торговом городе, обычно и того меньше. Может, настоящий даркованин и сумел бы добиться от этого кристаллика чего-нибудь более впечатляющего — но все равно, больше нескольких джоулей энергии за раз не выделить.

— Матричный кристалл! — пробормотал Эллерс и, ненадолго протрезвев, уставился на Кервина. — Как же, как же, великая тайна Даркоувера. Лет уже, наверно, пятьдесят в Миссии всеми правдами и неправдами пытаются разузнать о них хоть что-нибудь достоверное. Иногда дарковане приносят маленькие камешки в Торговый город и обменивают на лекарства, линзы или

всякий там ширпотреб. Эти кристаллы напрямую преобразуют энергию; ни топлива им не надо, ни отходов не остается. Но они такие маленькие… Говорят, бывают и побольше, но никто из землян их не видел.

— Ничего не понимаю, — изумленно проговорил Кервин. — Какие-такие кристаллы?

— Психокинетические, — повторил Раган. — Понятия не имею, как они работают, но достаточно на таком кристалле сосредоточиться, и можно двигать небольшие предметы, концентрировать тепло… ну, и так далее. Насколько я знаю, таким вещам надо специально учиться; но с маленькими кристаллами все гораздо проще. — Кервин засунул кристалл обратно в карман; Раган нахмурился: — И вы ничего не знали?

— В жизни не думал, что эта штука на что-то годится, — мотнул головой Кервин. — Так… безделушка.

— И что, значит, его мать — даркованка? — поинтересовался у Рагана Эллерс.

— Не обязательно, — ответил за того Кервин. — Отец мог купить этот кристалл или просто найти.

— Учтите, безделушка безделушкой, но стоит он очень даже ничего, — предупредил Раган. — Так

что относитесь к нему бережно. Может, потому ваш отец ничего и не сказал о нем, когда отдавал вас в приют, — опасался, что отберут, если будут знать, что это за кристалл. А в Миссии, кстати, не поскупились бы, чтоб заполучить хоть вот такого малыша.

Кервин сунул руку в карман и коснулся кристалла кончиками пальцев. «Ну что за детство, — пронеслось у него в голове, — с самого, можно сказать, младенчества пребывать в уверенности, будто кристалл когда-то принадлежал матери, что в нем может заключаться разгадка смутных, обрывочных, глубоко зарытых воспоминаний!» Почувствовав, что Раган снова смотрит на него, Кервин неловко рассмеялся и дал официантке знак принести еще вина.

— Конечно-конечно, — с напускной иронией произнес он. — А я-то надеялся, будто это фамильный талисман, и стоит мне достать его, тут же выяснится, что, оказывается, я не кто иной, как пропавший много лет назад без вести единственный сын и наследник какой-нибудь крупной здешней шишки. Увы и ах — все мои надежды пошли прахом.

Он пригубил вина; взгляд его упал на перевернутый бокал, ножку которого расплавил Раган.

«Когда это я успел так набраться?» — пронеслось у него в голове.

Бокал стоял донышком книзу и был совершенно цел.

2

Они выпили еще по одной, затем еще и еще; потом Раган извинился, сказал, что у него назначена встреча в Миссии, и если он опоздает, сорвется важный заказ — и откланялся. Когда тот скрылся за дверью, Кервин недовольно уставился на Эллерса, от которого — в смысле выпивки — не отставал ни на шаг. Разве так представлял он себе первый вечер на планете, образ которой столько лет жил в его памяти? Чего он хочет, он сам толком не понимал; но уж точно не торчать всю ночь в портовом баре, тупо накачиваясь вином.

— Послушай, Эллерс…

В ответ донеслось негромкое сопение. Эллерс свесил голову на грудь и моментально отрубился.

Подошла полненькая даркованская официантка, чтобы в очередной раз — Джефф уже со счету сбился, какой именно — наполнить бокалы, и бросила на Эллерса профессиональный взгляд, в котором привычная готовность ко всему смешивалась с искренним разочарованием. Склонившись над столом налить вина, она искусно

задела плечо Кервина. Свободное платье ее было расстегнуто у ворота, и взгляду открылась ложбинка между грудей, а в ноздри ударил знакомый сладковато-дымный аромат, пропитывающий одежду и волосы девушки. Глубоко внутри задрожала в резонансе какая-то струнка, но тут он поднял глаза и встретил напряженно-пустой взгляд.

— Нравится, большой человек? — хрипловато проговорила официантка; терра-стандарт в устах ее звучал грубо и сбивчиво, не то что мелодичный родной говор. — Нравится Лоуми, большой человек? Пойдем со мной. Я хорошая и теплая, тебе понравится…

Кервин ощутил во рту кислый осадок, и дело было не в одном скверном вине. На Земле или на Даркоувере — эти девицы в барах все одинаковы.

— Пойдем? Пойдем?

Сам толком не сознавая, что делает, Кервин стиснул угол стола и медленно поднялся на ноги; стул за ним с грохотом опрокинулся. Сверкая глазами сквозь задымленный воздух, он грозно навис над девушкой, и с языка его хлынули слова давно забытого наречия:

— *С глаз моих прочь, дочь горной козы, и укрой*

срам свой! Негоже распутничать с теми, кто мир твой ни в грош не ставит!

У девушки перехватило дыхание; она судорожно стиснула у ворота платье и согнулась в три погибели. *«З'серву, шайа»*, — сорвалось с ее онемевших губ; внезапно ее затрясло в рыданиях, и она пулей метнулась прочь из зала. Казалось, в воздухе на мгновение зависли всхлип и сладковатый аромат, и тут же рассеялись.

Одеревеневшими пальцами Кервин вцепился в угол стола; его шатало. «О Господи, ну нельзя ж так нажираться! И что за дьявольская чушь вдруг из меня полезла?»

Он был совершенно сбит с толку. И что это он так напустился на бедную девочку, перепугал до полусмерти? К великим праведникам он себя ну никак не относил; так с чего это вдруг всколыхнулась в нем кровь каких-то далеких пуританских предков? С чего бы это вдруг он восстал во гневе и смешал бедную девочку с грязью? И… Боже правый! А на каком это языке он изощрялся? На терра-стандарте? Вряд ли. На городском жаргоне? Никак не вспомнить. Память удержала только слабую тень бушевавшего минуту назад шквала эмоций, слова канули в Лету.

И что это, черт побери, на него нашло? Кервин

бросил взгляд на Эллерса; тот был уже в полном отрубе. «Не пора ли делать ноги? — мелькнула мысль, — да побыстрее, пока еще в состоянии».

Он нагнулся к Эллерсу и потряс за плечо, но тот даже не шевельнулся. Даркованские напитки — крепкое зелье; Эллерс же влил в себя столько, сколько Раган и Кервин вместе взятые. Куда б его ни занесло, Эллерс всюду оставался верен себе. Кервин пожал плечами, поудобней пристроил ноги приятеля на стуле, который сам только что освободил, и нетвердой походкой направился к выходу.

Воздух. Свежий воздух. Самое то, что надо. А потом, пожалуй, не мешало бы и в Миссию вернуться. Или, по крайней мере, в Земной сектор; там он хотя бы понимает, как себя вести.

Низко над улицей висел недовольный, налитый слезами глаз солнца. Темно-лиловые, фиолетовые тени укутывали дома в уютный полумрак. Улицы стали более оживленными; появились даркованe в шелковых цветастых рубашках и коротких штанах, даркованки, до бровей укутанные в меха. А вот мимо проскользнул кто-то высокий, невидимый под серым плащом с капюшоном, сплетенным из отблескивающих металлом колец; но фигура явно нечеловеческая.

Кервин замедлил шаг и поднял взгляд на пламенеющий небосвод — и тут на глазах у него солнце скатилось за горизонт, а небо стремительно заволокла тьма; тьма, подобная огромным мягким крыльям, сложившимся и укрывшим светило, во мгновение ока наступившая ночь, давшая имя планете. По черному бархату неба раскинула ослепительный блеск диадема из крупных белых звезд, в которую, словно два рубина, были несимметрично вправлены небольшие луны.

Кервин замер столбом посреди улицы, задрав голову к небу, и глаза его влажно блестели, и он не стыдился этих слез. Значит, это не было наваждением. Он снова дома. Он опять увидел, как стремительно чернеет красное небо, и в черноте загорается звездная диадема. Он так и стоял до тех пор, пока вдруг ощутимо не похолодало, а звездный блеск подернулся пеленой ночного тумана. Тогда Джефф медленно продолжил путь. Сигнальные огни на крыше Миссии служили надежным ориентиром из любой точки Торгового города, и Кервин нехотя двинулся в направлении порта.

С ума у него не шла девушка-даркованка, которую он так странно вдруг взял и отверг. Радушное и жаждущее услужить создание — чего еще,

казалось бы, можно желать в первый вечер по возвращении домой?

Он ощутил странный беспокойный зуд; некая толком не сформулированная проблема настоятельно требовала решения. Возвращение домой? Домой — это значит к своим. На Земле он не чувствовал себя дома; бабушке с дедушкой сам по себе он не был нужен — только как замена Джеффу Кервину-старшему. А в космосе? Пожалуй, самым близким другом ему следовало считать Эллерса; а кто такой, собственно, Эллерс? Натуральный космический *бомж*. Межпланетный летун во всех смыслах. Ни с того, ни с сего Кервину прямо посреди улицы остро захотелось ощутить корни, почувствовать себя среди своих — то, в чем ему до настоящего времени все упорно отказывали. Призрачным, неотвязным эхом в ушах его зазвучали собственные, сказанные с самоуничижительной иронией слова: «А я-то надеялся, будто сын и наследник…»

Именно эта фантазия заманила его на Даркоувер; мечта, что наконец ему удастся отыскать корни и приникнуть к ним. Иначе зачем он подавал рапорт о переводе с последней планеты, из системы Вольфа? Интересной работы у него там было по горло, женщин — хоть отбавляй,

приятелей и того больше, а приключений на собственную задницу — так просто немерено. Ан нет, все время где-то глубоко сидело и неотвязно зудело одно и то же: вернуться домой; на Даркоувер.

И вот теперь, когда он вернулся, когда снова увидел, как стремительно опускается тьма и вспыхивают звезды, — неужели этим все и кончится? Может, действительно мать его была обычной портовой девкой — такой же, как только что неуклюже пыталась заигрывать с ним? А отец… что ж, как справедливо заметил Раган, отец хотя бы подсуетился оформить на него имперское гражданство.

Ладно, он все равно размотает эту ниточку до конца. Выяснит, кто была его мать, почему отец отдал его в приют, как и где умер… А потом…

Ночной туман тем временем сгустился, и уже начинал моросить мелкий ледяной дождь; днем было настолько тепло, что у Кервина совершенно вылетело из головы, как быстро в это время года яркие звезды скрываются за пеленой слякотного тумана. Джеффа зазнобило, и он ускорил шаг.

По краю площади, примыкающей к космопорту, выстроился длинный ряд всевозможных кафе и ресторанчиков; Кервин забрел в первый

попавшийся. Отгородившийся от ночной непогоды толстыми стенами и мягкими уютными занавесями, ресторанчик, как и недавний бар, не производил впечатления ни чисто даркованского, ни совсем уж земного. Среди посетителей можно было увидеть как портовых служащих в форме, так и даркован. В тусклом свете все лица представлялись размытыми пятнами, и Кервин не стал искать знакомых с «Короны юга». В ресторанчике пахло едой, даркованской едой, и у Кервина потекли слюнки. Вот, оказывается, в чем дело: он проголодался.

Он примостился у стойки и заказал ужин, а когда заказ принесли, с наслаждением впился зубами в жестковатое мясо. Поблизости неторопливо трапезничали двое даркован, одетых побогаче большинства местных Жителей — в цветастых плащах и высоких сапогах; на поясах блестели драгоценные камни, а ножны кинжалов были украшены резьбой. У одного из них шевелюра отсвечивала огненно-рыжим, и Кервин недоуменно приподнял брови: вообще-то, даркованe были смуглой и темноволосой расой, и в детстве Кервин нередко ловил на себе недоуменные взгляды — даже в Торговом городе. В приюте его называли Талло, Рыжим; но даркован-

ские нянечки и воспитательницы, прослышав об этом, так сурово наказывали несдержанных на язык, что уже тогда он не мог не задуматься. Каким-то образом у него сложилось впечатление — хотя даркованскому персоналу запрещалось рассказывать детям о местных суевериях — что с рыжими волосами связаны какая-то дурная примета или табу.

За годы, проведенные на Земле — может, потому что там рыжие волосы далеко не в диковину — воспоминание об этом как-то стерлось… Кстати, не исключено, этим и объясняется поведение Рагана: если рыжие волосы тут такая редкость, а у тебя есть приятель — рыжий, то, завидев издали огненную шевелюру, нетрудно решить, что это как раз он и есть.

Громкоговоритель на стене шумно прокашлялся и объявил металлическим голосом:

— Внимание, внимание! Всем, у кого запаркован транспорт на взлетном поле, явиться во Второй отдел. Все авиарейсы на сегодня отменяются. Повторяем: отменяются. «Корона юга» отбывает по расписанию; немедленно освободить взлетное поле от всего личного авиатранспорта. Повторяем…

Один из сидевших неподалеку от входа выра-

зился кратко, но энергично, натянул разукрашенную золотым шитьем шапочку с козырьком и, тяжело ступая, исчез в пелене дождя. По ресторанчику пронесся порыв пронизывающего ветра, и ближайший к Кервину даркованин со смешком сказал своему сотрапезнику:

— *Эса соу вхалле Терра акуалле…*

Второй покосился на Кервина и произнес что-то еще более оскорбительное на городском диалекте.

Джеффа затрясло. С раннего детства и до зрелых лет он так и оставался по-ребячески чувствителен к оскорблениям. На Земле он был даркованином, чужаком, диковиной; здесь, на Даркоувере, он вдруг почувствовал себя землянином. И события дня прошедшего как-то не очень способствовали смягчению его права. Но он сдержал ярость и только проронил, обращаясь к пустому табурету по левую руку:

— Болотный кролик захлебнется под дождем, если только у него не хватит мозгов держать рот на замке.

Даркованин резко отодвинул стул и развернулся к Кервину, сшибив со стола свой стакан. Громко дзенькнуло разлетевшееся стекло, что-то испуганно проблеял официант — и все головы вокруг

повернулись в их сторону. Кервин настороженно сполз со вращающегося табурета. Теперь он словно бы наблюдал за сценой со стороны, причем в изрядном замешательстве. Хорошенькая устанавливается традиция — что ни бар, то скандал; похоже, банкет по случаю возвращения блудного сына кончится тем, что его отволокут в местную каталажку и впаяют срок за пьяный дебош.

Затем второй даркованин схватил своего сотрапезника за локоть. Взгляд того медленно поднялся и остановился на рыжей шевелюре Кервина, отливающей огнем в свете настенной лампы.

— Комъин! — вырвался у даркованина сдавленный возглас.

«А это что еще значит, черт побери?» — мысленно поинтересовался Джефф.

Забияка затравленно метнул взгляд на своего спутника, но сочувствия в лице того не нашел. Он потоптался на месте, отступил на шаг, прикрыл рукой лицо и пробормотал что-то неразборчивое; потом рванулся к выходу — неуверенно, словно лунатик, уворачиваясь от встречных столов, — и нырнул в дождь.

Только сейчас Кервин обратил внимание, что все вокруг не сводят с него глаз; он сумел, не ми-

гая, выдержать пристальный взгляд официанта, и тот в конце концов удалился по своим делам. Джефф опустился обратно на табурет и отхлебнул из чашки, в которую был налит местный эквивалент кофе — содержащий кофеин и напоминающий по вкусу горький шоколад; напиток успел остыть.

Оставшийся рыжеволосый даркованин поднялся из-за стола, подошел к Кервину и опустился на соседний табурет.

— Кто вы такой, черт побери?

Вопрос был задан на портовом жаргоне, но даркованин изъяснялся на нем неуверенно, с усилием выговаривая каждое слово. Кервин со вздохом отставил чашку.

— Фигли-Мигли, мастер сглаза, очень древнее божество, — представился он. — И каждое столетие лежит на памяти невыносимым грузом. Отвали-ка лучше, а то мигом наведу порчу, как на твоего приятеля.

Рыжеволосый усмехнулся — не без издевки и весьма недружелюбно. Похоже, он был примерно одного возраста с Кервином.

— Никакой он мне не приятель, — сказал даркованин, — но и вы явно не тот, кем кажетесь. Похоже, его бегство удивило вас сильнее всех в

этом заведении. Дело в том, что он подумал, будто вы из моих родичей.

— Ваша мать, часом, не из Ирландии? — вежливо поинтересовался Кервин. — Нет? Тогда извините. Что до меня, то я происхожу из древнего и знатного рода человекоящеров с Арктура.

С этими словами он взял со стойки чашку и снова приник к густой холодной жиже. Несколько секунд он чувствовал на себе недоуменный взгляд рыжеволосого; наконец тот отошел, пробормотав под нос: «Землянин!» — таким тоном, что одно это слово прозвучало как оскорбление.

Теперь, когда было уже поздно, Кервин пожалел, что не ответил повежливей; его так и подмывало броситься за даркованином и потребовать объяснений. Останавливало только ясное осознание того, чем это, в лучшем случае, кончится: очередным щелчком по носу. Он оставил на стойке несколько монет и снова вышел в ледяную слякоть.

Звезды исчезли. Было темно и холодно, громко завывал ветер, и каждый шаг требовал изрядных усилий. Кервина тут же начал бить озноб. Ну почему он вырядился в одну тоненькую рубашку, почему не купил ничего теплого… Черт побери, так ведь купил! Одеяние, может, и несколько

экстравагантное, но на таком ветру — самое то, что надо. Онемевшими пальцами он развернул сверток, извлек отороченную мехом накидку, набросил на плечи и поплотнее укутался.

Мягкая гибкая замша надежно защищала от ветра; мех приятно ласкал кожу. Завидев ярко освещенный вестибюль отеля «Небесная гавань», Кервин вспомнил, что так и не явился в Миссию и, соответственно, не получил ордера на жилье; теперь надо было искать, где переночевать. Почему бы не поинтересоваться насчет свободных номеров прямо в «Небесной гавани»? Он пересек вестибюль и направился к табличке «Регистрация».

— Вам туда, — на мгновение подняв голову, буркнул дежурный и снова углубился в регистрационную книгу.

Изумленный Кервин дернулся было возразить — неужели в Гражданской службе позаботились заранее забронировать ему номер? — но только пожал плечами и отправился к указанной двери.

За нею оказалась просторная комната с длинным столом посередине; тут и там стояли непривычной формы кушетки и диваны; в камине горел огонь. За большим окном царила ночь, и в черном стекле отчетливо отражался Джефф

Кервин-младший: высокий, с мокрыми свалявшимися рыжими прядями, с замкнутым лицом одиночки-интроверта; искатель приключений, которого все почему-то словно сговорились приключения-то и лишить. На вороте у зеркального двойника поблескивало золотое шитье; у Кервина начисто вылетело из головы, что на нем накидка. До боли знакомое лицо, незнакомый наряд… Кервин вздрогнул, ощутив укол некоего смутного воспоминания.

Так вот в чем дело! Очевидно, увидев даркованский наряд, дежурный регистратор принял Кервина за кого-то другого. Пожалуй, это объясняло все. Итак, на Даркоувере, в Торговом городе у Кервина есть двойник или почти двойник — тоже рыжеволосый, тоже высокий, обладающий таким внешним сходством, что нетрудно попасться на удочку, если пристально не вглядеться.

Что там лепетал тот даркованин в ресторанчике? *«Комъин»*. Может, так зовут его двойника? *«Комъин»*, — мысленно проговорил Кервин. Что-то смутно знакомое чудилось в этом сочетании звуков.

— Что-то ты рано сегодня, *комъин*, — прозвучал за спиной девичий голос; Джефф развернулся и увидел ее.

В первое мгновение ему показалось, будто это земная девушка — из-за золотисто-рыжих волос, собранных на затылке в тугой узел. На ней был распахнутый плащ, а под ним — простое платье, облегающее стройную фигурку. Пялиться в общественном месте на даркованскую девушку — оскорбление, наказуемое смертью (если поблизости есть родственники, которые не преминут оскорбиться) — но эта, весело улыбаясь, смотрела прямо в глаза Кервину. Поэтому, даже по некотором размышлении, Джефф остался при том же мнении.

— Как вы сюда попали? — поинтересовалась девушка. — Мы же, кажется, договаривались прийти все вместе.

Щеки Кервина вспыхнули жаром, и камин тут был ни при чем.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я… не думал, что это частная комната. Меня направили сюда — вероятно, по ошибке. Я немедленно уйду.

Девушка изумленно уставилась на него; улыбка ее померкла.

— Что вы имеете в виду? Нам же столько всего надо обсудить… — Она осеклась на полуслове и неуверенно произнесла: — Но вы… или я ошиблась?

— Вы или не вы, но кто-то точно ошибся… — начал было Кервин, но осекся. Девушка говорила не на терра-стандарте и не на жаргоне Торгового города. Она говорила на языке, которого он не слышал ни разу в жизни — и, тем не менее, он прекрасно понимал ее; в первые мгновения диалект показался настолько знакомым, что Кервин и внимания не обратил, что они говорят на неизвестном языке.

Девушка остолбенело замерла, приоткрыв рот.

— Всемогущий Алдонай! — вырвалось у нее. — Кто же вы такой?

Кервин собрался было представиться; но тут им снова овладел тот же гневливый бес, которого ему в присутствии красивой девушки удавалось пока держать в узде. Ну и тип, должно быть, этот его загадочный двойник!

— Что, не узнала еще? — отрывисто поинтересовался он. — Я же твой старший брат Билл, позор семьи; сбежал из дому в шесть месяцев и все это время был в плену у пиратов. Продолжение в следующем выпуске.

Она непонимающе мотнула головой, и Кервин догадался, что вряд ли она может оценить сарказм — тем более, скорее всего, на незнакомом языке.

— Но… разве вы не один из нас? — поинтересовалась она все на том же загадочном наречии, которое Кервин понимал, если не слишком напрягался. — Может, из Потаенного города? Кто вы такой?

Джефф раздраженно оскалился; эта идиотская игра его уже порядком утомила. «Скорей бы уж, что ли, — мелькнуло у него, — появился тот тип, за которого она меня принимает; тогда можно было б хоть дать ему по морде».

— Послушайте, девушка, вы меня с кем-то путаете. Ничего я не знаю об этом вашем Потаенном городе — наверно, он слишком хорошо затаился… На какой, кстати, планете? Вы ведь не с Даркоувера?

Если раньше она была просто изумлена, то теперь ее как громом поразило.

— Но вы же понимаете меня! Послушайте, — перешла она на городской диалект, — нам надо хорошенько во всем разобраться. Тут что-то очень странное. Где бы мы могли поговорить?

— Чем плохо здесь и сейчас? — поинтересовался Кервин. — Послушайте, меня тут, конечно, давно не было, но кое-что я еще помню. Я неплохо знаю местные законы, и мне совершенно не улыбается, чтобы в первые же двадцать четыре

часа по возвращении мне привесили покушение на убийство — если у вас вдруг окажутся какие-нибудь чувствительные родственники мужского пола. Если вы, конечно, даркованка.

Личико, напоминающее какого-нибудь сказочного персонажа, эльфа или фею, скорчилось в удивленной гримасе.

— Не могу поверить. Похоже, вы действительно не знаете, кто я. Но это и не важно.

— Для меня важно, — сухо произнес Кервин. — Хотя бы просто ради смеха: скажите, как вас зовут и за кого вы меня приняли — и я тут же удалюсь; не буду мешать вашему… рандеву.

— Но так нельзя, — сказала девушка.

На личике у нее застыло какое-то непонятное выражение, то ли удивления, то ли потрясения — можно подумать, Кервин заявил, что ему остается жить только час. Похоже, за сегодняшний вечер у него развилась премилая способность — до полусмерти пугать людей, безо всякого злого умысла, просто так. Нет, если этот его загадочный двойник появится-таки, Кервин обязательно даст ему по морде — для профилактики, из общих соображений.

— Пожалуйста, не уходите, — проговорила девушка. — Если бы здесь был Кеннард…

— Тани! — прервал ее хриплый басовитый голос.

«Похоже, мир окончательно сошел с ума, — думал, разворачиваясь к новоприбывшему, Кервин. — Интересно, увижу я сейчас свое зеркальное отображение?» Зеркального отображения он не увидел; вновь пришедший был, как и девушка, высок, светлокож, с густой золотисто-рыжей шевелюрой. В первое же мгновение Джефф проникся к нему инстинктивной неприязнью — даже прежде чем узнал в нем рыжеволосого из бара.

Достаточно было одного взгляда — и рыжеволосый скорчил такую мину, будто вот-вот заголосит о вопиющем нарушении приличий.

— Остер, — торопливо произнесла девушка, — я только хотела…

— Землянин!

— Я подумала, это кто-то из наших.

— Это человекоящер с Арктура, — сердито покосился на Кервина Остер. — По крайней мере, так он мне сам сказал.

Затем он обрушил на девушку целый поток слов — скорее всего, на том же загадочном языке, но столь стремительно, что Кервин не понимал ни звука. Впрочем, понимать было и не обязательно: достаточно было слышать тон. Рыжеволосый

был страшно разозлен.

— Ну не надо, Остер, не надо, не так все мрачно, — вмешался густой, рокочущий бас. — А ты, Таниквель, прекращай дразниться. — В комнате появился еще один человек, тоже рыжеволосый. Но в его огненной шевелюре мелькали седые пряди, и он сильно сутулился, словно под грузом лет. Глаз его почти не было видно под кустистыми бровями — настолько густыми, что это граничило с противоестественным. — Меня зовут Кеннард, — представился он, — я третий в Арилиннской башне. А из какого Гнезда вы? Кто у вас Хранительница?

Кервин был уверен, что тот так и сказал: «Хранительница».

— Обычно меня выпускают гулять одного, — сухо отозвался он.

— Ошибочка вышла, Кеннард, — издевательски произнес Остер на портовом жаргоне. — На самом деле наш друг… э-э, крокодил с Арктура; по крайней мере, по его словам… Очевидно, он — землянин.

— Но это невозможно! — воскликнул Кеннард.

Джефф решил, что атмосфера становится слишком уж напряженной.

— Глубоко сожалею, — начал он и к собственно-

му удивлению осознал, что обычный вежливый оборот приобрел буквальный смысл. — Я действительно землянин. Но детство мое прошло на Даркоувере, и я привык считать эту планету своим домом. А теперь прошу прощения, если помешал. Доброй ночи, и прощайте.

— Заяц-трусишка! — еле слышно буркнул под нос Остер; или что-то в этом роде.

— Подождите, пожалуйста, — произнес Кеннард; Кервин, уже на полпути к двери, обернулся. — Если вы располагаете некоторым временем, я хотел бы поговорить с вами.

Джефф покосился на Таниквель и уже готов был уступить; но стоило перевести взгляд на Остера — и это решило дело.

— Спасибо, — вежливо отозвался он, — но я уже опаздываю. Прошу прощения, если помешал веселью.

Остер, брызжа слюной, выпалил что-то неразборчивое.

— Да осветят луны ваш путь, — церемонно поклонился Кеннард.

Таниквель ладошкой зажала рот и замерла изваянием, глядя на Кервина широко раскрытыми золотистыми глазами. Тот замялся, борясь с искушением потребовать объяснений; но воз-

можность пойти на попятный и сохранить при этом лицо он уже упустил.

— Доброй ночи, — повторил он, и тяжелая дверь, закрываясь за ним, громко хлопнула; признание своего поражения почудилось ему в этом хлопке… и предчувствие того, что это еще только начало.

Мелкая ледяная морось сгустилась в зябкий, пронизывающий до костей туман. Кервин поплотнее укутался в накидку и только тут обратил внимание, что она до сих пор на нем. «Боже мой, — промелькнула мысль, — не удивительно, что девушка так была ошеломлена, когда я заявил, что землянин. Должно быть, я смахивал на настоящего психа».

Над темными обледеневшими улицами, скрывая луны и звезды, вихрился густо-лиловый туман, и пахло от него опьяняюще-свежо. Причудливым светящимся деревом проступало через туман здание Миссии, и Кервин понимал, что там его ждут только тепло и уют безо всяких неожиданностей; не исключено, Эллерс уже пришел в себя и, обнаружив, что остался один, вернулся в Миссию.

За кого б его тут ни принимали, хуже не будет, если он еще немного побродит по городу. Гос-

поди Боже, это ведь его родная планета! Здесь он родился. Здесь жил. Он не какой-нибудь наивный землянин-космофлотчик, которому строго-настрого наказали: ни шагу из туристского квартала. Он знает город — когда-то знал, по крайней мере — и местный язык. «Оставьте со мной ребенка до семи лет, а потом пускай забирает его кто угодно». Этот суровый древний святой знал, что говорил. Кстати, землянин. Ergo, Кервин — даркованин. И всегда им будет. Он вернулся домой, и, в первую очередь, надо бы хорошенько осмотреться.

На улицах почти никого не было; изредка навстречу попадались закутанные в мех фигуры, сгорбившиеся под напором пронизывающего ветра. С громким топотом Кервина обогнало какое-то крошечное создание — и одного брошенного снизу вверх взгляда зеленых глаз, за которыми светился человеческий разум, было достаточно, чтобы рука Кервина бессознательно дернулась в защитном жесте; ибо *кирри* — странные существа, они живут электрической энергией и вырабатывают электростатические поля, так что по неосторожности можно схлопотать очень сильный, почти смертельный удар током.

Дрожащая от холода девушка, кутаясь в тон-

кую меховую накидку, с надеждой бросила на Кервина взгляд и что-то пробормотала, но не на портовом жаргоне, а на языке Старого города, на котором он умел говорить, когда на терра-стандарте еще и двух слов связать не мог (Э, откуда вдруг он это вспомнил?), и Кервин нерешительно замедлил шаг, тронутый грустным взглядом девушки и тем, как она непохожа на официантку из бара; но тут она подняла глаза на его рыжую шевелюру, выдохнула что-то неразборчивое и метнулась прочь.

Джефф медленно зашагал через площадь, смакуя незнакомые запахи и звуки. Он остановился у лотка, где пожилая женщина торговала жареной рыбой; рыба швырялась в громко шипящее прозрачное зеленоватое масло, но под жаровней не было и намека на огонь. Торговка подняла голову, разразилась речью на городском жаргоне — слишком обильно уснащенной сленгом, чтобы Кервин что-то понял — и вручила ему рыбину на зеленом листе. «Интересно, — мелькнула и тут же скрылась мысль, — откуда они берут зеленые листья?» Он выложил на лоток несколько монет, и торговка испуганно отшатнулась; в ее неразборчивом лопотании ему снова почудилось это загадочное слово: «Комъин».

Вот ведь дьявольщина! Ну сколько можно людей пугать? Хоть в космопорт возвращайся. Может, все дело в экзотическом наряде? Джефф с радостью снял бы накидку, но одетым по-земному… ну, в общем, шляться в одиночку по Старому городу — это не безопасно.

Ага, вот он и признался! Именно о таком маскараде на самом-то деле он и думал, покупая накидку.

Но слишком уж на него глазели. Он развернулся и направился в обратный путь, ориентируясь на огни здания Миссии. Было уже очень поздно; на мостовых блестел лед, и квартал казался обезлюдевшим.

За спиной послышались шаги — неторопливые, можно даже сказать, целеустремленные — и Кервин обернулся. Негромко, почти бесшумно ступая, его нагоняла закутанная в плащ фигура с низко надвинутым капюшоном. Джефф посторонился, освобождая проход.

Это была ошибка. С боевым кличем неизвестный в плаще — явно не-человек — бросился на Кервина, одним прыжком одолев разделявшие их футов двенадцать. Кервин ощутил жгучую боль, потом в голове у него что-то взорвалось, и призрачный, далекий голос принялся выкрики-

вать странные слова:

— Передай сыну варвара, чтоб не возвращался более на равнины Арилинна! Башня погублена, и Золотой Колокольчик отомщена!

«Ну что за бред», — отметил про себя Кервин и полетел в черноту.

3

Шел дождь.

На лицо падал серый свет, и кто-то пронзительно, рыдающе голосил:

— Ай-ай-ай! Ай, *комъин*!

Его подняли с брусчатки; в голове снова что-то с грохотом взорвалось, и Джефф Кервин опять погрузился в забытье.

Внезапно в мозгу у него, вплоть до самых дальних закоулков, полыхнул ослепительный белый свет. Кто-то трогал его за голову, и та отзывалась адской болью.

— Полегче, полегче! — хрипло простонал Кервин, и свет убрали.

Он лежал в стерильно белой палате на стерильно белой постели, а над ним стоял, склонившись, человек в белом халате и шапочке с золоченым кадуцеем[1] — эмблемой Медицинского корпуса.

— Ну что, вы уже в порядке?

Кервин собирался было кивнуть, но тут в го-

---

[1] notes: 1

От латинского caduceus; в мифологии — обвитый двумя змеями магический жезл, атрибут древнегреческого бога Гермеса и его древнеримского двойника Меркурия.

лове у него снова что-то с грохотом взорвалось, и он передумал. Доктор вручил ему бумажный стаканчик с красной жидкостью; во рту словно вспыхнул огонь, а пищевод отозвался нестерпимым жжением, зато перестала болеть голова.

— Что случилось? — поинтересовался Джефф.

Отворилась дверь, и в палату просунул голову Джимми Эллерс; глаза его были налиты красным.

— И ты еще спрашиваешь! Нажрался и отрубился я — но схлопотать по кумполу умудрился ты, и обчистили почему-то тебя. Зеленый кадет прямо, честное слово!

— Вам повезло, у вас крепкая голова, — с укоризной произнес доктор. — А то ведь все могло кончиться гораздо хуже.

Неужели ему все привиделось? Неужели его просто избили и ограбили в Старом городе, а остальное — это был только сон: его причудливые блуждания в даркованском наряде, незнакомые люди, принимавшие его за кого-то другого? Шутки подсознания — желаемое выдается за действительное, тяга обрести семью сублимируется?..

А златоглавая Таниквель — это тоже сон?

— Какой сегодня день?

— Все тот же самый; то есть утро после вчерашней ночи, — отозвался Эллерс.

— Где это произошло?

— Не знаю, — ответил доктор, направляясь к дверям. — Очевидно, кто-то нашел вас, перепугался и оттащил на портовую площадь — примерно на рассвете.

С этими словами он вышел из палаты.

«Пожалуй, прямо сейчас эта головоломка для меня сложновата», — решил Кервин, перевернулся на другой бок и закрыл глаза. Раган, официантка из пивного зала и рыжеволосые аристократы проплыли, кружась в хороводе, в его засыпающем мозгу. Если поначалу ему казалось, что возвращение на Даркоувер обернется только парой-тройкой ностальгически оброненных слез… что ж, приключений этой ночи ему хватит лет на пять — десять вперед.

Увы, никакой демон саркастически не шепнул ему на ухо, что настоящие приключения еще и не начинались.

На следующее утро в транспортный отдел явился уже совершенно другой Джефф Кервин — изрядно протрезвевший. Во взгляде Легата особенного энтузиазма не читалось.

— Тут нужны медики и техники, а мне при-

сылают связиста! Понимаю, вы тут ни при чем; Даркоувер — не шибко популярное место, вот в штабе и лезут из кожи вон, чтобы хоть кого-то сюда засунуть. Я слышал, вы сами попросили перевода сюда — значит, не исключено, мне удастся задержать вас тут подольше; обычно мне присылают стажеров, а те немедленно переводятся отсюда, как только выслуживают право этого требовать. Ну ладно, что есть, то есть. Я слышал, вы угодили в какую-то заварушку, когда разгуливали один по городу? Не самая удачная выдумка.

Следуя наводящим вопросам легата, Кервин изложил свое ночное приключение — опустив только упоминание о троих рыжеволосых в «Небесной гавани». Зачем он это сделал, он и сам толком не понимал; возможно, из-за девушки.

— Откуда такой интерес к Даркоуверу, Кервин?

— Я здесь родился, сэр, — угрюмо набычившись, произнес Кервин. Если из-за происхождения ему грозят какие-то дискриминационные меры… что ж, он предпочел бы узнать об этом сразу. Но легат только стал еще задумчивей.

— Может быть, вам очень повезло, — наконец произнес он. — Даркоувер — странное место. Я-то сам сюда никогда не рвался; просто угораздило

в свое время ввязаться в политику… В общем, что-то вроде почетной ссылки. А если вам здесь действительно нравится, вы можете сделать очень неплохую карьеру. Обычно, правда, никто тут не задерживается дольше, чем приходится по службе.

— Я сам толком не знаю, что меня сюда привело, — задумчиво произнес Джефф. — Так… детские воспоминания. Только почему-то очень уж навязчивые. Чуть ли не в форме приказа.

— Вдохнуть аромат родного воздуха, почувствовать на лице лучи родного солнца… — вздохнул легат. — Знал бы ты, парень, как мне это знакомо. Я в космосе уже сорок лет; я повидал десятки миров. Но умереть хотел бы на Земле. — Он протянул Кервину руку — настолько эмоционально, что тому на мгновение стало не по себе. — Оставайся, сынок, если тебе тут по душе. «Цветут пусть звезды дивным садом, дивней нет мира, и не надо…» — Он умолк. — Ну ладно; так кто были твои родители?

Кервин вспомнил официанток в портовом баре и тут же постарался забыть о них. «По крайней мере, отец хоть позаботился отдать меня в приют, а то таскали бы меня, как маленького Рагана, по всему сектору… *Но откуда я это знаю?*»

— Кервин… — задумчиво протянул легат. — Где-то я это имя уже слышал. Если он здесь женился, в архивах наверняка должны были остаться какие-то сведения. — Выдвигать контртезиса он не стал. — Обычно они довольно аккуратно ведут записи. Как правило, найденыши официально передаются под опеку городским Иерархам. А вас мало того, что взяли в Приют Астронавта, так еще и отправили на Землю — это вообще величайшая редкость. А то оставили бы вас здесь и устроили работать при Миссии — картографом, там, или переводчиком… Не исключено, что мать ваша могла быть кем-то из здешнего медицинского персонала.

— А я думал, может, во мне есть даркованская кровь…

— Сомневаюсь. Среди землян рыжие волосы не редкость — тем более в космосе, куда тянет людей авантюрного склада. Но ни разу в жизни не видел рыжего даркованина.

«А я вот видел троих», — хотел сказать Кервин, но не смог. Буквально не смог; к горлу словно подступил удушливый ком и никак не желал сглатываться. Легат тем временем делился своими впечатлениями от Даркоувера:

— Странное место. Согласно Пакту, мы держим

за собой только крохотные клочки территории, в целях развития торговли — как и на любой другой планете. Ну да не мне вам объяснять. Местные правительства мы, как правило, оставляем в покое. Ведь как оно обычно все происходит на любой другой планете: стоит народу увидеть нашу технику, почувствовать, что мы можем им предложить — тут же им надоедают всякие их монархии или иерархии, и они сами начинают просить, чтоб их пустили в Империю. Это надежно, как математическая формула. Но на Даркоувере она почему-то не работает. — Он стукнул по столу кулаком. — Они говорят, черт побери, что нам нечего им предложить! О, иногда они снисходят до торговли с нами: обменивают платину, золото или матричные кристаллы — знаете, что это такое? — на оптические приборы, медикаменты или какие-нибудь предметы роскоши. Но они не проявляют ни малейшего интереса к тому, чтобы организовать производство или наладить настоящую торговлю.

По словам легата, выходило так, что даркованами правит некая высшая каста — уединенно живущая, неподкупная и недоступная. В городах никто из них почти никогда не появлялся; это была настоящая загадка, головоломка.

— На самом-то деле, единственное, что их по большому счету заинтересовало изо всего, что мы могли предложить — это лошади. Подумать только, лошади! Пару веков назад кому-то пришло в голову завезти сюда несколько десятков — и Хастуры тут же купили их, всех до последней. Теперь по здешним степям носятся уже целые табуны… Чертова отсталая планета! Лошади им подошли, а вот автомобили, видите ли, не подходят — говорят, будто не хотят строить дорог. Правда, иногда они покупают самолет-другой… — Легат подпер голову ладонями и снова вздохнул: — Не планета, а сплошное безумие. Я просто ничего не понимаю. Может, вам больше повезет?

После работы Кервин отправился в более респектабельный район Торгового города, к Приюту Астронавта. Дорогу он помнил до мельчайших подробностей. И вот он снова стоял перед высоким мрачноватым зданием, непривычно выглядящим в окружении покрытых бледной листвой деревьев. Над входом яркой медью горела эмблема Космофлота Империи — звезда и ракета. Вестибюль был пуст, но за приоткрытой дверью одного из классов Кервин разглядел несколько мальчиков и девочек, обступивших большой глобус. Из дальнего крыла доносились веселые

крики — там был игровой зал; звуки заглушались толстыми стенами, и Кервин не мог разобрать ни слова.

В директорской (она же приемная) — главном кошмаре детства — Кервин дождался, пока к нему не подошла по даркованской моде одетая дама, в скромном свободном платье и меховой накидке, и спокойным радушным голосом не поинтересовалась, чем может помочь.

Когда он объяснил, с чем явился, она сердечно протянула ему руку.

— Значит, вы из наших воспитанников? Знаете, наверно, тогда я тут еще не работала. Как, говорите, вас зовут?

— Джефф Кервин-младший.

Она нахмурила лоб, из вежливости изобразив глубокую задумчивость.

— Не исключено, что ваше имя попадалось мне в архиве. Во сколько лет вас забрали из Приюта? В двенадцать? О, это необычно. Как правило, наши мальчики живут здесь до восемнадцати. Потом, после выпускных экзаменов, Миссия распределяет их на работу.

— Меня отправили к бабушке с дедушкой. На Землю.

— В любом случае, здесь должны храниться

сведения обо всех наших воспитанниках. Если известны родители… — она замялась. — Разумеется, при оформлении мы стараемся занести в архив всю информацию на тех, кто к нам поступает; но иногда имя одного из родителей может не указываться, если отец предпочел…

— Вы хотите сказать, если моя мать была портовой девкой, так?

Дама кивнула, поморщившись от такой прямоты.

— Подождите минуточку.

Она удалилась в небольшой смежный кабинет. Сквозь приоткрытую дверь Кервин разглядел компьютер и девушку в аккуратной форме. Мгновением позже дама вернулась с выражением озадаченным и слегка раздраженным.

— Не понимаю, о чем это вы говорите, мистер Кервин, — отрывисто произнесла она. — В наших списках вас не значится. И никогда не значилось.

— Вы шутите! — оторопело уставился на нее Джефф. — Я жил тут до двенадцати лет!

— Прошу прощения, — покачала она головой, — но никакого Кервина у нас в списках нет. Вы не могли, скажем, поступить под каким-то другим именем?

— Вряд ли, — озадаченно протянул он.

— Более того, в архиве нет ни единого упоминания о том, чтобы кого-то из наших мальчиков отправляли на Землю. Такое… крайне маловероятно.

Кервин шагнул вперед и угрожающе навис над женщиной.

— Что за дурацкие шутки?! — разъяренно выдохнул он. — Я жил здесь — двенадцать лет! Меня действительно отправили на Землю! Я могу доказать это, черт побери!

— Пожалуйста… — съежившись, отпрянула дама.

— Послушайте, — извиняющимся тоном начал Джефф, уже сожалея о своей вспышке, — прошу прощения, я вовсе не хотел… Разве не могли имя как-то перепутать, исказить?..

— Да, конечно — если вы поступили под другим именем.

— Да нет же, черт побери! — взорвался он. — Всю дорогу меня так и звали — *Кервин!* В каком-то из классов тут, наверху, меня учили, как пишется мое имя.

— Прошу прощения, но никого по имени Кервин в наших списках не значится, — холодно повторила дама. — Но если вы так настаиваете… — Она

кивнула на каморку с компьютером. — Можете сами убедиться.

Она сняла с него отпечаток большого пальца; сунула карточку в гнездо. Машина обратила к Кервину свой безмолвный железный лик — сканируя карту, роясь в базе данных. Отпечатки пальцев не меняются; где-то в недрах этого железного ящика должна найтись запись, что был тут некогда такой Джефф Кервин, которого одноклассники звали *Талло*, по-дарковански «Рыжий».

Скорости IBM измеряются миллисекундами; ни щелканья, ни гуденья — того, что простые смертные обычно связывают с большими машинами — ничего этого на самом деле нет. Сверхъестественно быстро наружу выскочила карточка. Кервин перегнулся через стол и подхватил ее прежде, чем его опередит дама из приемной — но вот он перевернул карточку, и железная уверенность в том, что дама лжет, куда-то испарилась, и холодный ужас парализовал все его существо. Вердикт безличного печатающего устройства гласил: «В списках не значился».

Дама извлекла карточку из его безвольно ослабевших пальцев.

— Не станете же вы обвинять во лжи машину, —

холодно произнесла она. — Теперь, пожалуйста, я попросила бы вас удалиться. — Тон ее лучше всяких слов давал понять, что если Кервин не удалится сам, ему помогут.

Онемевшими пальцами Кервин вцепился в угол стола. Ему казалось, он снова в открытом космосе — беспощадно холодном, головокружительно пустом.

— С ума я, что ли, сошел? — побелевшими губами выдавил он. — А на Даркоувере не может быть еще одного Приюта Астронавта?

Дама смерила его долгим взглядом, и, в конце концов, раздражение сменилось даже чем-то похожим на сочувствие.

— Нет, мистер Кервин, не может. Почему бы вам не обратиться в Миссию, на восьмой этаж? Если что-то не так — это скорее по их части.

Кервин судорожно сглотнул и вышел. Восьмой этаж, Отделение неврологии и психиатрии.

Она думает, что я сумасшедший.

А что если?..

С трудом передвигая одеревеневшие ноги, он спустился по лестнице и вышел на улицу, на прохладный воздух. Они все врут, все врут…

Нет. Это образ мыслей параноика; они — таинственные и неуловимые *они* — его обманывают.

«Но черт побери, — думал Кервин, пытаясь хоть как-то снова уцепиться за реальность, — черт побери, я же тут жил; вон окно моей бывшей спальни».

Его так и подмывало подняться наверх и проверить, остались ли на спинке кровати из таллатового дерева вырезанные когда-то им инициалы — ДЭК. Нет, лучше не стоит. С его везением, он наверняка нарвется на толпу детей; припаяют, чего доброго, попытку растления малолетних, если не что похуже. Он только обернулся и бросил прощальный взгляд на белые стены, за которыми прошло его детство… Ой ли?

Кервин стиснул виски, пытаясь напрячь память, но всплывали какие-то одни обрывки: темный пустой зал, небо, человек в плаще с капюшоном надменно меряет шагами коридор, пламенеют на солнце рыжие волосы… А вот уже приют, вот Кервин уже играет, учится, ест и спит среди других детей в синих штанишках и белых рубашечках. Когда ему было девять, он по уши втюрился в одну нянечку, молоденькую стройную даркованку… Как ее звали? Марука. Она бесшумно ступала, словно плыла по коридорам в шлепанцах на мягкой подошве, и просторный белый халат переливался в тускловатом свете, а

голос звучал негромко и нежно. «Ей нравилось ерошить мои волосы, а когда как-то раз я слег в лихорадке, она приходила ко мне, садилась на край кровати, гладила лоб и вполголоса напевала необычным неровным контральто какие-то даркованские песенки». А когда ему было одиннадцать, Джефф расквасил нос одному парню по имени Хьялмар за то, что тот назвал его Талло, и седой учитель математики из третьей группы едва растащил их — брыкающихся, царапающихся, фыркающих, осыпающих друг друга площадной бранью. А еще была девочка Айви — всего за несколько недель до того, как смертельно перепуганного Кервина накачали лекарствами, скатали в тюк и отволокли на борт звездолета; он сэкономил для нее недельную порцию конфет, они сидели и робко держались за руки под листопадом, и один раз он неуклюже поцеловал ее, но она отвернула лицо, и вместо губ он ткнулся в пушистые, сладковато пахнущие волосы.

Черта с два — не выйдет у них выставить его сумасшедшим! Вот что он, пожалуй, сделает: действительно последует совету дамы из приюта и отправится в Миссию. Только не в отделение неврологии и психиатрии, а в архив. В архиве хранятся сведения обо всех, кто служил на Дарко-

увере Земной Империи. Обо всех до единого.

Тут-то все и выяснится.

Архивист был несколько удивлен, когда Кервин обратился к нему с запросом, и Джефф прекрасно его понимал. В конце концов, не каждый же день в архив обращаются за собственной биографической справкой; как правило, люди все-таки знают, кто они такие.

— Понимаете, — извиняющимся тоном объяснял он, — я никогда не знал, кто моя мать. Может, у вас в архиве сохранились-какие-то записи…

Архивист скормил машине карточку с отпечатком большого пальца Кервина и безразлично ткнул в несколько кнопок. Выждав паузу, защелкал принтер, и Кервин, перегнувшись через стол, принялся читать распечатку — вначале с выражением удовлетворения, ибо биографическая справка, очевидно, воспроизводилась без купюр, потом растущего недоумения.

«КЕРВИН, ДЖЕФФЕРСОН ЭНДРЮ. Раса: Белый. Пол: Мужской. Гражданство: Земное. Место жительства: Денвер. Сектор: Второй. Семейное положение: Холост. Цвет волос: Рыжий. Цвет глаз: Серый. Цвет кожи: Светлый. Поступление на службу: 19 лет; стажер; Департамент Связи.

Характеризуется по службе: Удовлетворительно. Характер: Замкнутый. Возможности: Высокие.

В 22 года подал рапорт о переводе. Послан на Мегеру офицером Службы Связи. Характеризуется по службе: Отлично. Характер: Замкнутый. Возможности: Оцениваются очень высоко. В стойких привязанностях и предосудительных поступках не замечен. Продвижение по службе быстрое. Через 2 года подал рапорт о переводе. Послан на четвертую планету Фи Короны (системы Вольфа). Старший офицер Службы Связи. Характеризуется по службе: Отлично. Характер: Несколько нестабильный, с учетом частых требований о переводе, что на выполнений служебных обязанностей не сказывается. Возможности: Исключительно высокие. В брак не вступал. О связях ничего не известно. Заразными заболеваниями не болел. Подал рапорт о переводе на Даркоувер по личным причинам (невыясненным). Разрешение на перевод получено. Персональная оценка: Отлично; исключительно ценен для Гражданской Службы; необходимо наблюдение психолога. Рейтинг: Исключительно высокий. Возможности: Превосходные».

— Но это не то, что мне надо, — нахмурился Кервин.

— Мистер Кервин, это ваша официальная биографическая справка. Больше ничего на вас нет.

— Послушайте, — произнес Кервин, закусив губу, — я родился на Даркоувере. У вас есть где-нибудь свидетельства о рождении?

— Вообще-то, код запроса я послал по всем нашим банкам данных, — нахмурился архивист, — но можно попробовать еще поискать разрешение на отбытие с планеты, если вы были зарегистрированы как сирота… Так вот, свидетельства о рождении…

Несколько минут он тыкал в кнопки; на экране загорались и гасли какие-то цифры. Наконец снова защелкал принтер.

— Вот все Кервины, какие у нас есть, — объявил архивист, оторвал лист распечатки и вручил Кервину. Тот внимательно изучил текст, изумленно хмурясь и жуя губу.

«КЕРВИН, ЭВЕЛИН ДЖАНИС. Пол: Женский. Родители: Руперт Кервин и местная женщина по имени Мэлли. Скончалась в возрасте 6 месяцев».

«КЕРВИН, АРТУР. Пол: Мужской. Отец: Руперт Кервин. Мать: неизвестна. Окончил школу в Торговом городе».

«КЕРВИН, ХЕНДЕРСОН. Пол: Мужской. Раса: Негр. Скончался в возрасте 45 лет от радиацион-

ных ожогов на Втором Спутнике».

— Вот и все наши Кервины, — повторил архивист. — А разрешение на отбытие с планеты для сирот последний раз выдавалось… — он сверился с другим терминалом, — двенадцать лет назад. Девочке. Тэдди Керлэйн. Это явно не вы.

— А что это за Руперт Кервин? — ухватился Кервин за последнюю соломинку.

— Я его знаю. Восемь лет назад он спустился с Хребта и обосновался в городе. Женат на даркованке, у них ребенок.

— И напоследок вот еще что, — попросил Кервин, механически разрывая лист распечатки в клочки. — Посмотрите, пожалуйста, что у вас есть на моего отца.

— Да, приятель, тебя непросто убедить, — пожал плечами архивист и принялся нажимать на кнопки, глядя в застекленное окошечко, где выскакивала карточка, прежде чем с нее снималась копия. На мгновение он замер, и Джефф увидел, что служащий изменился в лице.

— Извините, сэр, — вежливо произнес он, — но ничем больше помочь не могу.

— Вранье! — вырвалось у Кервина. — Не может такого быть! На что вы там уставились? Уберите руку и дайте мне взглянуть.

— Как пожелаете, — бесстрастно отозвался архивист; но он успел нажать кнопку, и экран опустел.

— Вы что, хотите сказать, будто меня не существует? — всколыхнулась в Кервине бессильная ярость.

— Послушайте, — устало произнес архивист, — можно стереть запись в церковно-приходской книге; но покажите мне того, кто мог бы залезть в банки данных главного компьютера Имперской Миссии… и я покажу вам гибрид человека с кристопедом. Официальная справка гласит, что вы впервые прибыли на Даркоувер позавчера. А теперь отправляйтесь-ка лучше к врачу и отстаньте от меня.

«Ложь, — пронеслось в голове у Кервина, — кругом ложь. Они что, все хотят сказать, что меня не существует, или что все мои воспоминания — бред сумасшедшего? Почему-то, по какой-то причине все они лгут.

И компьютер тоже?

Да, черт побери, и компьютер тоже!»

Кервин порылся в кармане, извлек сложенную купюру.

Архивист поднял глаза; казалось, в них мелькнул испуг. Секунду-другую алчность боролась

со страхом.

— Хорошо, сэр, — в конце концов, негромко произнес он. — Но если запросы сейчас отслеживаются, мне это будет стоить работы.

На этот раз запрос посылался у Кервина на глазах. Машина медленно, утробно заурчала; вспыхнула красная лампочка.

— Параллельная сеть, — негромко пояснил архивист.

Затем в глубине экрана ослепительно вспыхнули красные буковки:

«Затребованная информация находится в закрытом архиве. Необходим спецдопуск».

Буквы загорались и гасли в гипнотическом ритме. В конце концов Кервин мотнул головой; щелкнула клавиша, и экран уставился на него, пустой и загадочный.

— Ну? — негромко поинтересовался архивист.

— По крайней мере, это доказывает, что отец у меня все-таки был, — произнес Джефф. Теперь он, во всяком случае, мог быть уверен, что загадка действительно существует; что он не зря бьется лбом в стену. Не исключено, кстати, что это и объясняет, куда делась регистрационная запись из приюта…

Но ответ на все эти вопросы по-прежнему ма-

ячил где-то вне пределов досягаемости. Кервин развернулся и вышел из архива; в нем окончательно окрепла решимость докопаться до сути.

Итак, похоже, неведомая сила влекла его на Даркоувер только затем, чтобы ткнуть носом в еще более таинственную загадку. Когда-нибудь, как-нибудь, но он обязательно отыщет ответ на все вопросы. Не исключено, что как раз за этим он и прилетел.

4

На несколько дней Кервин вынужден был успокоиться, включиться в новый трудовой ритм — какой простой ни была бы работа и как ни походила бы на предыдущую, все равно она требовала полной концентрации внимания. На этот раз речь шла об узкоспециализированном подразделении Службы Связи; работа заключалась в том, чтобы тестировать, настраивать, а иногда даже чинить интеркомы и селекторы как в самой Миссии, так и во всевозможных разбросанных по Земному сектору конторах. Занятие было не столько трудным, сколько нудным и утомительным, и Кервин нередко задавался вопросом, зачем вообще в этот отдел набирать персонал с Земли — не проще ли обучить на техников кого-нибудь из местного населения? Но когда он задал вопрос одному из своих приятелей по работе, тот лишь пожал плечами.

— Дарковане не поддаются обучению. Похоже, среди них вообще не встречается людей технического склада; к сложной технике их лучше не подпускать, — он кивнул на огромную

селекторную панель, которую они прибыли проинспектировать. — Наверно, это просто от природы.

Кервин насмешливо фыркнул, но особой веселости в его голосе не было.

— Думаешь, это что-то врожденное? Голова у них по-особенному устроена, что ли?

Сослуживец бросил на него тревожный взгляд, догадавшись, что задел за больное.

— А черт, ты же отсюда! Но ты воспитывался на Земле — и воспринимаешь технику как должное. Насколько я знаю, у даркован вообще нет ничего похожего на технику — и никогда не было. — Он нахмурился. — Да им и не больно-то надо.

Иногда Кервин размышлял об этом — лежа на койке и глядя в потолок своей холостяцкой комнатушки в жилом крыле Миссии; или — изучая содержимое стакана в каком-нибудь из портовых баров. Легат, помнится, тоже говорил что-то в этом роде: мол, даркованe не поддаются соблазнам имперской технологии и предпочитают не завязывать с Империей прочных культурных или торговых связей. Варвары с легким налетом цивилизованности? Или… Может, не так все очевидно?

Сменившись с дежурства, Джефф нередко

отправлялся в Старый город; но даркованской накидки больше не надевал и тщательно следил, чтобы рыжие волосы скрывали капюшон или головной убор. Он хотел как следует все обдумать, прежде чем делать следующий шаг; если вообще он соберется сделать следующий шаг.

Пункт первый: в Приюте утверждают, что никакого Джефферсона Эндрю Кервина у них в списках не значится, и никого в двенадцать лет не отправляли на Землю к бабушке с дедушкой.

Пункт второй: главный компьютер Миссии отказывается выдавать какую бы то ни было информацию о Джефферсоне Эндрю Кервине-старшем.

«Что может быть между двумя этими фактами общего? — задавался вопросом Кервин, — особенно если учесть, что компьютер Имперской Миссии запрограммирован так, чтобы человек со стороны в жизни не догадался о том, что в природе существовал Джефферсон Эндрю Кервин-старший?»

Если б ему удалось найти кого-нибудь, кого он знал в Приюте, что могло бы послужить своего рода доказательством. Доказательством хотя бы того, что память его не подводит…

Нет, не подводит. Исходить следовало из этого,

потому что больше исходить было не из чего. Усомниться в собственных воспоминаниях — все равно, что сразу окунуться в хаос, кромешный и непроглядный. Итак, он будет исходить из того, что память его все-таки не подводит, а все архивные данные по каким-то причинам засекречены.

Под конец третьей недели он отметил, что натыкается на Рагана слишком уж часто, чтоб это было простым совпадением. Поначалу он не обращал на это внимания. Когда Кервин заходил в портовое кафе, Раган обычно сидел там за дальним столиком; они обменивались кивками — и, в общем-то, все. В конце концов, кафе открыто для всех, и там наверняка есть немало постоянных клиентов. Еще немного, и Кервин сам станет завсегдатаем.

Но как-то раз вечером сломался интерком в портовой диспетчерской, и Джефф сменился с дежурства гораздо позже обычного; а когда зашел в кафе поужинать, Раган все так же сидел в своем излюбленном дальнем углу; это не могло не броситься в глаза. Повинуясь какому-то смутному предчувствию, Кервин перешел на гибкий график и стал появляться в кафе в самое неожиданное время; и все равно в четырех случаях из пяти коротышка-даркованин сидел на своем ме-

сте. Тогда Кервин ради эксперимента на день-два сменил кафе и стал ходить перепустить рюмочку в другой бар; и теперь он окончательно убедился, что Раган следит за ним. Нет, «следит» не то слово; для слежки все происходило слишком уж открыто. Раган и не пытался прятаться от Кервина. Он был не настолько глуп, чтобы завязывать знакомство; он просто все время держался на виду; и у Джеффа было странное предчувствие, что даркованин только и ждет, чтоб у него потребовали объяснений.

Но зачем? Кервин долго и методично размышлял над этим. Если Раган вел игру на выжидание… Может, это как-то связано и с остальными странными случаями? Может, если Кервин будет делать вид, будто не замечает Рагана, держаться особняком — может, тогда они (кто бы там ни были эти «они») будут вынуждены раскрыть хоть часть своих карт?

Но ничего не происходило — кроме того, что Кервин втянулся в рабочую рутину. Жизнь в Земном секторе на Даркоувере почти ничем не отличалась от жизни в Земном секторе на любой из планет Империи. Но Джефф чувствовал — и предельно обостренно — что за стенами Земного сектора есть другой мир. Мир этот звал к себе

Кервина, манил, завораживал своей недоступностью. Нередко Джефф ловил себя на том, что напрягает слух в гуще разношерстной публики где-нибудь в баре, пытаясь уловить обрывки даркованской речи; или, когда не следит за собой, слишком часто отвечает на вскользь брошенный вопрос по-дарковански. А иногда поздно вечером он снимал с шеи висящий на цепочке голубой кристалл и подолгу всматривался в его загадочные холодные глубины; словно стоило ему достаточно сильно пожелать, и забытые воспоминания, ключом к которым казался кристалл, тут же всплыли бы в памяти. Но холодный камешек безжизненно лежал в ладони и отказывался отвечать на изводящие Кервина вопросы. А потом Джефф засовывал камешек обратно в карман и снова отправлялся в какой-нибудь портовый бар, снова пил вино, снова напрягал слух и нюх в надежде уловить дуновение чего-то не от мира сего…

На исходе третьей недели что-то в нем сломалось. Повинуясь неожиданному импульсу, он спрыгнул с табурета у стойки бара и, даже не дав себе времени обдумать, что собирается делать или говорить, направился к Рагану, сидевшему над треугольной чашей с какой-то темной

жидкостью. Кервин рывком выдвинул кресло, плюхнулся в него и сердито уставился на даркованина.

— Только не надо изображать удивления, — хрипло произнес он. — Вы уже достаточно висели у меня на хвосте. — Он нашарил в кармане кристалл и с размаху шлепнул на стол. — Помнится, вы что-то уже рассказывали об этом в первый вечер — или я тогда просто перебрал? Мне почему-то кажется, будто вам не терпится продолжать рассказ. Валяйте.

— Я не сказал вам ничего такого, что не было бы известно любому даркованину, — осторожно произнес Раган; сухощавое подвижное лицо его стало похожим на мордочку хорька. — Всякий на моем месте узнал бы матричный камень.

— Все равно, я хочу побольше о нем узнать.

— И что именно вы хотите узнать? — поинтересовался Раган, кончиком пальца прикоснувшись к кристаллу. — Как им пользоваться?

Кервин на мгновение задумался. Пожалуй, нет; по крайней мере, сейчас такие трюки ему ни к чему — плавить стекло… или на что там еще способен кристалл.

— Прежде всего, — отозвался он наконец, — мне любопытно, откуда этот кристалл взялся. И как

оказался у меня.

— Ничего себе вопросик, — сухо произнес Раган. — Насколько я знаю, матричных кристаллов всего несколько тысяч. — Глаза его еще больше сузились и напряженно заблестели сквозь щелки, а голос зазвучал неестественно ровно. — В Имперской Миссии давно экспериментируют с этими камешками. Вы могли бы неплохо подзаработать, сдав кристалл в лабораторию.

— Нет! — вырвалось у Кервина, прежде чем он успел мысленно сформулировать отказ.

— Зачем же вы обратились ко мне? — поинтересовался Раган.

— Потому что последнее время вы не отстаете от меня ни на шаг; стоит мне обернуться, и вы уже тут как тут. Вряд ли это потому, что вы души не чаете в моем обществе. Вы что-то обо всем этом знаете — или хотите, чтоб я так думал. Во-первых… почему бы вам не сказать, за кого вы меня приняли — тогда, в первый вечер? Не вы один — все тут с кем-то меня путали. Не исключено, что потому-то меня в первый же вечер избили и обчистили.

У Рагана буквально отвалилась челюсть; не было ни малейшего сомнения, что он поражен сверх всякой меры.

— Нет-нет! Что-что, а это скорее вас защитило бы. Практически от кого угодно.

— Но кто тогда…

Раган пожевал губу; потом решительно мотнул головой.

— Это грязное дело, и мне совершенно не хочется в него лезть. Вот что только я скажу: это все из-за ваших рыжих волос. Если вы росли здесь, то должны знать, что рыжие волосы на Даркоувере табу.

Кервин кивнул, и Раган продолжал:

— Рыжие волосы встречаются только у даркован одной очень высокой касты. Конечно, вам они могли достаться, и от отца, — он снова умолк; глаза его беспокойно забегали. — Честно говоря, на вашем месте я сел бы на первый же корабль и не слезал с него, пока не очутился бы на другом краю Галактики. Это мой вам совет — в здравом уме и трезвой памяти.

— Я бы, пожалуй, предпочел, — слабо улыбнулся Кервин, — если б вы были не так трезвы. — Он дал официанту знак снова наполнить бокалы. — Послушайте, Раган, — напряженно акцентируя каждое слово, начал он, когда официант удалился, — если не останется другого выхода, я просто оденусь по-даркованski и отправлюсь в Старый

город…

— Чтобы вам там перерезали глотку?

— Вы сами только что сказали, что рыжие волосы скорее защитят меня. Нет. Я, отправлюсь в Старый город, я буду останавливать всех, кого встречу на улице, и спрашивать, кто я, по их мнению, такой, или на кого похож. И раньше или позже, но кто-нибудь мне ответит.

— Вы даже не представляете, с каким огнем на самом деле играете.

— И не буду представлять, если вы мне не скажете.

— Чертов глупый упрямец, — пробормотал Раган. — Ладно, речь-то, в конце концов, о вашей шее. И чего вы от меня хотите? Мне-то какой с этого интерес?

Теперь Кервин почувствовал себя на более знакомой почве. Да он и не поверил бы, предложи ушлый даркованин бескорыстную помощь.

— Понятия не имею, черт побери, — отозвался он, — но что-то вам от меня нужно; иначе вы не сшивались бы столько времени вокруг да около и не ждали бы, пока я начну задавать вопросы. Деньги? Вы прекрасно знаете, сколько зарабатывают в имперской Службе Связи. На жизнь хватает, но шибко не разгуляешься. Мне кажет-

ся, — рот его скривился в сухой усмешке, — что вы рассчитываете остаться в выигрыше при любом развитии событий. И, похоже, не без оснований. Так что начнем от печки, — он приподнял за цепочку кристалл. — Где я могу побольше о нем узнать?

— Даже в Земном секторе есть парочка зарегистрированных матричных механиков, — бесстрастно отозвался Раган.

— Что? — изумился Кервин. — Я думал, это все такая тайна…

— С маленькими кристаллами — нет. Даже землянина можно научить обращаться с ними.

— Не понимаю, — глядя на кристалл, наморщил лоб Джефф. — Вообще, что такое матрица? Что с ними делают матричные механики?

— Знай вы или я ответ на эти вопросы, — невесело хохотнул Раган, — смело можно было бы штамповать свои банкноты. О, конечно, то, что общеизвестно, я вам могу рассказать. Допустим, например, живете вы в Земном секторе; и есть у вас некие деловые бумаги — настолько ценные, что вы боитесь доверить их банковскому сейфу; или, например, драгоценности. Тогда вы идете к матричному механику, покупаете небольшую матрицу — конечно, если можете себе это поз-

волить — механик телепатически подстраивает матрицу под ваши мысли; под излучаемые вашим мозгом волны, если угодно. И теперь ничто во Вселенной не откроет ларчика, кроме вашего мысленного приказа; вы просто вспоминаете узор, которому обучил вас матричный механик, мысленно проецируете его на кристалл, и опля! — ларчик открыт. Ни ключа не надо с собой таскать, ни шифра запоминать; одни силовые линии, и ничего больше.

— Ну и ну! — присвистнул Кервин. — Вообще-то, если задуматься, эта штучка может быть довольно опасной.

— Именно, — сухо подтвердил Раган. — Ведь если достаточно попросту сосредоточиться на кристалле, чтобы выделить немного энергии, то можно… ну, например, поднять температуру в термостате и вывести из строя какой-нибудь важный механизм. Допустим, вы — бизнесмен, не стесняетесь в средствах и хотите вывести из игры конкурента. Тогда вы нанимаете матричного механика, и у вашего конкурента в самый неподходящий момент отказывают все электрические цепи; а у вас железное алиби. Вот почему все матричные механики обязательно зарегистрированы и пребывают под неусыпным контролем

властей — и земных, и даркованских.

Кервин призадумался.

— Тогда, — медленно проговорил он, — если кто-то в Земном секторе попытается заблокировать все мои попытки выяснить…

— Ага, наконец-то; я и не сомневался, что до вас дойдет. Похоже, друг мой, вам скорее подошла бы какая-нибудь ворожея, а вовсе не матричный механик.

— Очень может быть, кстати, что так оно и есть, — неожиданно усмехнулся Джефф. — Насколько я понимаю, на Даркоувере предостаточно телепатов и прочих экстрасенсов.

— Я знаю одну женщину, которая практикует… неофициально, — заметил даркованин. — Давным-давно она была матричным механиком. Не исключено, что она сумеет вам помочь, — он порылся в кармане, извлек клочок бумаги и что-то на нем нацарапал. — У меня есть кое-какие связи в даркованском городе, тем и живу. Но ее услуги будут вам стоить, и немало.

— А ваши?

Сухой, короткий смешок Рагана разорвал повисшую было тишину.

— За имя и адрес? Вы же угостили меня вином; к тому же не исключено, у меня есть собственные

счеты с другим рыжеволосым. Удачи, Талло! — махнув Джеффу на прощание, он быстро вышел.

Кервин же так и остался сидеть, глядя в свою нетронутую рюмку. В альтруизм Рагана он не верил; не получится ли, что тот им просто манипулирует? Джефф внимательно прочел адрес; место находилось в одном из районов Старого города, пользующихся весьма сомнительной репутацией. Отправляться туда одетым по-земному Кервину не слишком хотелось; собственно говоря, ему вообще не хотелось туда отправляться, будь у него выбор.

В конце концов он решил последовать-таки совету Рагана — но с некоторыми поправками. Джефф изучил внушительный фолиант «Адресной книги города Тендара» и нашел троих зарегистрированных матричных механиков. Все они практиковали в респектабельных районах; все числились «несущими полную ответственность», дабы подчеркнуть, что действуют исключительно в рамках закона.

Кервин выбрал наугад одного. Тот практиковал в даркованском квартале города, но совершенно не похожем на тот, по которому Кервин бродил в свой первый вечер на Даркоувере: высокие дома, широкие полупрозрачные фасады, брызжущие

во все стороны светом, тут и там — лужайки, уютного вида таверны, всевозможные лавочки. По улицам — не мощеным, а покрытым гладким, плотным травяным покровом — бесшумно двигались лошади и другие вьючные животные. На пустой площади шло строительство, ввысь поднималась длинная, наполовину возведенная стена какого-то здания; раствор замешивался вручную, вручную же переносились огромные стеклянные плоскости в деревянных рамах, проложенные для амортизации розоватой соломой. На небольшом рынке женщины торговались или просто болтали, а дети цеплялись за их юбки.

Примитивно? По крайней мере, очень непохоже на Земной сектор. Обыденные мелочи незнакомой жизни действовали успокаивающе — и это после стольких разговоров о варварской культуре. Да, конечно, у этого народа нет ни ракет, ни многополосных шоссе, ни небоскребов, ни космопортов. А также погруженных в вечный мрак автоматизированных рудников и рудоперерабатывающих фабрик…

Кервин сухо усмехнулся про себя, Что-то больно он рассентиментальничался; идеализировать отсталый мир, отвергающий Земную Империю… Голое теоретизирование при явно недостаточ-

ных исходных данных. Он перечитал несколько строчек, списанных из адресной книги, отыскал взглядом нужный дом (весьма скромного вида) и поднялся по ступенькам.

Сразу за незапертой дверью оказался обставленный в даркованском стиле кабинет: полупрозрачные перегородки, бледные портьеры, низкие сиденья и столики. Заслышав его шаги, к Кервину развернулась стоявшая в дверях женщина, а мгновением позже к ней присоединился подоспевший из дальнего угла кабинета мужчина. Оба они отличались высоким ростом, благородной осанкой, светлой кожей и серыми глазами; одеты они были по даркованской моде, не вычурно, но представительно, и веяло от них уверенностью и спокойствием. Но, казалось, они чем-то поражены, и с губ мужчины сорвалось еле слышно: *«Комъин…»*

Нельзя сказать, чтоб это явилось для Кервина неожиданностью.

— *Вай дом*, — произнес мужчина, — вы оказываете мне честь. Чем могу служить?

Но прежде чем Кервин успел ответить, по лицу женщины промелькнула короткая презрительная усмешка.

— *Землянин*, — произнесла она с привычной,

до автоматизма отработанной враждебностью. — Что вам тут надо?

Та же перемена выражения отразилась и на лице у мужчины. Эти двое походили друг на друга, как брат и сестра; и, как сумел разглядеть в неверном изменчивом свете Джефф, хотя были темноволосы и сероглазы, волосы у них отливали бледно-рыжим; но только если очень пристально вглядываться. Впрочем, до рыжеволосых аристократов из «Небесной гавани» им все равно было далеко.

— Насколько я понимаю, — произнес Кервин, внутренне поеживаясь под их неприязненными взглядами, — вы принимаете заказы и от землян.

— Когда как, — пожала плечами женщина. — Что вам нужно?

— Мне нужна информация, — сказал Джефф и протянул ей матрицу.

Женщина нахмурилась, отвела его ладонь, подошла к рабочему столу и отыскала кусок искрящейся шелковистой материи. Обмотав ею руку, она осторожно взяла у Джеффа кристалл и принялась рассматривать. Мужчина присоединился к ней, заглядывая через плечо.

— Откуда это у вас? — наконец поинтересова-

лась женщина.

Кервин повторил свой рассказ. Женщина пожала плечами и уселась за низкий стол, покрытый неровным волнистым листом толстого стекла. Взяв лупу, она пристально уставилась в голубой камешек.

Кристалл матово блеснул; в нем беспорядочно заплясали огоньки, то бросая отсвет на сосредоточенное лицо женщины, то снова погружая в полумрак.

— Вот что я вам скажу, — не поднимая головы, произнесла она. — В Тендаре этот кристалл не зарегистрирован.

— Узор не совсем… — Мужчина перегнулся через плечо женщины, обмотал руку полоской шелковистой материи и осторожно взял кристалл. — По-моему, это…

Он умолк; перевел взгляд с кристалла на Кервина и потом назад на кристалл.

— Как ты думаешь, он знает, что у него? — обратился он к жене.

— Может, и нет, — отозвалась та. — Он только недавно на Даркоувере. Я чувствую это.

«Они что, — недовольно подумал Кервин, — так и собираются всю дорогу делать вид, будто меня тут нет?»

Язык, на котором они говорили, не был ни портовым жаргоном в чистом виде, ни диалектом Тендары. Вздрогнув, Кервин осознал, что говорят матричные механики на том же языке, что и трое рыжеволосых; на языке, который Джефф, если не напрягался, понимал, хотя не мог припомнить из него ни единого слова…

— Вы хоть что-нибудь помните об этом? — подняв голову, поинтересовалась у Кервина женщина на портовом жаргоне.

Кервин покачал головой; потом, словно повинуясь требовательному взгляду этих серых глаз, неуверенно произнес:

— Только два имени… — и имена эти всплыли, будто из глубин сна: *«…передай варвару, чтоб не возвращался больше…»*

— Арилинн, — медленно произнес он. — Золотой Колокольчик.

Женщина вздрогнула, как от удара. Казалось, самообладание ее поколеблено, пошло трещинами, вот-вот рассыплется в кусочки. Но какое-то мгновение спустя она взяла себя в руки; а мужчина, как хорошо синхронизированный механизм, уже протягивал Кервину кристалл.

— Мы не вмешиваемся в дела *вай лерони*, — неестественно спокойным, безжизненным

голосом произнесла женщина. — Ничем не можем вам помочь.

— Но вы же что-то знаете… — тупо уставился на нее Кервин. — Не можете же вы так вот взять и…

— Уходите, — мотая головой, произнес мужчина; лицо его застыло, как маска. — Прошу прощения, но мы ничем не можем вам помочь. Ничего мы не знаем.

— Кто такие *вай лерони*? Что…

Без толку: на него смотрели похожие как две капли воды безжизненные маски, полные невыразимого ужаса.

— Это не наше дело, — повторила женщина.

Разочарование переполняло Кервина, угрожая взрывом. В бессильном умоляющем жесте он протянул руку — и матричный механик резво отступил, избегая соприкосновения; женщина повторила его маневр.

— Боже мой, но не можете же вы так все оставить! — вырвалось у Джеффа. — Если вы что-то знаете, то должны сказать мне!

— Ну разве что… — Лицо женщины смягчилось. — Но ни слова больше! Я думала, что этот кристалл был уничтожен. Если сочли необходимым оставить его при вас, может, когда-нибудь сочтут необходимым все вам рассказать. Но на

вашем месте я не стала бы этого дожидаться.

— Хватит, — тронул ее за локоть муж. — Уходите, — повторил он Кервину. — Вам здесь не место. Ни в нашем доме, ни в нашем городе, ни на нашей планете. Мы ничего против вас не имеем… пока. Но лучше вам уйти.

Взывать было без толку. Джефф ушел.

В глубине души именно этого он и ждал. Еще одну дверь захлопнули перед самым его носом. Но даже и захотев остановиться, он уже не смог бы; даже начав — а он уже начинал — испытывать страх. Оставалась еще одна лазейка.

Он тщательно прикрыл капюшоном волосы, а плащом — эмблему Службы Связи; но даркованской накидки надевать не стал. Отправляясь в Старый город, он мог сойти за кого угодно — как за землянина, так и за даркованина.

В районе самых трущоб он отыскал по данному Раганом адресу маленький каменный домик. Колокольчика на двери не было; Джефф постучал и долго ждал ответа. Он собрался было уже уходить, когда изнутри послышались шаги, и дверь распахнулась. На пороге появилась маленького роста женщина и замерла, нетвердо опираясь о деревянный косяк.

На ней был неприметный серый халат, и по

виду она приближалась к среднему возрасту; она смотрела на Кервина с усталым безразличием, словно даже сфокусировать взгляд стоило ей немалого труда.

— Вам что-то нужно? — безразлично поинтересовалась она.

— Меня прислал Раган. Он говорил, что вы работаете с матрицами.

— Мало ли кто работает с матрицами, — по-прежнему равнодушно отозвалась женщина. — Зачем обращаться ко мне? У меня давным-давно отобрали лицензию. Да, конечно, иногда я работаю с матрицами. Но это влетит вам в очень приличную сумму. Будь это что-то законное, вы бы ко мне не обратились.

— Насколько я знаю, — медленно произнес Кервин, — то, что мне надо, вполне законно. Только я не уверен, что это возможно.

В безразличных глазах затлел огонек интереса.

— Входите, — предложила женщина и приглашающе махнула рукой.

Внутри было, сравнительно чисто; в воздухе витал знакомый въедливый аромат. На медной жаровне курились травы; женщина поворошила угли, — взметнулись клубы дыма, и засвербило в носу, — и когда она повернулась к Кервину, в

глазах ее появился оживленный блеск.

«Никогда еще, — мелькнула у Кервина мысль, — не встречал я настолько бесцветной, в самом буквальном смысле слова, личности». Волосы женщины, свободно свисавшие прядями на шею, были выцветше-серого цвета, точно такого же, как неряшливый серый халат, криво застегнутый на косолапо, с усилием переваливающейся сгорбленной фигуре. Женщина осторожно опустилась в кресло и коротким усталым кивком указала Кервину на табурет рядом.

— Ладно. Так что тебе нужно… *землянин*?

— Откуда вы…

Бледные губы дрогнули в еле заметной улыбке:

— Твой даркованский безупречен, но не забывай, кто я. От твоей походки, от твоей речи веет чужим миром. Так что не стоит лгать и зря тратить твое и мое время, *землянин*.

Кервин кивнул и отбросил капюшон. Что ж, по крайней мере, она не спутала его с тем загадочным двойником. «Может, — подумал Джефф, — если я не стану от нее ничего скрывать, она тоже…»

Он положил перед женщиной матричный кристалл.

— Я родился на Даркоувере, но вырос на Земле. Мой отец был землянином и я вернулся, чтобы узнать о себе побольше. Я думал, это будет очень просто…

— И у тебя ничего не получается? Даже с этим?

Она взяла кристалл — голыми руками, в отличие от предыдущих матричных механиков. Кервин не мог оторвать взгляда от ее ладоней; казалось, они словно принадлежат другому телу — молодые, гладкие, изящные.

— Красивая игрушка, — произнесла она. — Впрочем, далеко не только игрушка. Оставлена у тебя, чтобы можно было проследить… Рассказывай.

Ни с того ни с сего совершенно успокоившись, Кервин принялся рассказывать обо всем, что успело приключиться с ним на Даркоувере — и про то, как его принимали за кого-то другого, и про нападение на улице, и про то, как ему не удалось найти записей о себе в приютском архиве, и, наконец, про то, как матричные механики отказались ему помочь. Женщина сосредоточенно слушала, не сводя с него глаз.

— Золотой Колокольчик отомщена… — нараспев повторила она по-даркованси, так что *клейн* и *дори* слились в одно звонкое имя. — Да, Клейн-

дори была настоящая красавица. Долго, ох, долго искали ее в холмах за Кадарином…

Она поднялась с кресла и достала из шкафа что-то, завернутое в шелк; установила на столе плетеную рамочку. Осторожно размотав шелк, не касаясь того, что в него завернуто, она выложила этот предмет в раму — большой, с голубоватыми проблесками кристалл.

Женщина стала всматриваться в него, прикрыв глаза рукой; моргнула, сощурила веки и перевела взгляд на Кервина.

— Ты не тот, кем кажешься, — пробормотала она, странно растягивая звуки. — Ты надеялся найти здесь счастье, но обретешь нечто иное… Ты найдешь свою любовь и погубишь ее, но вместе с тем и спасешь…

— Я не за предсказаниями пришел сюда, — нахмурившись, грубо произнес Джефф.

Казалось, она не слышала его и продолжала бормотать, теперь совсем уж неразборчиво. В комнате было темно, не считая отсвета тлеющих под жаровней углей, и очень холодно. Кервин нетерпеливо шевельнулся; женщина повелительно махнула рукой, и он замер на табурете, пораженный властностью жеста. «Старая ведьма, что она там делает?»

Кристалл на столе — его собственный кристалл — вспыхнул и замерцал. Кристалл же в плетеной рамочке, накрытый ладонями женщины, медленно заискрился голубым огнем. Казалось, весь свет в комнате струится из этого голубого центра. Кервин продолжал сидеть неподвижно, а женщина все так же всматривалась в кристалл и бормотала себе под нос. В конце концов Джеффу пришло в голову, что она, вероятно, в трансе; если она действительно ясновидящая, то может, ответит на его вопросы?

— Кто я такой? — спросил он.

— Ты — тот, кто был послан, — густым басом отозвалась женщина. — Это была ловушка, но она не сработала. Ничего они не знали, гордые комъины… Помнишь Тендеру? Клейндори…

Казалось, огоньки в кристалле полыхнули одновременной вспышкой ослепительного пламени. Кервин дернулся, словно его хлестнули по глазам, но не смог двинуться с места. А потом перед глазами у него возникла картинка, четкая и яркая, словно отпечатанная несмываемой краской на внутренней стороне век.

Двое мужчин и две женщины, все одетые подарковански, сидели вокруг стола, а на столе лежал кристалл, похожий на тот, что был сейчас

перед Кервином. Одна из женщин, очень хрупкого сложения, очень светлокожая, склонялась над кристаллом, что есть силы стиснув пальцами край стола; лицо ее, в ореоле светло-рыжих волос, казалось до жути знакомо. *Где он мог видеть ее раньше?* Мужчины и вторая женщина — как сестра, похожая на первую — завороженно следили за танцем холодных огоньков. Вдруг один из мужчин, смуглый и невысокий, с усыпанным драгоценными камнями воротом, оторвал ладони хрупкой рыжеволосой женщины от кристалла; та, вздрогнув, отпрянула и тяжело оперлась на подставленную мужчиной руку, а голубые огни погасли. Сцена изменилась; теперь Кервин видел плывущие в небе облака, мелкий дождик… По высокому сводчатому коридору нетерпеливо вышагивал знакомый, с горделивой осанкой мужчина в украшенном драгоценными камнями плаще; у Кервина перехватило дыхание — он узнал персонажа своих смутных, обрывочных то ли снов, то ли воспоминаний.

Сцена снова сузилась до высокого сводчатого помещения. Там были та же самая женщина и оба мужчины. Казалось, Кервин наблюдает за происходящим под каким-то странным углом; предчувствие ужасного пронизало все его суще-

ство. Взгляд его был прикован к закрытой двери, ручка которой медленно-медленно поворачивалась. Вдруг дверь распахнулась, и в проеме возникли две темные фигуры…

Кервин захлебнулся криком. Он кричал не своим голосом, а по-детски пронзительно, жутко, в смертельном испуге, заходился бессловесным паническим воплем. Он тяжело рухнул грудью на стол, и сцена померкла у него перед глазами; собственный вопль вывел его из транса, но жуткий визг долго еще отдавался, в ушах.

Он выпрямился, поморгал и медленно протер глаза. Ладонь его стала мокрой от пота или от слез. Он ошалело помотал головой. Высокая зала, по которой метались жуткие расплывчатые тени, исчезла; вокруг снова были тесные каменные стены домика в трущобах Старого города, а сидящая напротив женщина растянулась корпусом поперек стола, сшибив плетеную рамку, и кристалл скатился на пол. Голубой огонь в нем погас. Кервин озадаченно взглянул на женщину, начиная сердиться. Увиденные сцены не сказали ему ни о чем; абсолютно ни о чем. Это что, извлечено из глубин его памяти? *Почему он закричал?* Он осторожно потрогал горло; прикосновение отозвалось болью, и горло казалось распухшим.

— Что все это значит, черт побери! — хрипло поинтересовался он.

Женщина не ответила, даже не пошевелилась. Кервин нахмурился: пьяна? в отключке? Он требовательно потряс ее за плечо.

С неторопливой грацией, словно в ночном кошмаре, женщина соскользнула с кресла и опрокинулась на бок. Выругавшись, Кервин перескочил через стол и опустился рядом с ней на колено. Но он и так уже знал, что случилось.

Женщина была мертва.

5

Долгое кошмарное мгновение Кервин не мог подняться с колена, не в силах поверить в случившееся. В горле, по-прежнему першило; он чувствовал, что его охватывает истерика.

«Все двери захлопываются перед самым моим носом».

Джефф опустил взгляд на мертвую женщину, и лицо его скривила гримаса жалости. Он впутал ее в эту историю — и теперь она мертва. Неприветливая незнакомка — да он даже как зовут ее понятия не имел! — и вот непостижимым образом их судьбы переплелись. Кервин беспомощно наклонился к ней и снова пощупал пульс. Может, это просто обморок, может, стоит побрызгать ей на лицо водой или?..

Нет. Она мертва, никаких сомнений.

Джефф осторожно подобрал с пола свой матричный кристалл на длинной цепочке и сунул в карман. Замешкавшись, он покосился на второй кристалл, лежавший в плетеной рамке. Что-то странное тут же бросилось ему в глаза.

Ни искорки не мерцало в голубом камне. Мерт-

во, безжизненно лежал он в плетеной рамке; матовым булыжником, без единого проблеска.

Это случилось, потому что умерла хозяйка кристалла? *Или ее умертвила та же загадочная сила?*

«Что это вдруг мне пришло в голову?»

Джефф Кервин взял себя в руки. Он бросил прощальный взгляд на мертвую женщину, мысленно прося прощения, потом вышел на улицу и вызвал полицию.

Явились дарковане в зеленых, перетянутых портупеями мундирах — Городская Стража, аналог муниципальной полиции. При виде землянина они не выказали особенного восторга и не пытались этого скрыть. Неохотно, с холодной вежливостью они позволили ему воспользоваться своим законным правом и перед допросом вызвать земного консула — правом, которым в данных обстоятельствах Кервин предпочел бы пренебречь. Ему не больно-то хотелось, чтобы в Миссии узнали об его изысканиях.

Сначала ему задавали вопросы, а потом им не понравились его ответы. Каким-то образом Джефф сумел ни разу не упомянуть о своем матричном кристалле и даже о цели визита к покойной — хотя те, кто снимал показания, на-

верняка не могли не прийти к определенному выводу. Но в конце концов, поскольку никаких признаков насильственной смерти обнаружено не было, а оба врача — и земной, и даркованский — независимо постановили, что смерть наступила от сердечного приступа, Кервина отпустили и сопроводили до границы Земного сектора, где вежливо попрощались, но от этой вежливости веяло мрачным предупреждением. У Кервина сложилось впечатление, что они хотят сказать: если вы снова появитесь в этой части города, за последствия мы не отвечаем.

Такие вот дела. Тропинка сужалась, сужалась, да и завела в тупик; и дверь захлопнулась перед самым носом.

Что ж, по крайней мере, как ему казалось, худшее он уже испытал; дальше тупика с трупом идти некуда, Он запер дверь своей комнаты и принялся расхаживать из угла в угол, как зверь в клетке, снова и снова прокручивая в мозгу события последних дней, пытаясь уловить во всей этой путанице какую-нибудь закономерность.

Черт побери, должен же в этом быть какой-то смысл! Кто-то из кожи вон лез, только чтобы он, Кервин, не сумел восстановить своего прошлого — и не останавливался ни перед чем, даже перед

убийством.

«Мы не вмешиваемся в дела *вай леронu*», — так сказали матричные механики, отказав ему в помощи. Слова звучали незнакомо; поскладывав их и так, и эдак, ни к какому удовлетворительному результату Кервин прийти не сумел и отправился искать словарь. *Вай* — это, разумеется, оказалась аристократическая приставка; *вай дом* означало «лорд». *Леронu* он обнаружил в главке *леронис* с пометкой «горный диалект»: «вероятно, происходит от *ларан*, что означает силу или право наследования; волшебница». Кервин наморщил лоб. Значит, *вай леронис* — это женщина, обладающая какими-то необычными способностями; а также, судя по всему, благородного происхождения. Но с чего вдруг кому-то может прийти в голову, будто он замешан в делах этих загадочных *вай леронu*?

Он заступил на очередное дежурство, не оставляя попыток докопаться до разгадки, но все так же тщетно. Он тестировал электрические цепи в сломавшемся интеркоме, а странные слова продолжали звучать в голове.

Первая ночь на Даркоувере. Трое рыжеволосых незнакомцев в «Небесной гавани» и девушка, похожая на лесную фею, приветствовавшая его

как *комъина* — то есть, как друга или как равного, в смысле принадлежности к одному клану или к семье такого же социального статуса. Соответственно, *комъин* должно означать «равный»; может, даже «аристократ».

Размышления его оборвал сигнал настенного интеркома.

— Слушаю, — недовольно буркнул Кервин; но тут же заморгал и весь подобрался, потому что с экрана смотрело лицо легата, и легат был явно не в духе.

— Кервин? Скажите, чтобы вас подменили, и поднимайтесь ко мне — немедленно!

Несколько озадаченный, Кервин исполнил, что было велено, и поднялся лифтом на самую крышу, к высокой стеклянной надстройке с надписью «Администрация». Ожидая в приемной, пока его вызовут, Кервин увидел, как отворилась дверь кабинета легата, и оцепенел: оттуда вышли трое даркован — двое в зеленых, с портупеями, мундирах Городской Стражи, а третий в коротком, украшенном драгоценными камнями плаще, символе даркованской аристократии. Все трое поглядели сквозь Кервина, словно он был пустым местом, и Джеффа кольнуло внезапное предчувствие, что худшее еще впереди.

— Кервин? Легат ждет вас.

Джефф зашел в кабинет. Легат смерил его хмурым взглядом и на этот раз не предложил сесть.

— Итак, опять проблемы с даркованами, — сердито произнес он. — Я мог бы и догадаться, что это будете вы. Ну и какого черта на этот раз вам там понадобилось?

Он не стал дожидаться, что ответит Кервин.

— Вас ведь предупреждали. Не пробыв тут и двадцати четырех часов, вы успели влипнуть в неприятности — разгуливали по Старому городу, вырядившись по-дарловански, в результате были избиты и ограблены. Этого вам показалось мало; обязательно опять надо было что-то вынюхивать, нарываться…

Кервин хотел было вставить слово, но легат ему и рта не дал раскрыть.

— Я же объяснял вам положение дел на Даркоувере! Да, у нас заключено с даркованами соглашение, и оно обеспечивает весьма шаткий статус-кво. Если мы хотим, чтобы они придерживались своих обязательств, то сами должны выполнять свои. Например, не пускать в даркованский сектор любопытных туристов.

От несправедливости подобного обвинения у Кервина закипела в жилах кровь.

— Послушайте, сэр, — начал было он.

— Побереги дыхание, — махнул рукой легат. — Ради любопытства я проверил эту твою душещипательную историю о том, что ты якобы тут родился. Так вот, если верить архивам, она от начала до конца высосана из пальца. Никакого Джеффа Кервина в записях не нашлось, — он сердито усмехнулся. — Кроме того, на которого я сейчас смотрю.

— Это ложь! — вырвалось у Кервина.

Он вовремя осекся. Горло свело спазмом. Он же видел, как на компьютере в архиве вспыхивала красная лампочка, как требовала спецдопуска параллельная сеть. Но архивист, которого сумел убедить банкнот, ясно дал понять: *«Мне это может стоить работы»*. Зачем втягивать в свои неприятности человека, который совершенно ни при чем? Насколько известно…

— На этой планете нет места пронырам и смутьянам, — нахмурив брови, произнес легат. — Помните, один раз я вас предупреждал? Как мне сообщили, куда только свой нос вы уже ни совали, — внезапно в голосе его прорвались нотки самой настоящей ярости. — Ко мне поступила на вас жалоба, непосредственно от городских властей!

Кервин глубоко вдохнул; надо было, чтоб оправдательная речь его прозвучала как можно спокойней и разумней.

— Сэр, — начал он, — если вся эта история, как вы говорите, высосана из пальца, кому мешает, что я куда-то там сую свой нос? — Он красноречиво махнул рукой. — Неужели вы не видите, сэр, что это скорее подтверждает мою историю? Происходит что-то… чертовски странное.

— Это доказывает лишь то, — сердито качнул головой легат, — что ты просто псих с манией преследования. Ты вбил себе в голову, будто все тут что-то замышляют против тебя, или будто бы все мы сговорились не дать тебе что-то выяснить — так ведь?

— Логично звучит, черт побери, — согласился Кервин.

— Ну хорошо, — произнес легат, — объясни-ка тогда мне, зачем нам всем что-то против тебя замышлять? Против какого-то связиста Гражданской Службы, сына, как ты сам заявляешь — простого космофлотчика? Объясни-ка мне, почему на тебе свет клином сошелся? А потом спроси сам себя, у кого тут мания величия.

Кервин беспомощно развел руками. Что он мог на это сказать? Какие, в конце концов, у него есть

доказательства?

Зачем приютской регистраторше врать? Сама же говорит, что они стараются поддерживать контакты со «своими мальчиками».

Не слишком ли он полагается на смутные обрывки снов, на случайное сходство, на встречу с тремя рыжеволосыми, которая теперь тоже кажется сном? Неужели все дело в одном его разыгравшемся воображении? В памяти зазвучали насмешливые слова Джонни Эллерса, сказанные в тот первый вечер в баре: *«А ты что, хотел оказаться давным-давно без вести пропавшим сыном Его Высочества Лорда Как-Бишь-Там...»*

Он глубоко вздохнул, и воспоминание рассеялось, а вместе с ним и мечта.

— Хорошо, сэр, — произнес он нетипично кротко. — Обещаю никуда больше своего носа не совать. Может, вы и правы, может, я действительно просто слишком много себе понавоображал. Обещаю больше не…

— Можешь ничего не обещать, — холодно произнес легат. — Об этом уже позаботились.

— Позаботились… — Казалось, что-то острое, как нож, и холодное, как лед, внезапно поразило Кервина в самое сердце. — Как… позаботились?

Легат мрачно кивнул.

— Магистрат объявил тебя персоной нон грата, — проговорил он. — На этот счет у нас с ними что-то вроде соглашения. И даже не сделай бы они этого… Короче, имперскому персоналу не рекомендуется слишком глубоко влезать в местные дела.

У Кервина было такое ощущение, словно ему врезали по голове тяжелым молотом. Он оцепенело замер: от лица отхлынула кровь.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — заявил легат, — что уже подготовил бумаги о твоем переводе. Можешь называть это так, если хочешь. Попросту дело в следующем: ты и так уже слишком много куда совал свой нос, и мы собираемся принять меры к тому, чтоб этого больше не повторялось. Короче, Кервин, ты уволен. Я уже дал официальное «добро» на твой перевод, и, боюсь, тебе придется улететь на первом же корабле.

Джефф раскрыл было рот — и снова закрыл. Он оперся на край стола, чувствуя, что иначе может просто упасть.

— Вы хотите сказать, что меня депортируют? Вышвырнут с Даркоувера?

— Примерно так, — подтвердил легат. — На

дележе, конечно, не так все мрачно. Послужной список останется чистым, и я напишу тебе хорошую характеристику. Новое назначение можешь выбрать сам, отправляйся куда угодно — в разумных пределах, конечно. Поинтересуйся в справочной, где сейчас есть вакансии для связистов.

В горле у Кервина набухал чудовищных размеров ком.

— Но, сэр… — начал он. — Даркоувер… — и осекся. Это был его дом; единственное место, где он хотел быть.

Легат мотнул головой, словно прочтя мысли Кервина. Он выглядел изможденно, лицо его осунулось; пожилой человек, уставший сопротивляться сложностям мира — мира, к сотворению которого он не имел ни малейшего отношения.

— Мне очень жаль, сынок, — произнес он на этот раз чуть ли не с отеческими интонациями, — но это моя работа, и пространства для маневра у меня нет. Ничего тут не поделаешь. Тебя посадят на первый же корабль, и ты попадешь в список лиц, въезд которым на Даркоувер запрещен. — Он поднялся из-за стола. — Мне очень жаль, — повторил он, протягивая Кервину руку, но тот рукопожатия не принял. Лицо легата

ожесточилось. — До отлета от дежурств вы освобождаетесь, — отрывисто сказал он. — И чтобы не позже чем через сорок восемь часов, на столе у меня лежало заявление о переводе, заполненное по всем правилам. И чтобы, пока этого не сделали, вы не покидали Миссию. Мы можем решить этот вопрос цивилизованно или… — он сурово сжал челюсти, — если вам так больше нравится, могу посадить вас под замок.

Кервин онемело мотнул головой и вышел.

Итак, значит, он проиграл — проиграл окончательно. Не по зубам оказалась ему эта загадка, неподъемной ноша. Он столкнулся с чем-то совершенно за пределами его возможностей или даже понимания.

Или, может, он действительно только глупый мечтатель, страдающий манией величия и манией преследования — своего рода моральная компенсация за приютское детство, логическое продолжение снов о чем-то большем?

Он нервно прошелся по комнате и остановился у окна, глядя на красное солнце, скатывающееся за изрезанную зубцами линию горизонта. *Кровавое солнце*. Поднявшаяся из-за гор чернота мгновенно заволокла небо, а Кервин стоял, стиснув кулаки, и глядел на начинающий собираться

туман. «Даркоувер… Для меня с Даркоувером покончено. Мир, куда я так рвался — и вот он снова вышвыривает меня. Я столько работал, из кожи вон лез, чтобы попасть сюда — и все зачем? Одно сплошное разочарование, захлопнутые перед носом двери, смерть…

С детства я понимал, что на Земле мне ничего не светит. А теперь Даркоувер недвусмысленно намекает, что и тут мне, мягко говоря, не слишком рады.

Но почему?»

Словно повинуясь неодолимой силе, Кервин сунул руку в карман и достал матричный кристалл. Каким-то образом в том должен быть ключ ко всем тайнам. Джефф погрузился взглядом в холодные глубины кристалла, словно надеясь одним усилием воли извлечь оттуда ответы на все мучившие его вопросы.

Он задвинул шторы, отгородившись от черноты и тускло светящих сквозь туман огней космопорта, и установил кристалл на столе. Мгновение он помедлил; перед мысленным взором внезапно возникла пожилая женщина в сером халате, в неестественной позе распростершаяся на полу…

Раган пользовался этим кристаллом — и ничего.

Понимая дальним уголком сознания, что на самом деле мается дурью, Кервин сложил ладони козырьком и уставился в кристалл. Ничего не случилось. Черт возьми, может, надо сконцентрироваться как-то по-особому? Возможно, стоит разыскать Рагана и заставить или уговорить того научить?..

Джефф сосредоточенно вперился в кристалл, и на мгновение ему показалось, будто там, внутри, блеснул и сразу же погас тусклый огонек. Кервин одеревенело покачал головой, растянул, наверно, шейную мышцу, да и глаза устали — вот и начинает уже мерещиться всякое… Старый ведь трюк: самогипноз, хрустальные шары, прочая ерунда… Да, конечно, именно в этом дело…

Он моргнул, но огонек не гас.

Огненная булавочная головка запульсировала и ослепительно вспыхнула. Кервин подскочил, словно его прижгли раскаленным железом. Но определить источника ощущения он никак не мог. Еле слышно, с огромного расстояния донесся голос, кажется, его звали по имени…

Голова у Джеффа пошла кругом, и он стиснул края столешницы. В висках запульсировала боль.

Он услышал чужую речь — не речь даже,

а беспорядочное чередование слогов. Глухое нескончаемое бормотание на самом пределе слышимости, журчание ручья, обегающего острые камни.

«Кервин, Кервин…»

«Да, это он».

«Теперь сопротивляться бесполезно».

«Он сам найдет дорогу, если действительно на что-то годится. Хотя бы на таком испытаний я настаиваю».

«Варвар, землянин…»

Голоса звучали до странного похоже на говор троих рыжеволосых в отеле «Небесная гавань». Кервин развернулся волчком, но в комнате никого не было, а странные голоса — голоса ли? — стихли. Он склонился над столом и уставился в кристалл.

И увидел девушку.

Огнем блеснули рыжие волосы, и на мгновение Кервину показалось, будто это та самая лесная фея, которую двое даркованских аристократов звали Таниквель. Но тут же он понял, что ошибся: эта девушка была гораздо более хрупко сложена, волосы ее отливали скорее золотом, чем огнем, а круглое лицо хранило детское, невинное выражение. Она смотрела на Кервина из глубины

кристалла, но серые, затянутые мечтательной-поволокой глаза были устремлены в пространство.

— *Я верю в тебя,* — произнесла она; казалось, слова ее эхом вибрируют прямо у Кервина в голове. — *Ты нам нужен. Иди к нам.*

Джефф стиснул края столешницы: костяшки пальцев побелели.

— Куда? — вырвался у него полузадушенный крик. — Куда?

Но кристалл безжизненно померк, и девушка исчезла… Эхо глупо, бессильно, отразилось от пустых стен.

Словно ничего и не было. Трясущейся рукой Кервин отер лоб, он что, совсем спятил? Галлюцинирует? Опять шутки подсознания?

И теперь ничего не оставалось, кроме как сдать числящийся за ним инвентарь, собрать чемоданы и улететь прочь, и никогда уже не возвращаться. Оставить позади несбывшиеся мечты и все смутные воспоминания. Начать новую жизнь — тихую, без происшествий, под лозунгом «Себе дороже», сложенным из мертворожденных надежд и мечтаний; смириться с горечью одиночества.

И тут что-то всколыхнулось в душе Джеффа Кервина; кто-то — отнюдь не кроткий, дисципли-

нированный связист имперской Гражданской Службы — неожиданно выпрямился в полный рост, решительно топнул ногой и заявил, четко и недвусмысленно: нет!

Так не пойдет. *Чтобы какие-то там земляне заставили его отступиться?* А городские власти *— да что они о себе возомнили, черт побери?*

Девушка из кристалла — наваждение, иллюзия? «Нет, — подумал Кервин, прислушиваясь к новому внутреннему голосу. — Это мой мир, и будь я проклят, если они заставят меня бежать!»

Казалось, это новое самоощущение зародилось в самых укромных уголках его души, где таилось до поры, до времени. Кервин прошелся по комнате, словно наблюдая себя со стороны, с немым изумлением. Он обвел взглядом многочисленное снаряжение — нет, почти ничего из этого больше ему не понадобится. Рассовал по карманам полдюжины безделушек на память, остальное оставил валяться там, где валяется. Поднял со стола кристалл и осторожно повесил на шею. Затем извлек из гардероба накидку, купленную в первую ночь на Даркоувере, набросил на плечи и застегнул у горла пряжку. Он бросил рассеянный взгляд в зеркало и удовлетворенно кивнул. Не оглядываясь, Джефф вышел из комнаты; мельк-

нула и тут же исчезла смутная мысль, что он видит ее в последний раз.

Перед дверью в коридор он остановился. *«Нет, не сейчас*, — четко и недвусмысленно произнес внутренний голос. — *Подожди»*.

Ничего не понимая, но следуя интуиции, — а что еще оставалось делать? — Кервин сел на стул и принялся ждать. Странно, однако ни малейшего нетерпения он не чувствовал. Что-то в этом ожидании было от дежурства кошки перед мышиной норкой — уверенность, внутреннее ощущение правильности. Он тихо сидел, стиснув руки в замок и насвистывая под нос бесконечный монотонный мотивчик. Ни малейшего беспокойства он не ощущал. Прошло полчаса, час, полтора. У него затекла спина, он шевельнулся, немного изменив позу, и продолжал ждать.

«Пора».

Снова то же интуитивное предчувствие. Кервин поднялся, машинально проверил, на шее ли матрица, и вышел в пустынный коридор. «Интересно, — отстраненно подумал он, бесшумно ступая по плиткам, — объявят они розыск, когда хватятся меня, или как? По всей видимости, объявят». Странно, однако никаких дальнейших планов, кроме того, чтоб избежать депортации,

у него пока не было. В любом случае, для начала надо как-то незаметно выскользнуть из Земного сектора. Что будет дальше, Джефф как-то не задумывался — удивительно, но это ничуть его не волновало.

Он побыстрее свернул из главного коридора, где наверняка встретил бы кого-нибудь из сослуживцев — даркованская накидка могла бы вызвать вопросы — и направился к редко используемому служебному лифту в дальнем крыле. Кабина устремилась вниз, и Кервин сказал себе, что надо снять накидку — хотя бы до тех пор, пока он не выберется из Земного сектора. Рука потянулась к застежке.

«Нет».

Предупреждение прозвучало в мозгу четко, недвусмысленно. Джефф озадаченно опустил руку.

За разъехавшимися дверями лифта оказался узкий коридорчик, и Кервин помедлил, пытаясь сообразить, где находится. Эта часть здания была ему незнакома. Наугад он повернул направо, и коридорчик закончился дверью. Кервин отворил ее и оказался в запруженном толпой вестибюле. Не протолкнуться было от ремонтников в комбинезонах, собирающихся заступать на дежурство;

в стороне о чем-то беседовали несколько космофлотчиков, а группа даркованских горожан в свободных цветастых плащах пробиралась сквозь толпу к выходу. Оцепеневший при виде толпы Кервин понял, что на него никто внимания не обращает. Неторопливо, стараясь никому не лезть на глаза, он стал дрейфовать в самую гущу толкотни, время от времени непроизвольно морщась — он терпеть не мог толп — пока неприметно не пристроился в хвост к группе даркован. На него не обратили ни малейшего внимания. «Скорее всего, — предположил Джефф, — это какой-нибудь комитет магистрата, отвечающий за портовую зону». Они походили на маленький ручеек, струящийся себе, никуда особенно не торопясь, посреди огромной толпы, и Кервин был щепочкой в этом ручейке. Они миновали большие стеклянные двери и оказались на улице. Кервина вынесло общим Потоком. Охрана у ворот космопорта едва удостоила их взглядом.

За воротами группа тут же начала распадаться на маленькие компании, продолжающие что-то активно обсуждать. Ближайший даркованин повернулся к Кервину; на лице его появилось вежливое: «Простите, что-то не припомню...» Джефф столь же вежливо извинился и направил-

ся к Старому городу.

Расположенный на высоком откосе над космопортом и Земным сектором, Старый город был уже погружен во мрак. Налетел порыв пронизывающего ветра, и Кервин поежился даже под теплой накидкой. Куда теперь?

Он нерешительно замедлил шаг на углу улицы, где когда-то выспрашивал Рагана. Отыскать бар и выяснить, не сумеет ли Раган снова ему помочь?

Все тот же внутренний голос немедленно отозвался: *«Нет»*. Джефф нерешительно замер; может, все это ему только мерещится? Какая, впрочем, разница? Он бросил помрачневший взгляд на тускло светящие сквозь сгустившийся туман огни Имперской Миссии и развернулся к ним спиной: казалось, в мозгу у него захлопнулась дверь, и прежний Кервин остался по ту сторону. «Не надо оглядываться, теперь ты в свободном плавании. Безрассудство? Очень может быть. Но даже если и так, никуда уже не деться».

Да и не все ли равно, куда идти в таком подвешенном состоянии? Так что можно смело следовать интуиции. Стоило мелькнуть этой мысли — и на Джеффа словно снизошло какое-то странное умиротворение. Он повернулся спиной к знакомой улице и направился в противополож-

ную сторону.

Так далеко в Старый город он еще ни разу не углублялся; даже в день, когда искал матричного механика, в день, закончившийся на такой мрачной ноте. Дома в этом районе были очень древние, сложенные из гигантских блоков выцветшего от времени камня; вдоль широких улиц — то поднимающихся в гору рядами широких низких: ступеней, то снова спускающихся — свистел ветер. В этот час улицы были почти пусты, лишь иногда мелькали одинокие пешеходы в длинных плащах, да один раз встретилась женщина под вуалью — в паланкине, влекомом четверкой носильщиков. А в тени здания бесшумно скользнула нечеловеческая фигура, закутанная в серебристую мантию, и с холодным недоброжелательством покосилась на Кервина. Группа босоногих беспризорников в лохмотьях направилась было к нему, явно намереваясь поклянчить подаяние, но ни с того, ни с сего они вдруг отступили. *Опять рыжие волосы?*

Темнота сгущалась; когда Кервин понял, что окончательно заблудился, туман уже выродился в мелкую ледяную морось. Он понятия не имел, сколько времени так вот бесцельно бродил, наугад поворачивая то налево, то направо.

Оказавшись на краю огромной площади, он остановился и помотал головой, медленно приходя в себя. «Господи Боже, — подумал он, — где это я? И куда я иду? Не могу же я бродить под дождем целую ночь, даже в даркованской накидке поверх земной одежды! Пора начинать искать… ну, место, где можно было бы отсидеться какое-то время. Или попытаться вообще выбраться из города».

Джефф огляделся, в надежде отыскать хоть какие-то ориентиры, но перед глазами все плыло. Может, он свалял дурака, может, не поздно еще вернуться в Миссию, а там уж будь что будет? Но у него не было даже отдаленного представления, в какой стороне лежит Миссия. И, похоже, интуиция, которой он всю дорогу следовал, что-то замолчала.

Он стоял на углу площади. По одной стороне ее шел длинный ряд лавочек. По другой выстроились старые здания, наклоненные под самыми невообразимыми углами, подставляющие дождю безразличные, тускло освещенные фасады. Кервин отер мокрое лицо мокрым рукавом и сквозь слякотную морось уставился в противоположный угол площади, где за низкой стеной к темному, истекающему дождем небу подни-

малось здание. Внутри ярко горели огни, и за полупрозрачными проемами было видно, как движутся фигуры. Словно загипнотизированный огнями, Кервин пересек площадь и замер, борясь с искушением войти. «Господи Боже, — подумал он, — что я делаю? Не могу же я просто так взять и ввалиться! Совсем я спятил, что ли? И откуда вообще такие мысли?»

Он продолжал убеждать себя не валять дурака, а ноги сами несли его вдоль стены, к калитке. Джефф распахнул ее, прошел внутрь, остановился.

«Господи, Кервин, ну ты и идиот. Давай, пошевеливайся — уноси ноги, пока не влип во что-нибудь действительно серьезное. Получил уже один раз по башке, а теперь ведь можно так легко и не отделаться!»

Медленно, подволакивая ноги, оскальзываясь на мокрых ступеньках, он поднялся к освещенной двери.

«Отступать поздно. Может, и удастся выкрутиться».

Джефф схватился за ручку — резного металла, в форме птицы-феникс — и медленно повернул. Дверь отворилась. Он сделал шаг, заморгал от ударившего в глаза ослепительного света, а на

лицо его, в холодных дождевых каплях, обрушились волны тепла.

За много миль, в Земном секторе, человек подошел к телефону и по чрезвычайной сети потребовал легата.

— Птичка улетела, — сообщил он.

Легат спокойно, не без оттенка самодовольства, улыбнулся.

— Так я и знал. Надо было его хорошенько прижать, чтобы они сделали первый шаг. Так я и думал.

— Сэр, а не слишком ли вы уверены? Не мог он выйти сам по себе?

— Сомневаюсь, — покачал головой легат.

— Проследить за ним?

— Нет! — вырвалось у легата. — Нив коем случае, черт побери! Пускай себе идет, никаких хвостов — не такие уж они идиоты. Нет, теперь их ход, а мы только сидим и ждем.

— Вот уже двадцать лет мы только и делаем, что сидим и ждем, — недовольно пробурчал человек.

— Правильно, — кивнул легат. — И еще двадцать будем сидеть и ждать, если понадобится. Но почему-то мне кажется, что все произойдет гораздо быстрее. Катализатор запущен, поживем

— увидим.

Где-то в Земном секторе экран погас. Секунду-другую поразмышляв, легат набрал на клавиатуре код спецдопуска и затребовал дело Кервина.

Вид у него был очень довольный.

6

Перед Кервином раскинулась просторная удлиненная передняя, залитая огнями и струящая волны тепла. Он заморгал и отер с лица дождевые капли. За дверью продолжала бушевать буря — впрочем, уже идя на убыль. Несколько секунд это был единственный доносившийся до него звук. Потом тишину разорвал звонкий смех.

— Я выиграла, — заявил девичий голос. — Я же вам говорила!

В дальнем конце передней раздвинулась драпировка, и, обрамленная складками, появилась невысокая девушка с зачесанными наверх золотисто-рыжими волосами и личиком лесной феи. Звонкий смех ее эхом разнесся по передней.

— Это он! — отсмеявшись, объявила она.

Из-за спины ее выступили двое мужчин. «Господи, — мелькнула у Кервина отстраненная мысль, — я что, опять грежу наяву? Или это все один кошмарный сон?»

Перед ним снова были трое рыжеволосых из «Небесной гавани». Хорошенькая Таниквель, заносчивый, гибкий, как кошка, Остер, внуши-

тельно сложенный учтивый Кеннард.

— Разумеется, это он, — произнес Кеннард. — А ты что, Таниквель, не догадалась?

Остер сердито зыркнул глазами и промолчал.

Кеннард мягко отстранил Таниквель и приблизился к Кервину. Тот никак не мог стряхнуть оцепенения и все раздумывал, не извиниться ли за непрошенное вторжение.

— По крайней мере, ты доказал нам одну важную вещь, — произнес Кеннард, остановившись за шаг-два до Кервина. — Добро пожаловать, добро пожаловать домой.

Остер что-то зло буркнул, скривив рот в саркастической усмешке.

— Ничего не понимаю, — мотнул головой Кервин.

— Скажи-ка мне, — проговорил Кеннард, — как ты нас нашел?

— Не знаю, — пожал плечами Джефф, слишком ошеломленный, чтоб еще что-то выдумывать. — По наитию…

— Нет, — серьезно сказал Кеннард; — Это было испытание. И ты прошел его.

— Испытание? Какое еще испытание? — взметнулся Кервин.

Ни с того ни с сего его захлестнуло волной гне-

ва, на гребне которой вынеслось предчувствие, будто сейчас должно что-то произойти. С самого прибытия на Даркоувер им пытаются манипулировать. И теперь, когда, как ему казалось, он вырвался из круга, чем это кончилось?

— Подозреваю, вы ждете от меня благодарности. Я же требую объяснений — и прямо сейчас. Что еще за испытание?

— Проверка, — отозвался Кеннард, — унаследовал ли ты *ларан*: или, если так больше нравится, телепатический дар *комъинов*. Да, отец твой — землянин. Но мать была из *комъинов* — Клейндори Эйллард.

Повисла внезапная тишина; только эхо невероятного слова «*комъин*» металось между стен прихожей.

— Да, — повторил Кеннард, — все мы *комъины*, Помнишь, в тот вечер мы приняли тебя за одного из нас? Мы были не так уж и неправы.

Остер перебил его длинной репликой, из которой Кервин опять не понял ни слова. Удивительно, как ясно он понимал Таниквель и Кеннарда, но стоило открыть рот Остеру…

— Клейндори… умерла, — замявшись, продолжил Кеннард, — а тебя украли, подло и вероломно. Мы разыскивали ребенка Клейндори;

но прежде чем нам удалось тебя найти, ты был уже отправлен на Землю. А потом, несколько недель назад, одна из хранительниц засекла тебя на матричном экране.

— На чем?

— Слишком долго объяснять. Как и то, почему Остер ничего не понял тем вечером, в баре; разве что он был пьян.

Остер разразился очередной бессмысленной тирадой, и Кеннард взмахом руки приказал ему замолчать.

— Ради Шарры, Остер! Побереги дыхание; видишь же, он не понимает ни слова, — он снова повернулся к Кервину. — Ты прошел первое испытание; у тебя есть ларан. — Джефф вспомнил, что это означает телепатические способности. — Это первый подобный случай, но… нынче вообще странные времена. Нам нужна твоя помощь. Со своей стороны, мы предлагаем тебе возможность остаться на Даркоувере. Ты этого хотел, насколько я понимаю?

Не в силах стряхнуть оцепенения, Кервин только и мог, что безмолвно глазеть на Кеннарда.

Что ж, он доверился интуиции и дошел до конца. И если угодил из огня да в полымя, благодарить за это некого, кроме себя самого. «Понятия

не имею, куда я направлялся, — подумал он, — но, по крайней мере, вот он я — прибыл».

Предательские ветры и неожиданные воздушные потоки швыряли маленький самолетик из стороны в сторону, но тот упорно держал курс на запад в предрассветно розовеющем над бесконечной горной цепью небе; казалось, от первых лучиков Кровавого солнца в атмосфере разгорается пожар. Вот буря осталась позади, но проплывающие на чудовищном расстоянии внизу пики гор сглаживали слои серого тумана.

Примостившись по-турецки на рассчитанном под непривычную для землянина позу низком сиденье. Джефф Кервин наблюдал из угла крошечной пилотской кабины, как Остер невидимыми рычагами управляет самолетиком. Будь его воля, низа что не сел бы Джефф в одну кабину с Остером, но в задней кабине едва хватало места для Таниквель с Кеннардом; да и, в общем-то, мнением Кервина никто не поинтересовался.

Он все еще не мог прийти в себя от скорости, с какой стали развиваться события. Теперь он понимал, что нашел трех *комъинов* благодаря телепатическим инструкциям, полученным — по крайней мере, частично — через его матрицу; механизма процесса Джефф так и не понял, но

его уверили, что пока это и не важно.

С появления Кервина не прошло и нескольких минут, как его увлекли на небольшой частный аэродром и запихнули в этот крошечный самолетик — он успел отстраненно подивиться, что дарковане пользуются воздушным транспортом — мол, впереди очень длинный путь.

Насколько Кервин успел понять, вся суть испытания заключалась именно в том, чтобы установить телепатический контакт; проверить, обладает ли он этим загадочным *лараном*, а если обладает, то в достаточной ли степени, чтобы быть полезным *комъинам*. На что он им нужен, Кервин не имел ни малейшего представления; но Джеффа это почему-то не слишком заботило. Казалось, они относятся к нему… не то чтобы совсем уж дружелюбно, но, по крайней мере, считают за своего, примерно как бабушка с дедушкой на Земле. Да, вот именно: такое впечатление, словно они принимают его в семью. Даже когда Кеннард отмахнулся от его вопросов с нетерпеливым: «Потом, потом!» — ничего обидного в этом не было.

Пилотская кабина была на удивление пуста; из приборов бросался в глаза лишь один маленький верньер. Его подстройкой Остер первым делом и занялся, как только они поднялись на борт,

коротко извинившись за временное неудобство — неприятную вибрацию, от которой у Кервина заныли зубы, а в барабанных перепонках на самом пределе слышимости засвербил монотонный вой, «Подстройка, — снизошел до отрывистого пояснения Остер, — абсолютно необходима, дабы компенсировать присутствие на борту человека с не полностью развившимися телепатическими способностями».

С момента старта Остер практически неподвижно замер в традиционной даркованской позе, поджав под себя ноги, время от времени склоняясь к непривычно голой панели управления и лениво шевеля рукой, словно подавая знаки невидимому наблюдателю. «Или, — мелькнула у Кервина мысль, — отгоняя мух». В завороженном взгляде Джеффа восхищение смешивалось с неприязнью. Один раз он даже поинтересовался, что за энергия движет самолет — на кахуенге, городском диалекте; и Остер обронил сквозь зубы: «Матричный кристалл». Кервин чуть было не присвистнул. Ему и в голову не приходило, что в этих кристалликах может заключаться такая сила!

Наверняка дело тут не в одной пси-энергии. В этом Джефф был уверен. На планетах, где прихо-

дилось служить Кервину, телепаты и экстрасенсы встречались в избытке, но возможности их были весьма ограничены. Насколько Кервин мог судить по рассказам Рагана и по тому немногому, что успел увидеть сам, матричная механика была одной из тех наук, что земляне, наталкиваясь на них на дальних мирах, скопом зачисляли в разряд некаузальных: кириллика, электроментрия, психокинетика[2]. И Кервин знал о них не больше любого землянина.

Не составляло особого труда разглядеть, что самолетик был земного производства; характерные контуры остались без изменений, только опознавательные знаки были закрашены, да двигательная установка демонтирована, а салон переоборудован по даркованским стандартам.

Кервину было страшно, и он не боялся себе в этом признаться. Но сквозь страх пробивалось ощущение странной умиротворенности; удовлетворения. Он никогда не считал себя землянином — разве что по случайности рождения. Настоя-

---

[2] notes: 2

Каузальностью (от causa — «причина») именуется по-латыни причинность; таким образом, некаузальные науки — суть науки, нарушающие закон причинности; однако в данном случае термин, похоже, трактуется шире, в смысле нарушения известных нам законов вообще; с такой точки зрения и нарушающий закон сохранения энергии вечный двигатель — некаузальный агрегат.

щей родиной его был Даркоувер, и мечта всей жизни, можно сказать, уже сбылась; комъин, представитель высочайшей местной знати, возвращался домой после долгих лет невольной ссылки.

В памяти его всплыли обрывки единственной долгой беседы с легатом: «Вот уже четыре поколения мы из кожи вон лезем, только б узнать хоть что-нибудь о матричной механике… Комъины, не просто неподкупные, но и недоступные…»

Насколько Кервин знал, комъины не представляли собой ни правящей династии, ни высшей знати, ни духовенства, ни олигархии, ни чего-либо хоть примерно похожего. И никакого пакта с Землей они не подписывали. Соглашение между двумя мирами имело под собой весьма шаткую основу… Комъины очень редко покидали пределы своих тайных крепостей. И Кервин собственными глазами видел, с каким фантастическим, если не сказать фанатичным благоговением относятся на Даркоувере к этим рыжеволосым аристократам. И если в глубине души дарковане стенали под призрачной, но несомненной властью комъинов, то землянам об этом, по крайней мере, ничего известно не было.

Кервин попытался осторожно распрямить ноги

— так, чтобы не проломить переборку.

— Долго еще до этого вашего города? — поинтересовался он у Остера.

Тот и ухом не повел. Остер был очень худощав; в осанке, да и в изгибах губ его чувствовалось что-то неуловимо кошачье; даже присвист, с каким он произносил шипящие звуки, походил на мурлыканье.

— Здесь не говорят на кахуенге, — в конце концов отрывисто отозвался Остер, — а пока включен телепатический глушитель, на другом языке нам друг друга не понять.

— Чем тебе не нравится кахуенг? Насколько я помню, в Земном секторе ты совершенно свободно на нем изъяснялся.

— Мы способны выучить любой известный человеческий язык, — произнес Остер с тем высокомерием, что всегда так раздражало Кервина. — Но базовые концепции нашего мира выразимы только последовательностями наших собственных семантических символов — и у меня нет ни малейшего желания болтать по-крокодильски с полукровкой о всякой ерунде.

Кервин стиснул зубы. «Повтори-ка это еще раз, приятель, — подумал он, — и я забью глушитель тебе в глотку». Больше всего на свете Джеффу

хотелось сейчас неожиданным пинком вышвырнуть Остера из самолета и посмотреть, как тот сумеет уговорить птиц помочь. Никто еще не вызывал у него такой инстинктивной неприязни, как Остер, и он лелеял надежду, что в дальнейшем им не придется близко общаться.

Горные вершины едва порозовели от солнечных лучей, когда Остер шевельнулся; кривая саркастическая усмешка у него на лице разгладилась, и он показал на узкую лощину между двумя пиками.

— Вот Арилиннская равнина, — произнес он, — и Потаенный город комъинов.

Кервин расправил затекшие плечи и выгнул ноющую шею, дабы получше разглядеть город предков. С высоты полета он выглядел точно так же, как любой другой город — огни, ряды зданий, пустыри… Повинуясь очередному вялому жесту Остера, самолетик клюнул носом; пытаясь удержать равновесие, Джефф взмахнул руками и на мгновение случайно оперся Остеру на плечо.

К реакции, какую это вызовет, он оказался совершенно не готов. Остер бросил управление, отпрянул к противоположной стенке кабины и что есть силы, оттолкнул Кервина. При этом локоть его с размаху заехал Кервину по зубам, и

комъин выпалил что-то неразборчивое, но очень гневное; самолетик заходил ходуном. За перегородкой пронзительно вскрикнула Таниквель; взяв себя в руки, Остер несколькими резкими движениями выправил машину.

Кервин одеревенело замер. Первый импульс — дать Остеру в зубы, невзирая на последствия — так и угас. Чудовищным усилием воли Джефф удержался на сиденье, стискивая до боли в костяшках подлокотники, пока не почувствовал, как трещит под пальцами пластик.

— Слышишь, ты, не разбей только это чертово корыто, — произнес он на кахуенге. — А если так уж хочется помахаться, подожди, пока сядем. Тогда с превеликим удовольствием.

В узком проеме между кабинами появилась голова Кеннарда. Он что-то произнес на том диалекте, которого Кервин не понимал.

— Пусть тогда не распускает свои крокодильи лапы! — огрызнулся Остер.

— Кервин, — примиряюще начал Кеннард, на деле обращаясь к ним обоим, — ты, наверно, не знал, что любое неосторожное движение в пилотской кабине может сбить самолет с курса. — Проход был настолько крошечным, что Кеннард едва помещался там в полный рост; он

задумчиво поглядел на Кервина, потом пожал плечами. — В любом случае, мы вот-вот сядем.

Самолетик мягко приземлился. Огни по периметру поля мигали сквозь серую дымку утреннего тумана. Откуда-то еле ощутимо повеяло едким дымком. Остер отомкнул дверь; с приставной лесенкой появился сухощавый даркованин в куртке красной кожи и в бриджах.

— Со счастливым возвращением, *вай домъ-ин*, — произнес он на одном из тех даркованских языков, что Кервин хорошо знал, отступил на шаг и взметнул руку в жесте, отдаленно напоминающем воинское приветствие — не подобострастном, а изысканно-вежливом. Остер спустился по лесенке и махнул Кервину рукой, чтобы тот спускался за ним; даркованин повторил приветствие.

Потом на поле спустился Кеннард, осторожно нашаривая ногой каждую ступеньку. «Или он старше, чем кажется, — мелькнуло в голове у Кервина, — или слегка хромоват, только раньше это почему-то в глаза не бросалось». Кеннард подставил Таниквель руку, та торопливо простучала каблуками по ступенькам; а самолет тем временем уже обступили даркованe в красных, коричневых и желтых одеждах.

Таниквель подняла на Кервина глаза и покачала головой.

— Да у тебя кровь на губах, — сказала она. — Ты что, успел уже подраться с Остером? — Губы ее скривились в озорной улыбке, и она склонила голову набок, чтобы лучше наблюдать эффект, какой возымеют ее слова.

Остер метнул на нее бешеный взгляд.

— Чистая случайность, — негромко произнес Кеннард. — Небольшое недоразумение.

— *Землянин*, — буркнул Остер.

— А кем еще, интересно, он может быть? — поинтересовался Кеннард. — И кто виноват, что он ничего не знает о наших табу? Вот она, — пояснил он, перехватив взгляд Кервина, — Арилиннская башня.

Джефф посмотрел туда, куда указывал Кеннард.

Идеально прямая, сложенная из какого-то коричневого камня башня вздымалась к небу; только присмотревшись, Кервин понял, насколько она высока. Вид этот произвел на него странное действие: в голове шевельнулось смутное полузабытое воспоминание.

— Сэр, — дрожащим голосом обратился он к Кеннарду, — я не мог быть тут… раньше?

Кеннард покачал головой и на мгновение положил руку Кервину на плечо; жест этот удивил Джеффа, успевшего прийти к выводу, что на случайные прикосновения у комъинов существует табу. Впрочем, Кеннард тут же убрал руку.

— Это не самая старая и не самая мощная из комъинских башен, — продолжил он. — Но наши хранительницы работают с Башенными экранами вот уже девятьсот двенадцать поколений.

— А в девятьсот тринадцатом поколении, — вмешался из-за его спины Остер, — мы привозим сюда сына землянина и *леронис* — предательницы.

— Ты что, — метнула на него яростный взгляд Таниквель, — сомневаешься в том, что сказала Элори?

Остер хмуро склонил голову; Таниквель подошла к Кервину.

— А теперь, ради всего святого, пошли наконец отсюда. Мы что, весь день собираемся торчать на аэродроме?

Они направились через поле, и Джефф не раз ловил на себе любопытные взгляды. В воздухе все еще висела мелкая холодная морось, и у Кервина мелькнула мысль, как хорошо было бы сейчас оказаться где-нибудь под крышей — отогреть-

ся и расслабиться. Другой проскользнувшей у него мыслью было, что он не стал бы возражать против ванны и чего-нибудь выпить, а еще — хорошего ужина… Какого, к черту, ужина? Может, скорее, завтрака? Должно быть, они перелетели от Тендеры на добрую треть дуги большого круга, и чувство времени у Кервина сбилось, потому что в Арилинне солнце еще только вставало.

— Всему свое время, — произнес Кеннард. Кервин вздрогнул; потом решительно сказал себе, что рано или поздно придется привыкнуть к этому Кеннардову трюку — что тот может читать его мысли. — Сначала, боюсь, тебе предстоит встреча с остальными из Арилиннской башни. Естественно, им не терпится все о тебе узнать.

Кервин поднял руку и отер с лица кровь. Лучше б ему сначала дали привести себя в порядок, а потом уж выставляли напоказ. Он еще не освоился с мыслью, что среди телепатов не принято встречать по одежке. Вчетвером они прошли мимо длинного кирпичного здания, напомнившего Кервину казарму; из-за больших деревянных ворот донесся неповторимый запах, и Кервин подумал, что где-то поблизости конюшни. Только когда башня оказалась уже совсем близко, Джефф осознал, что строгость ее очертаний нарушается

лишь скоплением невысоких строений у подножья. Они прошли еще два двора и оказались перед аркой, высеченной из голубоватого камня; в проеме пульсировала полупрозрачная радужная дымка. Кеннард остановился.

— Никто, — произнес он, — кроме тех, у кого в жилах течет кровь комъинов, не может пройти сквозь Вуаль.

Кервин пожал плечами. Наверно, ему следовало восхититься, но ресурсы удивления у него уже иссякли. Джеффу пришло в голову, что он устал и голоден. Он не спал уже сорок восемь часов, и ему действовало на нервы, что все — включая Остера — затаив дыхание, ждут от него следующего шага.

— У меня в цилиндре кролики кончились, — раздраженно произнес он, — да и в любом случае, сценарий ваш. Куда теперь, сюда?

Они продолжали молча ждать, так что Кервин шагнул прямо в трепещущую радугу.

Он ощутил электрическое покалывание, словно тысячью крошечных иголочек и булавочек одновременно, а, оглянувшись, увидел, что Кеннард, Таниквель и Остер превратились в размытые тени. Джеффа затрясло; — внезапно его ужалило подозрение, что все это — сложнейшим образом

расставленная ловушка, как раз и призванная заманить его туда, где он сейчас оказался — ибо стоял он один в темном замкнутом пространстве, и только радужное мерцание указывало, где был вход.

Мгновением позже Кервин испустил вздох облегчения (мысленно добавив: «Ну и дурак же я!») — сквозь радугу шагнула Таниквель, за ней последовали Остер в Кеннард. Таниквель шевельнула пальцами — примерно так же, как делал Остер, управляя самолетом. Кабинка дрогнула и пошла вверх (Джефф пошатнулся, но на ногах устоял), потом резко затормозила. Через арочный дверной проем открывался проход в ярко освещенный зал и дальше — на зеленую террасу с видом на пламенеющие в лучах рассвета горы.

В гигантском пространстве гулко отдавалось эхо; при этом, как ни странно, от зала веяло теплом и уютом. Пол был выложен неровными плитками, изрядно изношенными; немало, должно быть, ног ступало по ним. В дальнем углу зала горел огонь, от которого ароматно пахло дымом и благовониями; темное пушистое существо раздувало огонь длинными, странной формы мехами. Пальцы существа были розовыми и гибкими, а когда Кервин подошел поближе, оно подняло го-

лову, и в умных глазах его — зеленых, без зрачков — читался вопрос.

Справа от камина стояли тяжелый резной стол из какого-то блестящего дерева, несколько кресел и длинный диван с грудой подушек, вытканных фосфоресцирующим узором.

С одного из кресел поднялась женщина средних лет и направилась к прибывшим. Остановившись перед Кервином, она смерила его спокойным взглядом своих умных серых глаз.

— Варвар… Что ж, он и похож на варвара с окровавленным лицом. Еще одна драка, Остер, — и я отправлю тебя в Неварсин, в Дом покаяния… На целую зиму, — добавила она по некотором размышлении.

Голос ее звучал низко и хрипло, в темно-рыжих волосах серебрились седые пряди. Под скромным темным платьем угадывалось внушительного сложения тело, а на подвижном лице разбегалась от уголков глаз сеть морщинок.

— Как землянин назвал его?

Джефф представился. Неприязненно скривив губы, женщина повторила его имя.

— Джефф Кервин. Этого следовало ожидать. Меня зовут Месир Райднау, и я твоя отдаленная тетка. На думай только, будто я горжусь таким

родством. Совсем наоборот.

«Среди телепатов бессмысленно отпускать ничего не значащие комплименты, — подумал Кервин. — Так что не стоит судить об их манерах по земным меркам». Несмотря на грубоватую прямоту, что-то в этой здоровенной старой амазонке импонировало Джеффу. Вслух же он только сказал:

— Может, мне еще удастся изменить ваше мнение к лучшему… мама, — строго говоря, он использовал слово «киха», традиционное обращение к любому родственнику женского пола в старшем поколении.

— Лучше зови меня просто Месир, — огрызнулась та. — Я еще не такая старая! Закрои пасть, Остер, смотреть страшно. Он-то понятия не имеет, что ляпнул что-то не то. Да и откуда ему иметь?

— Если я как-то оскорбил…

— Ладно, можешь звать меня мамой, — усмехнулась Месир. — Я давно уж и близко не подхожу к матричным экранам. По крайней мере, с того времени, как мой отпрыск достаточно подрос, чтобы занять мое место. Вот, познакомьтесь — мой сын, Корус.

Долговязый подросток с кудрями цвета красного дерева протянул Кервину руку таким жестом,

словно собирался вызвать на дуэль.

— Вы летали в космос? — поинтересовался он, скривив губы в улыбке, напомнившей Кервину Таниквель.

— Четыре раза.

— Интересно… — протянул Корус; Джеффу показалось, что в голосе его прозвучала зависть. — Я-то не был нигде дальше Неварсина.

— А это Раннирл, — вмешалась Месир, бросив на Коруса недовольный взгляд.

Раннирл оказался примерно одного возраста с Кервином — высокий, худощавый, немного занудного вида тип с грустными глазами и жидковатой рыжей бородкой. Он не стал подавать Кервину руки, только учтиво поклонился.

— Итак, они все-таки нашли вас. Вот уж не ожидал. Кеннард, с меня четыре бутылки «Равнета».

— Вот все вместе и разопьем, в первый же праздник, — сердечно улыбнувшись, отозвался Кеннард. — Насколько я помню, ты бился об заклад и с Элори тоже? Когда-нибудь азарт тебя погубит. Кстати, где Элори? Она должна была быть здесь — хотя бы для того, чтобы потребовать с тебя свой выигрыш.

— А вот и она, — сказала Таниквель, и все повернулись к двери. Повисла тишина, но мгно-

вение спустя Кервин понял, что тишина ему только чудится, Месир, Раннирл и Корус продолжали о чем-то беседовать, и только воображению Джеффа представилось, будто появившуюся в дверном проеме девушку окутывает атмосфера абсолютной тишины. Серые глаза ее остановились на нем, и он узнал девушку, которую видел в кристалле.

Она была высока и очень изящно сложена. Солнечно-золотистые, с медным отливом волосы обрамляли загорелые щеки. Длинное платье крепилось на плечах грубоватыми железными пряжками ручной работы и ниспадало тяжелыми складками; и платье, и застежки казались чересчур громоздкими для столь хрупкой фигурки — словно маленькую девочку взяли да обрядили в королевскую мантию. Она ступала, как неуклюжий голенастый ребенок, а нижняя губка то и дело по-детски обиженно припухала. Элори подняла длинные ресницы и посмотрела прямо на Кервина своими серыми мечтательными глазами.

— Это и есть мой варвар, насколько я понимаю?

— Твой? — хихикнув, вскинула брови Таниквель; и сероглазая девушка ответила своим

тихим хрипловатым голосом:

— Мой.

— Только не подеритесь, — посоветовал Кервин. Это начинало становиться забавным.

— Не слишком ли ты о себе возомнил? — пробурчал Остер; Элори перевела на него взгляд своих серых глаз, и он, к удивлению Кервина, опустил голову с видом побитой собаки.

— А это Элори Ардуэ, Хранительница Арилиннской башни, — произнесла Таниквель и улыбнулась Кервину своей озорной улыбкой. — Теперь, когда все в сборе, ты можешь наконец спокойно сесть, выпить, перекусить и прийти в себя.

Она вручила Кервину бокал. Кеннард, салютуя, приподнял свой и произнес, улыбаясь:

— За возвращение!

Остальные присоединились к тосту, образовав вокруг Кеннарда кольцо — Таниквель со своей озорной улыбкой; Корус, застенчиво хмурящийся и не в силах скрыть любопытства; Раннирл, настороженный, но доброжелательный; Месир и Кеннард, искренне дружелюбные; даже Остер изобразил на лице нечто сродни дружелюбному интересу. Одна Элори не удостоила Кервина ни словом, ни улыбкой; только серьезно посмотрела

на него поверх бокала, пригубила вино и опустила ресницы.

Месир решительно отставила бокал.

— Ладно, хватит. Мы целую ночь не спали, ждали, сумеют ли они тебя найти. Так что для начала предлагаю всем хорошенько выспаться.

Элори по-детски потерла кулачками глаза и зевнула.

— Опять ты себя не жалеешь, — придвинулся к ней Остер. — И ради кого! — Он еще долго говорил, но Кервин вновь не мог понять ни слова.

— Пошли, — кивком подозвала Джеффа Месир. — Объяснения подождут.

Такое же мохнатое создание, как то, что возилось с огнем, освещало им дорогу; шаги гулко отдавались в широком каменном коридоре. В конце его поднималась длинная, с мозаичными ступенями лестница.

— Чего у нас достаточно, так это места, — сухо говорила Месир. — Так что, если эта комната не понравится, выбирай любую из пустых. Башня строилась в расчете человек на двадцать-тридцать, а нас сейчас всего восемь, вместе с тобой. Потому-то, разумеется, ты и здесь. Кто-нибудь из *кирри* принесет тебе все, что захочешь, из еды, а если надо, чтобы тебе помогли одеться или еще

что-нибудь в этом роде — только попроси. Прошу прощения, но слуг из людей мы не держим; им не пройти сквозь Вуаль.

Не в силах больше удивляться, Кервин оцепенело помотал головой.

— До встречи на закате, — произнесла Месир я, церемонно кивнув, удалилась. Повинуясь жесту пушистого создания, Кервин проследовал в указанную комнату.

— Когда он проснулся, солнце уже клонилось к горизонту, а кто-то из *кирри* неслышно копошился в ванной, напуская воду, от которой распространялся слабый аромат. Вспомнив, что сказала Месир насчет встречи на закате, Кервин принял ванну, побрился, съел кое-что из предложенных *кирри* яств, но когда мохнатое существо кивнуло на кровать, где была разложена какая-то даркованская одежда, Джефф мотнул головой и облачился в черную форму Гражданской Службы. «Забавно, — мрачно усмехнувшись, подумал он, — на Земле я всячески старался выпячивать свои даркованские корни, здесь же — земные. Мне не стыдно, что я сын землянина, пусть себе зовут меня варваром, если так хочется!»

Без стука, без единого слова предупреждения отворилась дверь, и в комнату вошла Элори.

Неожиданное вторжение застало Кервина врасплох; зайди она буквально парой минут раньше — и он предстал бы перед нею в чем мать родила; и хотя Джефф был уже почти полностью одет, дискомфорт оставался.

— Варвар! — с низким, горловым смехом произнесла Элори. — Я же телепат, забыл разве?

Покраснев до корней волос, Кервин нагнулся и нацепил второй ботинок. Очевидно же, что в семье телепатов — или в такой тесно спаянной группе, какой казалась эта — бытовые условности должны сильно отличаться от земных.

— Кеннарду пришло в голову, — сказала Элори, — что ты можешь заблудиться, пока будешь искать гостиную — тот большой зал внизу. Я провожу тебя.

На Элори было тонкое шелковистое платье с вышитыми на светлом поле вишневыми веточками и звездообразными венчиками; она стояла прямо под висящей на стене картиной, и сходство не могло не броситься в глаза. Кервин перевел взгляд с полотна на хрупкую рыжеволосую девушку.

— Это ваш портрет? — поинтересовался он.

— Нет, — равнодушно отозвалась Элори, покосившись на картину. — Это моя прапрабабушка.

В те дни наши женщины обожали заказывать портреты в виде легендарных персонажей. Правда, платье я скопировала как раз с этой картины. Пошли.

Разговаривала она с Джеффом не слишком дружелюбно и даже не больно-то вежливо; но, похоже, хотя бы принимала его как должное.

В конце коридора перед ведущей вниз лестницей Элори замедлила шаг и подошла к глубокому проему в стене; за окном открывался вид на закат.

— Смотри, отсюда виден край горной цепи Тендара — если у тебя хорошо тренированное зрение. Там еще одна комъинская башня. Они стоят по всему Даркоуверу. Но сейчас многие из них пусты.

Кервин сощурился, но его взгляду представилась только бесконечная зеленая равнина; у самого горизонта едва угадывались очертания предгорий, тающие в синеватой дымке.

— У меня в голове такая мешанина, — признался он. — Я так до сих пор и не понял, кто такие комъины. И чем они занимаются. И кто такая Хранительница… кроме того, — с улыбкой добавил он, — что очень красивая девушка.

Под спокойным детским взглядом Элори он

опустил глаза; она заставила его почувствовать, что комплимент прозвучал глупо и совершенно не к месту.

— Чем мы занимаемся, объяснить легче, чем кто мы такие. Хранительница занимает центральное положение в… группе матричных техников. Она… ну, помогает остальным войти в контакт; в общем, работает среди телепатов кем-то вроде центрального координатора. Это всегда женщина. Нас готовят к этому с самого рождения, и иногда… — она отвернулась к окну и бросила взгляд на далекие горы, — иногда мы теряем свои способности всего за несколько лет.

— Теряете? Как это?

Элори еле заметно пожала плечами и ничего не ответила. Только гораздо позже Кервин поймет, насколько переоценивала она его телепатические способности; что за всю свою жизнь ей ни разу не приходилось еще встречать мужчины — да и не только мужчины, вообще человека — который не мог бы свободно прочесть любую мысль, которую она предпочла бы не формулировать вслух. Тогда Джефф еще ничего не знал об изоляции, в какой живут юные Хранительницы.

— Такой вот центральный координатор должен быть женщиной, — повторила Элори, — а

остальные работающие с экранами, как правило, мужчины. Кроме поддерживания телепатического контакта — это для женщин слишком тяжелая и опасная работа. Мы надеемся, что ты сможешь работать в тесном контакте со мной.

— Звучит заманчиво, — с улыбкой отозвался Кервин. Элори резко развернулась и уставилась на него, широко раскрыв рот, словно не в силах поверить услышанному.

— Прекратите! — вырвалось у нее; глаза девушки сверкали, щеки залились краской. — *Прекратите!*

Кервин беспомощно отступил.

— Пожалуйста, успокойтесь, мисс Элори. Если как-то обидел вас, прошу прощения; но, черт побери, понятия не имею, как это у меня получилось.

Она стиснула каменный подоконник с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Они выглядели такими хрупкими, эти белые кисти рук. Через секунду-другую Элори нетерпеливо мотнула головой.

— Я как раз хотела рассказать о комъинах. Всего на Даркоувере семь семейств телепатов.

— А я-то думал, что тут все просто кишит телепатами!

В глазах девушки появился холодный блеск наблюдателя.

— Я не имею в виду способность принимать мысли, выраженные словами. Более или менее, но это умеют все. Я подразумеваю весь спектр психокинетических талантов, с незапамятных времен разрабатываемых нашей кастой; и в первую очередь — умение работать с матрицей. Насколько я понимаю, ты — знаешь, что такое матрица.

— Ну… примерно.

— Так я и думала. Именно через матрицу Клейндори мы тебя и засекли. Это доказывало, что у тебя есть *ларан*, наследственный признак нашей касты. Проще всего сказать, что матрица — это кристалл, чувствительный к мысли. Я могла бы, конечно, наговорить кучу слов о пространственных решетках, нейроэлектронных сетях, кинетических энергонах и прочем — но оставим это Раннирлу, он у нас главный техник. Матрицы бывают простейшие, например… — Элори коснулась крошечного кристалла, зависшего у ворота в пренебрежение всеми законами гравитации; казалось, именно из него волнами струится тонкое, как паутинка, платье. — Или, наоборот, огромные, искусственно выращенные матричные

экраны со сложнейшей кристаллической структурой. Они без потерь перерабатывают энергию магнитного поля планеты и преобразуют ее в другие формы энергии или даже в материю. Перерабатывать сырье, получать тепло, свет, кинетическую или потенциальную энергию — все это можно делать с помощью матрицы. Ты в курсе, что мысленные волны, мозговые колебания — электрические по природе?

— Ну… примерно, — повторил Кервин.

— Дело в том, что волны мысли — даже тренированного телепата — не могут воздействовать ни на что в материальной вселенной. Им не под силу и волоска сдвинуть. Но матричные кристаллы… пожалуй, правильней всего будет сказать, что они многократно усиливают волны мысли; работают чем-то вроде катализатора, придают абстрактной энергии конкретную форму. Вот и все.

— А… Хранительницы?

— Некоторые матрицы настолько сложны, что одному человеку с ними не справиться. Необходимы усилия нескольких специально тренированных мозгов, чтобы установить энергетическую связь. И Хранительница… координирует эти усилия. Больше ничего сказать не могу, — произнесла она, как отрезала, и напра-

вилась к лестнице. — В гостиную — сюда; вниз и прямо. — Тончайшей пеленой всколыхнулись складки платья, и Кервин проводил Элори встревоженным взглядом. Он что, опять как-то обидел ее? Или это просто детская причуда?

Он спустился по лестнице, прошел по коридору и оказался в огромном зале с камином — в том самом, где на рассвете уже пили за его возвращение домой. *Домой?* Зал был совершенно пуст. Джефф уселся в одно из низких кресел и закрыл лицо ладонями. Если кто-нибудь ему все не объяснит, и в самое ближайшее время, он с ума сойдет.

Раздвинулись портьеры, и в зал, слегка прихрамывая, вошел Кеннард.

— Я… У меня в голове сплошная мешанина, — беспомощно признался Кервин, подняв на него взгляд. — Прошу прощения. Наверно, просто слишком много впечатлений сразу.

В ответном взгляде Кеннарда читалась странная смесь сочувствия и веселья.

— Да, понимаю; это должно быть нелегко.

Кеннард опустился на груду диванных подушек, откинулся на спинку и сцепил за головой руки в замок.

— Может, я сумею что-нибудь прояснить, — сказал он.

— Кто я такой, Кеннард? И какого черта тут делаю?

Казалось, Кеннард проигнорировал вопрос.

— Знаете, что я тогда подумал, — после долгой паузы поинтересовался он, — в ту первую ночь, в «Небесной гавани»?

— Прошу прощения, как-то я не в настроении играть в угадайку.

— Не забывайте, я понятия не имел, кто вы такой; Вы были похожи на одного из нас — но, разумеется, я знал, что это не так. Я же из рода Альтонов, у нас иногда ни с того, ни с сего включается довольно извращенное восприятие времени — и, посмотрев на вас, я увидел маленького мальчика, ребенка, который всю жизнь толком не знал, кто он такой и откуда. Мне стало любопытно. Жаль, что вы той ночью не остались с нами, когда я просил вас.

— Мне тоже жаль, — медленно произнес Кервин. «Ребенок, — повторил он про себя, — который всю жизнь толком не знал, кто он такой и откуда». — Я, конечно, вырос, но, похоже, потерял себя где-то по пути. Может, здесь, у вас, получится найти себя снова.

Кеннард встал с дивана. Джефф тоже поднялся на ноги, обратив внимание, что собеседник ста-

рательно избегает случайных соприкосновений. Тот улыбнулся.

— Что, интересно, почему?

— Нет, просто… я терпеть не могу, когда меня толкают. С большинством из тех, с кем приходилось встречаться, у меня были весьма натянутые отношения — а в толпе я чувствую себя просто ужасно.

— Зачаточные телепатические способности плюс, подозреваю, эмпатия, — произнес Кеннард. — То есть вы улавливаете достаточно, чтобы чураться любого физического контакта.

— Ну, не то чтобы совсем уж любого… — усмехнулся Кервин.

Брови Кеннарда взлетели в сардонической усмешке.

— Любого, кроме искренней демонстрации душевного расположения, так?

Джефф кивнул, прокручивая в памяти немногочисленные случаи подобного рода.

— Сколько вам лет? Двадцать шесть? Двадцать семь? Что ж, наконец-то вы вернулись в свою стихию.

— Как бы не так в свою стихию! — огрызнулся Кервин. — Не подскажете, как я вписываюсь во всю эту неразбериху?

— Постараюсь, — Кеннард задумчиво сплел узловатые пальцы. — Полагаю, Элори сказала вам, что всего на Даркоувере семь семейств телепатов: Хастуры, Райднау, Ардуэ, Эльхалины, Альтоны — мое семейство, и Эйлларды — ваше.

— Пока что я насчитал шесть.

— Альдараны не в счет. — Лицо Кеннарда неожиданно посуровело. — Они продали наш мир землянам. Это долгая и постыдная история. Не хотел бы сейчас останавливаться на ней, даже если б у нас было время; правда, времени у нас все равно нет. В любом случае, вас это никак не касается. Но, с учетом того, что на Даркоувере всего шесть семейств телепатов — сами можете прикинуть, в каком все должны быть близком родстве.

— Вы хотите сказать, что обычно браки заключаются только внутри вашей касты? Между телепатами?

— Не только, — ответил Кеннард. — И дело не в каких-то официальных ограничениях. Но если вы телепат и долгое время вращаетесь в замкнутом кругу телепатов… это как наркотик. — Голос его дрогнул. — Вы совершенно отучаетесь… общаться с людьми со стороны. Вы настолько отвыкаете от обычного воздуха, что не можете больше им

дышать. Посторонние раздражают вас; люди, которые не разделяют всех ваших чувств, побуждений, стремлений… не телепаты… они кажутся варварами или какими-то непонятными животными…

Недвижный взгляд его буравил пространство над головой у Кервина; вздрогнув, он пришел в себя.

— Ну да ладно. Из-за этой вот нашей… неспособности терпеть посторонних мы все в невероятно близком родстве в ментальном плане — даже ближе, чем в физическом. Смешанные браки могли бы спасти положение, но… большинство из нас на это не способны. — На мгновение Кервину показалось, будто он хотел еще что-то добавить и с трудом сдержался. — Так что, похоже, мы вымираем. Все меньше и меньше детей в каждом поколении наследуют *ларан*, или Дар. — Теперь он говорил быстро, по-деловому, без следа прежней горечи. — Среди комъинов существуют две фракции. Одна требует, чтобы мы до последнего придерживались древних обычаев и сопротивлялись любым переменам, пока не вымрем, а там уже все равно. Другая считает, что раз изменения порядка вещей все равно неизбежны, лучше выработать компромиссное решение с

приемлемыми для нас условиями — чем ждать, пока навяжут неприемлемые. Нам необходимо было выяснить правду, о матричной науке. Вторая фракция считает, что посторонних можно — и должно — учить всему, что умеют комъины. Эта фракция была во главе Совета всего несколько лет; но именно в это время, всего поколение назад, появилась такая профессия, как матричные механики. Выяснилось, что обычных людей с крошечными задатками телепатических способностей можно научить пользоваться простейшими матрицами.

— Я встречал несколько таких.

— Следует помнить, — продолжал Кеннард, — что все осложнялось успевшим сформироваться с незапамятных времен очень эмоциональным отношением к… обсуждавшемуся вопросу. Это ведь была почти религия. Какое-то время комъины считались чуть ли не духовенством. Особенно Хранительницы… они были объектом самого настоящего религиозного поклонения; дело доходило до откровенного фанатизма. Даже теперь… ладно, впрочем, речь не о том. Теперь — при чем тут ты.

Тридцать лет назад — а я тогда был еще совсем юнцом — Хранительницей была Клейндори Эйл-

лард, Золотой Колокольчик. Она происходила из одного из самых знатных на Даркоувере семейств и входила полноправным членом в Совет комъинов. Она была моей молочной сестрой, и я очень любил ее. — Кеннард замялся; в лице его снова появилась горечь. — Клейндори была Хранительницей. Это означало, что она — кроме того, что была *вай леронис* — давала обет девственности. Но Клейндори считала, что все это сплошные предрассудки. В глубине души она была… наверно, вы бы назвали ее реформатором. Она всячески боролась с новым руководством Совета, насаждавшим тотальную секретность и квазирелигиозный статус комъинов. И в конце концов она сбежала из Арилинна. С землянином.

Джефф уже начинал догадываться; и все равно это был шок.

— С Джеффом Кервином? Моим отцом?

— Да, — кивнул Кеннард. — Вот почему Остер ненавидит тебя, вот почему для некоторых твое появление на свет — святотатство. Впрочем, у Остера есть особенные причины для горечи. Клейндори бежала не одна, и всех их Совет объявил предателями. Остер тоже родился среди землян и, хотя сам этого не помнит, тоже какое-то время жил в Приюте Астронавта. Нам удалось

заполучить его назад, и это не менее загадочная история. — Кеннард улыбнулся. — Но Совет был крайне возмущен святотатством, что совершила Клейндори; и одно твое появление на свет они готовы были счесть личным оскорблением — как же, сын Хранительницы, поправшей священные обеты, и (о, ужас!) землянина. Тебе еще повезло, — он снова помрачнел, — что тебя отправили на родину отца. Было немало фанатиков, готовых убить сына предателей в святой уверенности, что мстят за поруганную честь *вай леронис*.

Кервин похолодел.

— Но в таком случае, — спросил он, — какого черта я тут делаю?

— Времена изменились. Мы вымираем. С каждым годом нас становится меньше и меньше. В Арилинне есть Хранительница, в полной мере унаследовавшая *ларан*; на всем Даркоувере наберутся еще двое-трое с ограниченными способностями, плюс подрастают несколько маленьких девочек, которые когда-нибудь, возможно, станут Хранительницами. Фанатики или повымирали, или с возрастом стали менее твердолобыми. Сменилось руководство Совета. Когда ты вернулся на Даркоувер, не так уж сложно было догадаться, кто ты такой. Потом Элори увидела

тебя на матричном экране и подтвердила мои подозрения. Она выступила за тебя на Совете, и я поддержал ее. Если есть хоть малейший шанс, что ты унаследовал *ларан* … в общем, не то у нас положение, чтобы разбрасываться такими возможностями. Мы тебя позвали; ты откликнулся на зов. И вот ты здесь.

— Да, и вот я здесь. Чужак…

— Не совсем чужак, — возразил Кеннард. — Иначе ты не прошел бы сквозь Вуаль. Может, ты уже догадался, что мы не любим, когда поблизости не-телепаты. Это очень болезненно — особенно во время работы. Вот почему нам прислуживают одни только *кирри*; вот почему все хозяйство лежит на Месир, хотя она давно не работает с матрицами. У *кирри* есть некоторые телепатические способности, но они… работают только на прием. С точки зрения обычного человека, они глухи и немы. — Он улыбнулся. — С тобой я не чувствую ни малейшего напряжения. Это хороший знак.

— И он очень хотел бы сказать о себе то же самое, — сообщила Кеннарду Таниквель, высунув голову из-за портьер. — Так и будет, — пообещала она Кервину. — Просто ты жил с варварами слишком долго.

— Тани, не надо дразниться, — укоризненно сказал Кеннард. — Да, он не привык к телепатам — но это же не обязательно означает, что он варвар. Принеси-ка нам выпить, и хватит озорничать. У нас и без того забот хватает.

— С выпивкой лучше обождать, — проговорил, появившись в дверях, Раннирл. — Элори обещала спуститься через минуту.

— Значит, она решилась, — произнесла Таниквель, подошла к дивану, с кошачьей грацией опустилась на одну из подушек и прислонилась головой к колену Кеннарда. Она зевнула и потянулась; одна рука ее задела Кервина, задержалась у его ноги и рассеянно похлопала по колену. В глазах девушки сверкнул озорной огонек; почему-то от этого прикосновения Кервин ощутил явный дискомфорт.

Таниквель беспокойно шевельнулась, поудобней устраиваясь между Кеннардом и Джеффом. Кеннард ласково похлопал Таниквель по плечу, Кервин же неловко отстранился. Неужели девушка не может хоть на секунду перестать дразниться? Или она привыкла по-детски, наивно расслабляться среди взрослых мужчин, полагая, что все они испытывают к ней чисто братские чувства? Снова, как и в то мгновение, когда Элори

без предупреждения вошла к нему в комнату, Кервин почувствовал себя не в своей тарелке. В этих правилах телепатического этикета сам черт ногу сломит!

В зале появились Элори, Остер, Месир и Корус. Сердитый взгляд Остера отыскал Кервина, и Таниквель тут же отстранилась.

Корус в раздумье застыл перед баром, изучая внушительную батарею бутылок, кувшинов и графинов.

— Кто что будет пить? — небрежно поинтересовался он, следуя, очевидно, давно установившейся традиции. — Кеннард — как обычно? Месир? Элори, ты, я знаю, не притрагиваешься ни к чему крепче *шаллана* …

— Только не сегодня, — объявил Кеннард. — Сегодня все пьем *кирьян*.

Такого Корус явно не ожидал и обернулся за подтверждением. Элори кивнула. Таниквель поднялась с подушек и стала помогать Корусу разливать по низким бокалам вино из необычной формы графина. Один бокал она предложила Кервину, даже не поинтересовавшись, будет ли он пить этот загадочный *кирьян*.

Бледная жидкость источала аромат. Джефф ощутил, что снова все выжидательно смотрят

на него. Черт побери, этот цирк начинал ему надоедать. Даже не пригубив вина, он отставил бокал на пол.

Кеннард расхохотался. Остер произнес что-то, чего Кервин не уловил. Элори, едва заметно улыбаясь и не сводя глаз с Джеффа, поднесла бокал к губам и сделала маленький глоток. Таниквель хихикнула.

— Зандру всех вас побери! — взорвался Кеннард. — Это же совсем не шуточное дело! Тани, я понимаю, ты любишь повеселиться, но надо же меру знать... — Он принял у Коруса бокал и со вздохом повернулся к Кервину. — Что-то слишком часто мне приходится изображать школьного учителя. Эта жидкость, — он кивнул ка бокал, — называется *кирьян*. Это не настоящий наркотик или стимулянт, *кирьян* просто понижает порог восприятия и повышает телепатическую чувствительность. Можешь, конечно, не пить, если не хочешь, но это поможет. — Он отхлебнул из бокала и продолжил: — Теперь, когда ты уже здесь и немного отдохнул, нам надо определить, что ты реально можешь как телепат, и чему тебя еще нужно обучить, чтобы ты смог с нами работать. Вот, собственно, и все. То есть мы собираемся проверить тебя на самые разные пси-

способности. Вот зачем, — он снова отхлебнул из бокала, — и нужен *кирьян*.

Джефф пожал плечами и поднес бокал к губам. Вино было довольно жгучим и обладало крепким летучим запахом; казалось, оно испаряется с языка прежде, чем можно успеть почувствовать вкус. «Не самый удачный способ напиться, — мелькнуло в голове у Кервина, — больше похоже на ингаляцию». После четырех-пяти глотков бокал опустел. Пожалуй, *кирьян* слегка отдавал лимоном.

— И что теперь?

К удивлению Джеффа, язык уже начал заплетаться; слова выговаривались с натугой, и вообще он с трудом понимал, на каком языке говорит.

— Так и должно быть, — успокоил его Раннирл.

— Зачем вообще это нужно? — спросила Таниквель. — Испытание на *ларан* он уже прошел. Что до остального…

Кервин опустил взгляд на девушку, уютно устроившуюся возле его колена. Та подняла лицо, взгляды их встретились; в глазах ее горело искреннее сочувствие. Ему захотелось поцеловать ее.

Что он и сделал.

Улыбаясь, Таниквель оперлась на его колено; щеки их соприкоснулись.

— Тест первый, — мгновением позже пробормотала она, поднимая голову, — результат положительный. Кеннард, пометь в классном журнале: высокий уровень отклика.

К собственному удивлению, Кервин обнаружил, что успел обнять Таниквель; и тут же, коротко хохотнув, расслабился, выбросив заботы из головы. Если б девушка возражала, она давно могла бы запротестовать; но он чувствовал, что почему-то ей это нравится. Остер разразился неразборчивой тирадой, а Месир укоризненно покачала головой.

— Дитя, это слишком серьезно. Прекрати дурачиться.

— Вовсе я не дурачусь, — отозвалась Таниквель. — Это все совершенно серьезно, даже если вам кажется, будто мои методы далеки от традиционных. — Она поудобней устроилась, прижавшись щекой к плечу Джеффа. Неожиданно Кервин почувствовал, что в горле у него набухает удушливый ком; впервые за много лет на глазах у него выступили слезы. Таниквель, уже не улыбаясь, пристроила его ладонь себе под щеку.

— Разве можно придумать лучший тест на эмпатию? — тихо произнесла она. — Если ему тут нечего делать, ничего страшного не произошло бы, он ничего б и не уловил; ну а если он действительно эмпат — разве он этого не заслуживает? — Кервин почувствовал, как его огрубевшей ладони коснулись ее мягкие губы.

То, что он ощутил вслед за этим, потрясло Джеффа до глубины души. В совершенстве, в завершенности этого крохотного жеста было больше, чем сумели дать Кервину за всю его жизнь все его женщины. Он ощутил в этом месте полисе, безоговорочное принятие Джеффа Кервина как мужчины и как человека, близость более интимную, нежели любовная. Окружающее, казалось, перестало существовать. Ни секунды не колеблясь, он привлек девушку к себе на колени; она приникла к его плечу — нежно, участливо; теплоты и заботы в одном этом жесте было больше, чем он знал за всю свою жизнь. Он поднял затуманенные глаза и моргнул, смущенный столь явным изъявлением чувств; но в повернутых к нему лицах встретил только доброту и понимание.

Казалось, суровые складки на лице Кеннарда разгладились.

— Тани у нас специалист по эмпатии, — пояснил он. — Ладно, с этим разобрались — хотя чертовски необычно, чтобы эмпатический дар так сильно проявлялся у мужчины; никак не ожидал, по твоей-то генеалогии. Наверно, какой-нибудь рецессивный признак; три-четыре поколения назад среди твоих предков были Райднау.

— Как тебе должно было быть одиноко… — произнесла Таниквель, не отпуская Кервина.

«Всю жизнь, — подумал он, — я искал корни».

«Теперь ты их нашел».

— Не хотелось бы прерывать столь трогательную сцену… — начал Остер. Таниквель, пожав плечами, отстранилась от Кервина, но продолжала сжимать его ладонь. Остер же все говорил, но снова на диалекте, которого Кервин не понимал.

— Прости, — сказал Кервин на кахуенге, когда Остер подошел к нему, — но я тебя не понимаю.

Остер, повернувшись к Кеннарду, пожал плечами.

— Ты что, совсем его не понимаешь? — удивился тот.

— Нет, и это чертовски странно, потому что и вас, и Таниквель я понимаю прекрасно.

— А из того, что я говорю, ты тоже все понима-

ешь? — поинтересовался Раннирл.

— Да, практически все; кроме каких-то отдельных слов.

— Джефф, скажи-ка мне — только быстро, не задумываясь — на каком языке я сейчас говорю?

«На диалекте Тендары», — хотел было ответить Кервин, но в замешательстве замер.

— Именно так, — кивнул Кеннард. — Это-то первым нам и бросилось в глаза. Сегодня вечером я заговаривал с тобой на четырех разных языках, а Раннирл на пятом, и ты все понимал, даже не задумываясь. Но когда говорит Остер, ты понимаешь едва ли половину — если он говорит не на кахуенге. Ты самый настоящий телепат. Наверняка тебе всегда очень легко давались языки, правда? — Он вновь кивнул, не дожидаясь ответа Кервина. — Так я и думал. Ты сразу схватываешь мысль, не дожидаясь слов. Но с Остером у вас, похоже, просто разные частоты.

— Может, со временем это пройдет, — сказала Элори, — когда они-получше узнают друг друга. Так, ладно; о том, что слабой экстрасенсорной перцепцией он обладает, мы знали и раньше, иначе его б тут не было. Что дальше?

— Техник у нас ты, — отозвался Кеннард, поглядев на Раннирла.

— Позвольте взглянуть на вашу матрицу, — обратился тот к Джеффу.

Кервин извлек из кармана кристалл. Стоило пальцам Раннирла коснуться матрицы — и Джефф мгновенно ощутил смутное, ползучее чувство дискомфорта. Повинуясь неосознанному импульсу, он выхватил у Раннирла свой кристалл, и неприятное ощущение тут же исчезло. Джефф ошеломленно уставился на собственные руки.

— Так я и думал, — кивнул Раннирл. — Он умудрился — пусть и грубовато, неосознанно — настроиться под матрицу.

— Такого раньше не было ни разу! — произнес Кервин.

— Наверно, это случилось, когда мы вели тебя через Старый город, — сказала Элори и протянула свою узкую ладонь. — Можно мне, Джефф?

Собравшись с духом, Кервин позволил Элори взять кристалл. Ему показалось, он чувствует, как легкие руки касаются его оголенных нервов, но прикосновение не было болезненным; скорее — даже успокаивающим.

— Я — Хранительница, — пояснила Элори. — Я могу подстроиться под кого угодно. Тани?

Таниквель положила на ладонь матрицу Кер-

вина, и тот ощутил, что чувство дискомфорта окончательно сходит на нет. Тани улыбнулась и свободной рукой обвила Кервина за талию.

— Мы с Джеффом все еще в раппорте[3], — сказала она, — так что это не считается; потом попробую еще раз. Корус?.

Кервин невольно поморщился, ощутив по всему телу сильное покалывание; Корус вздрогнул, словно ужаленный, и быстро передал кристалл Кеннарду. Прикосновение того не было явно болезненным; Джефф ощутил только слабый малоприятный зуд. Кеннард передал матрицу Остеру.

У Остера перехватило дыхание, и кристалл выпал у него из рук, словно раскаленный уголь. Кервин судорожно дернулся и почувствовал, как задрожала у него под рукой Таниквель и отстранилась. Она подобрала выпавший кристалл, и боль утихла. Кервин перевел дыхание. Остер был

---

[3] notes: 3

В психологии слово раппорт (от французского rapport — связь, отношение) имеет два основных значения: во-первых, этим термином определяются близкие межличностные отношения, основанные на высокой степени общности мыслей, интересов, чувств или на доброжелательной, дружественной атмосфере, складывающейся в ходе психологического эксперимента между исследователем и испытуемым; во-вторых, в более узком смысле, этим термином определяется связь, которая устанавливается между гипнотизером и гипнотизируемым во время сеанса.

белый, как мел; его колотило.

— Великий Зандру! — прошептал он, и во взгляде его, направленном на Джеффа, был не столько гнев, сколько страх. — Честное слово, Кервин, я не нарочно.

— Он знает, знает, — успокаивающе Сказала Таниквель.

Выпустив руку Джеффа, она поспешила к Остеру, обняла за талию и стала поглаживать по плечу. Кервин изумленно замер; он ощутил укол самой настоящей ревности. Да как она может — разорвать такой близкий эмоциональный контакт с ним и суетиться над этим, чертовым Остером? Не обращая внимания на ревнивый взгляд Кервина, Таниквель заставила Остера опуститься на диванные подушки, и в конце концов напряженные складки на лице у того разгладились.

Элори подобрала упавший кристалл и вручила Кервину.

— Очевидно, матрица настроена под тебя, — произнесла она. — Теперь ни в коем случае не позволяй никому ее трогать, если не уверен, что вы в раппорте. Это может закончиться болевым шоком.

Джефф сунул кристалл в карман и сердито по-

косился на Таниквель, чувствуя себя покинутым.

Губы Раннирла дрогнули в короткой сардонической усмешке.

— И весь сыр-бор — лишь затем, чтобы подтвердить факт, понятный с самого начала, когда ты явился с окровавленной физиономией — что вы с Остером не больно-то друг с другом ладите.

— Им придется поладить, — напряженно произнесла Элори. — Мы не можем позволить таких трений в Башенном Круге.

— Мое мнение ни для кого не секрет, — не раскрывая глаз, произнес Остер на кахуенге. — Но я же сказал, что подчинюсь решению большинства, и назад своего слова не беру.

— По крайней мере, честно, — согласился Кеннард и обвел взглядом всю группу. — Структурный тест? — предложил он.

Кервин внутренне подобрался. Пока что тесты были достаточно простенькими; но теперь Кеннард озабоченно хмурился, а Таниквель снова сжимала ладонь Кервина.

— Если он сумел сам самостоятельно настроиться под матрицу, — с надеждой произнесла она, — может, и со структурой получится само собой?

— Может, и свиньи умеют летать, — в тон

ей отозвался Кеннард. — Можно было бы даже поэкспериментировать; только сомневаюсь, выйдет ли что-нибудь. Кервин… — Секунду-другую он помолчал, изучающе разглядывая землянина. — Достань-ка кристалл… Нет-нет, оставь его у себя, — отвел он руку Джеффа, когда тот уже собрался вручить Кеннарду матрицу. — Тани, дай-ка мне твой бокал.

Он поднял хрустальный кубок на уровень глаз.

— Вот простенький тест, Кервин. Кристаллизуй бокал.

— Что?

— Вообрази как можно отчетливей, будто стекло распадается на кусочки. Только поосторожней, не резко. С помощью кристалла.

Неожиданно в памяти у Кервина всплыл похожий трюк, проделанный Раганом в портовом баре. Если такое было под силу Рагану, вряд ли это слишком уж сложно. Он сосредоточенно вперился в кристалл, словно пытаясь запустить процесс одним усилием воли; в мозгу что-то шевельнулось.

— Нет, — хрипло сказал Кеннард. — Тани, не надо помогать ему. Я тебя прекрасно понимаю, но нам нужно твердо удостовериться.

Некоторое время Кервин буравил взглядом

кристалл и, в конце концов, беспомощно тряхнул головой.

— Прошу прощения, — пробормотал он, — но ничего не получается.

— Джефф, ну попробуй еще разок, — настойчиво попросила Таниквель. — Это же так просто! Землян, детей — да кого угодно можно этому научить!

— Именно что научить, — произнес Кеннард. — Таниквель, мы только зря теряем время; спонтанно ничего не получается. Придется мне дать ему чутье структуры в прямом контакте.

— Что…

— Я должен показать тебе, как это делается, — продолжал Кеннард, — а словами этого не объяснишь. Мне надо будет войти прямо к тебе в мозг. Я же Альтон; это наш семейный, можно сказать, бизнес — форсированный раппорт. — Он замялся; Джеффу показалось, будто от него снова чего-то ждут.

— Следи за моим пальцем, — наконец сказал Кеннард и приблизил его к самому кончику носа Кервина. Джефф замер, теряясь в догадках, не исчезнет ли сейчас палец, не демонстрация ли это каких-нибудь пси-способностей; он не сводил глаз с медленно удаляющегося пальца…

Больше он ничего не помнил.

Джефф заторможенно шевельнул головой. Он лежал на диванных подушках, и затылок его покоился на коленях Таниквель; с высоты своего роста на него участливо смотрел Кеннард, а где-то рядом маячило отчужденное лицо Элори. Кервин присвистнул.

— Что… что это было?

— В некотором роде гипноз, — объяснил Кеннард. — Никаких четких воспоминаний у тебя не останется, но это должно помочь. Давай, — протянул он Кервину все тот же бокал, — кристаллизуй стекло.

— Я же только что пробовал…

Кеннард не сводил с него взгляда, и Джефф со злостью уставился в матрицу.

Неожиданно стоящий перед ним бокал словно расплылся и приобрел весьма странный вид. Это больше не был кусок сплошного стекла, а скорее нечто эфемерное, ожившая диаграмма напряжений, туманная шевелящаяся паутина. Кервин уловил ритм некой странной пульсации, точку равновесия…

Кристаллики стекла лежат в плоскости…

Он явственно представил себе эту плоскость и вдруг услышал громкий треск; непривычная

картинка пошла рябью и растворилась, и Джефф неверящим взглядом уставился на лежащие среди подушек две ровные половинки бокала. Несколько бледных капель *кирьяна* на глазах впитались в ткань обивки. Кервин зажмурился и помотал головой.

— Для первого раза неплохо, — одобрительно кивнул Кеннард. — Однако ж, Зандру свидетель, ну и барьер у тебя! Голова болит?

Джефф собирался было мотнуть головой, но вдруг осознал, что ответить следует утвердительно. Он осторожно тронул виски и встретился взглядом с Элори; серые глаза смотрели все так же отчужденно и бесстрастно.

— Когда возникает невыносимая ситуация, мозг выстраивает защиту, — произнесла она. — Типичная психосоматическая реакция; вы говорите себе: «Если мне будет больно, они прекратят и оставят меня в покое». И нам действительно пришлось прекратить, чтобы не делать тебе еще больнее. Вообще, боль — это лучшая защита от телепатического проникновения. Если чувствуешь, что кто-то пытается прочесть твои мысли, можно просто до крови закусить губу. Очень мало кто из телепатов способен преодолеть болевой барьер. Я могу, конечно, объяснить все подробно

— насчет нервных клеток и резонансных вибраций — только зачем? — Она подошла к бару с напитками, вытрясла из небольшого флакона три зеленых таблетки и вручила Кервину, ловко избежав соприкосновения ладоней.

— Прими, и через час все пройдет.

Джефф послушно проглотил таблетки, не сводя неверящего взгляда с расколотого на ровные половинки бокала.

— Это что, действительно я?

— По крайней мере, — сухо кивнул Раннирл, — никто из нас и пальцем не шевельнул. А вероятность того, что он так вот взял и раскололся, можешь прикинуть сам.

Кервин поднял с дивана половинки бокала. Он пытался придумать объяснение, которое удовлетворило бы земную половину его натуры, крутился возле терминов типа «подсознательное восприятие атомной структуры»... Черт возьми, несколько мгновений он действительно видел вместо бокала эфемерную паутину сил. Когда-то в школе он читал, что атом — это, по сути, пустое место, конгломерат вращающихся вокруг крошечного ядра электронов, и что твердое тело — тоже фактически пустое место, паутина сил, пребывающих в равновесии. У него закружилась

голова.

Джефф крепко притиснул друг к другу половинки бокала и сосредоточенно уставился на них. И опять как-то само собой пришло измененное состояние сознания, способность видеть насквозь и того дальше…

Бокал лежал у него в ладонях совершенно целый, лишь едва заметная, идеально ровная царапинка указывала, где только что была линия разлома.

Кеннард с облегчением улыбнулся.

— Теперь остался один-единственный тест.

Снова тонкие пальцы Таниквель переплелись с пальцами Кервина; острой болью полоснули по душе Джеффа ее страх и замешательство.

— Может, не надо, Кеннард? — умоляюще произнесла она. — Может… может, просто включить его во внешний круг и попробовать, не откроется ли он сам для контакта?

— Тани, — сочувственно взглянула на нее Элори, — это же почти никогда не срабатывает.

Кервину снова стало не по себе. Он так легко справился с предыдущими тестами, что у него успело развиться легкое головокружение от успехов.

— А это еще что такое? Что за последний тест,

Тани?

— Кеннард имеет в виду вот что, — за Таниквель негромко ответила Элори. — Мы должны выяснить, кем ты можешь работать в Башенном Круге, где именно включиться в энергетическую цепочку. Мы знаем, что ты сильный эмпат, и с первыми тестами на психокинез тоже справился легко. Но остался самый главный тест — проверка, как ты сумеешь сработаться с нами. — Она повернулась к Кеннарду. — Ты внушал ему чутье структуры — как там у него с барьером?

— Чудовищно, — признался Кеннард и принялся объяснять Кервину: — Дело в том, что когда понадобилось внушить тебе структурное чутье… — он кивнул на бокал с бегущей вдоль него едва заметной трещинкой, — я силой навязал тебе раппорт. Внутренняя защита от телепатического проникновения есть у всех — мы называем это барьером; своего рода защитная окраска, чтобы не транслировать свои мысли на всю округу и, наоборот, не забивать себе голову всяким статическим шумом. Это условный рефлекс, и он есть у всех. Но когда мы устанавливаем раппорт, барьеры необходимо убрать. А поскольку барьер — это условный рефлекс, как любой условный рефлекс его можно научиться преодолевать. Ино-

гда барьер не желает убираться; тогда его надо снимать силон или взламывать. И мы должны выяснить, насколько мощен барьер у тебя, насколько тяжело будет включить тебя в сеть.

— Обязательно сегодня? — впервые за вечер вступила в разговор Месир. — Может, дать ему время привыкнуть…

— Времени-то у нас как раз и нет, — отозвался Раннирл. — До срока осталось всего ничего.

— Раннирл прав, — согласился Кеннард, поворачиваясь к Месир. — Мы привезли Кервина сюда в надежде, что он будет нам полезен — и если ничего не получится, ты не хуже меня знаешь, чем это грозит. — Он уныло посмотрел на Джеффа. — Черт побери, нам как можно быстрее надо довести тебя до должной кондиции — или все потеряно.

— Мы только зря теряем время, — вмешалась Элори и поднялась с кресла; едва ощутимый ток воздуха всколыхнул складки ее невесомого платья. — Поднимемся в лабораторию.

Один за другим все встали со своих мест; Тани потянула Кервина за руку, и он тоже поднялся на ноги. Пальцы их так и оставались переплетены, и Кеннард сочувственно покосился в их сторону.

— Извини, Тани; но ты сама прекрасно понима-

ешь, почему тебе с нами нельзя. — Для Кервина он объяснил: — Тани наш главный эмпат. И она до сих пор с тобой в раппорте. Если она пойдет с нами, то будет слишком тебе помогать — иначе она просто не может. Тани, ты подождешь здесь.

Таниквель выпустила руку Джеффа; тут же ему стало страшно и как-то зябко.

— Ладно, гляди веселей, — сказал Раннирл и легонько похлопал Кервина по плечу. Жест явно был призван ободрить, но в словах послышались скорее извиняющиеся нотки. По сигналу Кеннарда сплоченной группой они пересекли огромный зал, поднялись по лестнице, на которую Кервин прежде не обращал внимания, и оказались в совсем крохотной комнатке. В глаза бросались два зеркала с очень неровной поверхностью, в которых было почти ничего не разобрать; Джефф едва узнал себя в узкой черной спичке с ярко пламенеющей головкой. Вошедшая первой Элори обернулась, и в руках у нее Кервин увидел гигантский кристалл; многочисленные грани матрицы сверкали тысячью оттенков. Девушка обвела остальных вопросительным взглядом. Кеннард кивнул. Раннирл последовал его примеру. Секунду-другую на лице Остера читалось сомнение, но потом он пожал плечами. Корус поджал губы и

скептически покосился на Кервина.

— Если вы думаете, что ему это по плечу, — в конце концов сказал он, — то и я смогу.

Элори взглянула на Остера, и тот обратился к Кервину; но Джефф опять не понял ни слова.

— Пока вы с Остером не понимаете друг друга, — наклонившись к Остеру, негромко произнес Кеннард, — придется нам попробовать держать вас на разных уровнях.

— Значит, я ввожу Остера в круг первым, а Кервина последним, — сказала Элори. — Кеннард, поможешь ему. — Она склонила голову, вглядываясь в матрицу, и вдруг указала пальцем на Остера.

Замершему в ожидании чего-то особенного Кервину показалось — должно быть, благодаря *кирьяну* — что он увидел, как от хрупкой девушки протянулось к Остеру что-то вроде силовой линии, услышал щелчок, словно замкнулся электрический контакт.

А от Остера явственно прозвучал эмоциональный обертон: медленное, лижущее лед пламя…

— Корус, — прошептала Элори.

Нервно усмехнувшись, тот погрузил лицо в узкие ладони и скривился в предельной концентрации. «Как он еще молод», — промелькнуло у

Кервина. Осторожно прощупывая атмосферу комнаты, он внезапно увидел четкий образ крепко сцепившихся рук, словно у воздушных акробатов в кульминационный момент сложного трюка. Лицо Коруса было закрыто ладонями, но на какое-то мгновение мысленному взору Джеффа явственно представилось переплетение кистей рук, запястий, тел…

— У Коруса очень образное мышление, — вполголоса пробормотал Кеннард. — Теперь расслабься. Я введу тебя в круг. — И тут же голос его стих до еле слышного, неразборчивого шелеста, словно стал вдруг доноситься с огромного расстояния. На мгновение Кервину показалось, будто пять человек, выстроившихся кольцом вокруг матрицы, слились в одно целое, в мельтешенье глаз, в бешено крутящийся вокруг кристалла вихрь лиц. Он понимал, что один-единственный шаг отделяет его от включения в телепатический раппорт; и раппорт представился ему паутиной с осторожно шевелящимися нитями…

— Джефф, — негромко произнесла Элори, но прозвучало это оглушительным воплем.

«Пожалуйста, не сопротивляйся, это же очень просто…»

Ощущение было сродни тому, когда он бродил

по Старому городу, даже не подозревая, что идет на телепатический зов… Кервин явственно ощущал, что Башенный Круг рядом, рукой подать, но не имел ни малейшего представления, как включиться в сеть. Он стоял и беспомощно глядел на них, не понимая, чего от него ждут. Они же, судя по всему, были уверены, что он в курсе.

— Послушайте, — произнесен, — я не…

«Это в твоих силах, Джефф. У тебя есть Дар». — Это был голос Кеннарда, и в нем четко различались умоляющие нотки.

«Бесполезно, Кен. Ничего у него не получится».

«Барьер — это условный рефлекс. Двадцать лет среди землян — да без барьера он с ума сошел бы!»

Лаборатория стала вдруг необычно темной, какой-то бесформенной и слегка колышущейся; Кеннард повернулся к Кервину, и по лицу его словно прошла рябь, Губы зашевелились, и только после некоторой паузы послышался голос:

«Тебе придется нелегко. Двадцать лет! С Остером после пяти — и то был сущий кошмар».

Полумрак пошел рябью, и Джеффу представилось, будто Кеннард движется с видимой натугой, словно под водой; тот взял его за руку и привлек в круг.

— Постарайся не сопротивляться, — негромко произнес он.

И тут же Кервин почувствовал резкое, словно удар ножа, прикосновение — неописуемое, невероятное, настолько неопределимое и чужеродное, что иного слова, кроме «боль», к нему не подходило… В какую-то долю секунды он осознал: это как раз то, что Кеннарду приходилось делать раньше, это как раз то, что невозможно ни вынести, ни запомнить…

Больше всего это было похоже на вкручивающееся в череп сверло бормашины. Секунд пять Кервин терпел. Потом он конвульсивно содрогнулся и полетел в черноту, а сквозь миллионы миль до него донесся пронзительный крик.

Когда он пришел в себя, то лежал на полу в восьмиугольной комнате, а над ним возвышались Кеннард, Элори и Остер, Издалека приглушенно донесся всхлип; скосив глаза, Джефф разглядел, скорчившегося, закрывшего лицо ладонями Коруса.

Вместо головы, казалось Кервину, на плечах у него огромный воздушный шар, наполненный докрасна раскаленной, кипящей болью. Это было настолько ужасно, что, наверно, целую минуту он не мог перевести дыхания; потом из легких

невольно вырвался протяжный хрип.

— Ты можешь сесть? — опустившись на колено, негромко спросил Кеннард.

Джефф сделал попытку приподняться, и Остер протянул ему руку. На Остера было больно смотреть.

— Все мы проходили через это, — произнес Кеннард. — Давай, обопрись на меня. Корус, ты как?

— Кажется… в порядке, — сдавленно отозвался Корус, поднимая пошедшее пятнами лицо.

— Давайте быстрее заканчивать, — натянуто проговорила Элори. — Надолго их не хватит. — Девушку трясло, но она протянула руку Корусу; до Кервина донесся еле слышный щелчок, и он ощутил, как снова бешено замельтешила паутина раппорта. Остер, а за ним и Раннирл отдались на волю вихря. Кеннард, поддерживая Джеффа за плечи, шагнул в водоворот и исчез.

Элори не разжимала губ, но шепот ее донесся до Кервина как приказ:

«Ну, давай, Джефф-варвар…»

Казалось, в одно мгновение воздух улетучился у него из легких; всем своим невероятным весом паутина раппорта обрушилась на Кервина и впечатала в голубую сердцевину кристалла. В мозгу у него гигантской звездой ослепительно вспых-

нул узор, и Джеффа с дикой скоростью понесло по кругу; контакт то замыкался, то размыкался. Замельтешили образы: Элори — спокойно, отстраненно держит в руках нить страховочного конца; Кеннард — сама ободряющая уверенность; Корус — легкое, как перышко, прикосновение; Остер — зловещая вспышка пламени, болезненный шок; Раннирл — деловитая искорка.

— Достаточно, — отрывисто произнес Кеннард. И Кервин вдруг снова стал самим собой, а конгломерат неосязаемых образов распался на отдельных людей из плоти и крови.

— Аварра, ничего себе барьер! — присвистнул Раннирл. — Кервин, если нам когда-нибудь удастся снять его окончательно, из тебя выйдет превосходный механик — *если* удастся, в чем я сильно сомневаюсь. — Он помрачнел.

В черепной коробке у Джеффа по-прежнему бултыхалось огненное месиво.

— Вы хотите сказать, я не… — начал он.

— Частично мы барьер преодолели, — сказала Элори. Она еще продолжала говорить, но Кервин внезапно перестал ее понимать. Кеннард бросил на него быстрый взгляд и что-то спросил, но слова отдались в мозгу Кервина пустым гудением статики. Он непонимающе мотнул головой.

— Как голова, лучше? — спросил Кеннард на кахуенге.

— Лучше, лучше, — пробормотал Кервин. Головная боль не желала никуда деваться и только усиливалась. Кеннард не стал спорить. Он твердо взял Кервина за плечи и усадил в большое кресло.

— Позовите Тани, и побыстрее, — бросил он через плечо.

Джефф никак не прореагировал. Ему было не до этого. По гигантской головокружительной дуге, быстрее и быстрее его раскручивал маятник боли. Подошла Элори и заговорила с ним, но слова, казалось, потеряли всякое значение. Даже голос Кеннарда звучал как неразборчивая мешанина слогов. Речь Остера лилась ритмично, то тише, то громче, словно песня на незнакомом языке. Потом появилась Таниквель — казалось, ее окружало расплывчатое сероватое мерцание — и, что-то вскрикнув, припала на колено рядом с Кервином.

Перед глазами у Джеффа стоял уже сплошной туман.

— Джефф! Ты слышишь меня?

«Какого черта кричать в самое ухо? — морщась от боли, подумал Кервин. — Если б только они

оставили меня в покое…»

— Джефф, посмотри на меня. Пожалуйста, посмотри на меня. Пожалуйста…

— Нет, — устало пробормотал он, — не надо больше. Может, для одного вечера хватит, а?

— Пожалуйста, Джефф! — взмолилась Таниквель. — Я не смогу помочь, если ты меня не пустишь. — Горячая ладошка ее опустилась на его болезненно пульсирующий лоб; Кервин беспокойно дернулся, пытаясь сбросить ладонь, словно раскаленное железо.

Затем Джефф почувствовал, что медленно, очень медленно боль начинает стихать — словно густой гной выходит из вскрытого нарыва. В конце концов в глазах у него прояснилось, а из легких с натужным хрипом вырвался воздух. Кервин приподнялся в кресле; головная боль почти сошла на нет, лишь затаилась в основании черепа и еле ощутимо пульсировала.

— Неплохо, неплохо, — пробормотал Кеннард. — Не знаю, насколько утешительно это звучит сейчас, но — ты наверняка пробьешься, Кервин. Я уверен.

— Все равно без толку… — пробормотал Остер.

— Принято к сведению, — уронил Кервин, и Остер удивленно дернулся. Кеннард медленно,

не без торжественности закивал.

— Вот видите. Я же говорил. Все получилось. — Он испустил длинный, усталый вздох.

Джефф вскочил на ноги и замер, стиснув спинку кресла. У него было такое ощущение, будто его пропустили через соковыжималку; но, несмотря на остаточную боль, преобладающим чувством было умиротворение.

Таниквель бессильным комком обмякла возле кресла.

— Не беспокойся, Джефф, — слабо проговорила она, подняв к нему посеревшее лицо. — Я только рада, что смогла хоть как-то помочь.

В дверном проеме появилась Месир; она тоже выглядела усталой, но довольной. Корус поднял голову и скривил губы — это напоминало скорее гримасу боли, чем улыбку — и Кервина внезапно обожгла мысль: «А ведь этот парнишка страдает из-за моей боли!» Даже Остер, покусывая губу, произнес:

— Вынужден признать: ты — наш. Пожалуйста, не держи на меня зла за то, что в этом сомневался.

Рука Кеннарда легла Кервину на плечи; подошла Элори, приподнялась на цыпочки, и Кервин изумленно ощутил на щеке легкое прикоснове-

ние прохладных губ. Раннирл поддержал его под локоть, и они направились в большую гостиную.

— Теперь, по крайней мере, мы сами решим, что будем пить! — со смехом говорил Раннирл, и внезапно Кервин понял: последнее испытание позади. Таниквель первой приняла его; теперь это сделали остальные — и так же безоговорочно. Никогда раньше не имевший настоящей семьи, он теперь вдруг взял да обзавелся — причем такой, о какой и мечтать не смел. Появилась Таниквель и примостилась на подлокотник его кресла. Месир поинтересовалась, как Кервин насчет того, чтобы перекусить или выпить чего-нибудь. Это начинало походить на какой-то нелепый день рождения.

Вечер был в самом разгаре, когда Джефф оказался вдруг рядом с Кеннардом. За прошедший день он уже научился улавливать настроение старшего комъина и не мог не поинтересоваться:

— Похоже, вы очень довольны, как все кончилось. Остер же, мягко говоря, не слишком. Почему, собственно?

— Почему недоволен Остер или почему доволен я? — переспросил Кеннард с шутовской ухмылкой.

— И то, и другое.

— Потому что ты наполовину землянин, — ответил Кеннард.

— И что поэтому — вы довольны или Остер недоволен?

— И то, и другое, — повторил, в свою очередь, Кеннард, теперь уже совершенно серьезно. — Если ты действительно сможешь работать в Башенном Круге, есть надежда, что когда-нибудь Совет признает и моих сыновей. Понимаешь, я сделал, в общем-то то же, что и Клейндори… Я женился на земной девушке, и у нас два сына, и… короче, это создает прецедент. А Остера такая перспектива не слишком-то вдохновляет.

Кервин мог бы задать еще добрый десяток вопросов, но каким-то шестым чувством уловил, что сейчас не самое подходящее время. Да и какая, собственно, разница? Теперь у него есть семья.

7

День проходил за днем, и постепенно Кервину стало казаться, будто он живет в Арилинне всю жизнь. Но его не покидало странное, неуловимое ощущение, что все это — какой-нибудь колдовской сон; словно все сокровенные мечты его вдруг обратились в явь, а он исхитрился проникнуть внутрь и надежно замуровал за собой вход.

Чувство времени начинало понемногу атрофироваться; но в один прекрасный день ему пришло в голову, что в Арилинне он, почитай, уже недели три, а собственно города так до сих пор толком и не видел; и тогда он спросил у Кеннарда — поскольку относительно своего статуса все еще испытывал некоторые сомнения — нельзя ли ему пойти посмотреть город.

— Почему бы и нет? — оторвался на мгновение от каких-то своих раздумий старший комъин; потом тряхнул головой и расхохотался.

— Всемогущий Зандру! Юноша, тебе ни о чем не надо спрашивать разрешения — делай все, что заблагорассудится. Разумеется, иди — или давай я устрою тебе небольшую экскурсию; или возьми

кого-нибудь из *кирри*, чтобы не заблудиться. Как пожелаешь.

— Только не позорь нас этой земной одеждой, — сердито повернулся от камина Остер (дело происходило в большой гостиной, и все были в сборе).

Что бы Остер ни говорил, у Кервина всегда тут же возникало стойкое желание сделать в точности наоборот.

— В тебя будут тыкать пальцами, — пояснил Раннирл, еле заметно передернув плечами.

— В него и так будут тыкать пальцами, — заявила Месир.

— Все равно, Месир, на первое время найди для него, пожалуйста, что-нибудь подходящее из моего гардероба — вроде бы у нас один размер.

Вырядившись в короткую кожаную куртку на завязках, длинную, с широкими рукавами, рубашку и облегающие, по даркованской моде, бриджи, Джефф почувствовал себя до крайности нелепо. Если уж одеваться по-дарковански — а в имперской черной коже он выглядел бы посреди Арилинна, пожалуй, действительно глупо — он предпочел бы не столь кричащие цвета. Будь выбор за ним, он никогда не стал бы напяливать зеленое с лиловым.

По крайней мере, он так надеялся.

Но, взглянув в зеркало, он вынужден был признать, что этот аляповатый наряд ему очень даже идет; более того, скрадывает (или, точнее, выгодно подчеркивает) нестандартно высокий рост и огненные волосы, служившие раньше объектом стольких насмешек. «Только ни в коем случае ничего не надевай на голову, — предупредила его Месир, — все комъины, и мужчины, и женщины, гордо ходят с непокрытыми головами — и отнюдь не из одних соображений престижа». «Что ж, — вынужден был согласиться Кервин, — на такой планете, как Даркоувер, где уличные драки — самый распространенный способ дать выход избытку чувств, это далеко не лишняя мера предосторожности».

Разгуливая по городу — на экскурсию он предпочел отправиться в одиночку — Джефф нередко ловил на себе любопытные взгляды или слышал за спиной удивленный шепот; но приставать к нему никто не пытался. Все в этом городе было ему в диковину; раньше из всего Даркоувера он видел только Тендару — где давным-давно уже обосновались земляне, и это не могло не оставить отпечатка. Земная обувь совершенно не подходила к даркованской одежде, и, наткнувшись на

обувную лавку, Кервин, недолго раздумывая, зашел внутрь и попросил показать несколько пар.

Казалось, владелец лавки вот-вот рассыплется в благоговейном восторге, и Кервин начал было сомневаться, не нарушил ли он опять каких-нибудь норм местного поведения — очевидно же, что комъины редко сами отправлялись за покупками — пока не встала проблема выбора. Тогда владелец лавки с таким пылом принялся убеждать Джеффа взять вместо простых добротных сапог, что ему приглянулись, самую шикарную пару во всем магазинчике, что Кервин потерял терпение и принялся торговаться всерьез. Владелец же, с выражением самого искреннего расстройства на лице, продолжал настаивать, что столь скверная пара недостойна столь высокочтимого господина. В конце концов Джефф остановился на паре сапог для верховой езды и мягких домашних туфлях, наподобие тех, что носили Кеннард и Корус.

— Сколько я вам должен? — поинтересовался он, вытаскивая бумажник.

Владелец лавки был оскорблен до глубины души; казалось, его вот-вот хватит удар.

— Вы оказали мне величайшую любезность, *вай дом*. Я не могу принять у вас денег.

— Но послушайте…

— Я же говорил, что столь скверная обувь недостойна высокочтимого господина, — неумолимо заявил владелец, — и боялся, что вы не примете ее, но…

— Ну черт побери! — пробормотал Кервин. — Я купил же их, так?

Владелец лавки снова выглядел шокированным.

— Прошу прощения, — вдруг произнес он, внимательно оглядев Кервина, — но вы, часом, не комъин Кервин-Эйллард?

Кервин кивнул, припомнив даркованский обычай давать ребенку фамилию более знатного из родителей.

Уважительно — но таким тоном, будто объяснял что-то слабоумному или ребенку — владелец лавки произнес:

— Не принято, досточтимый господин, взимать плату за то, что комъин соизволит принять.

Кервин, рассыпавшись в извинениях, уступил, но чувствовал себя в высшей степени неудобно. И как, интересно, ему поступать, если еще что-нибудь понадобится? Неплохо, черт побери, эти комъины тут устроились! Но Джефф предпочитал сам зарабатывать и сам за все платить.

Он сунул сверток под мышку и продолжил путь.

Удивительно, насколько все-таки это приятно — идти по даркованской улице и чувствовать, что ты дома.

«Вот то, чего мне всю жизнь не хватало, — подумалось ему. — И теперь это мое». На мгновение Кервину вспомнился Джонни Эллерс; но годы в Земной Империи уже казались сном.

Кто-то окликнул его по имени; обернувшись, он увидел Остера, в зеленом с алым костюме.

— Я подумал, что ты мог заблудиться в этом лабиринте, — вежливо произнес тот. — А мне сейчас как раз, в общем-то, нечем было заняться. Вот и решил, что ты, вероятно, будешь на рынке.

Подобная заботливость изумила Джеффа; Остер — единственный из всего Круга — относился к нему подчеркнуто недружелюбно.

— Спасибо, — отозвался Кервин. — Заблудиться я еще не успел, но вполне мог, бы немного поплутать. Очень мило с твоей стороны.

Остер пожал плечами; и вдруг — четко, словно бы Остер все разложил по полочкам вслух — в мозгу Кервина вспыхнуло:

«Он лжет. Вовсе не из-за меня он в городе; он так сказал, чтобы я не спрашивал, что он тут делает».

Джефф отбросил эту мысль. Мало ли, какие

дела в городе могут быть у Остера — *черт побери, может, у него тут где-нибудь девушка живет* — и какое, собственно, ему, Кервину, до этого дело? Абсолютно никакого.

Но зачем Остеру понадобилось что-то объяснять?

Бок о бок они пересекли рыночную площадь и направились в сторону Башни, отбрасывающей на весь город длинную тень. На самом краю площади Остер замедлил шаг.

— Как насчет того, чтобы зайти куда-нибудь, пропустить по рюмочке? — поинтересовался он без особого энтузиазма в голосе.

— Нет, спасибо, — отозвался Кервин. — Сегодня на меня уже достаточно поглазели.

Остер бросил на него быстрый взгляд; не то чтобы дружеский, но понимающий.

— К этому-то ты привыкнешь, с одной стороны. С другой же, становится только хуже. Чем дольше ты среди своих, тем болезненнее воспринимаешь чужаков.

Несколько секунд они брели молча, плечом к плечу. Вдруг сзади раздался пронзительный крик.

Остер вихрем развернулся и что было сил толкнул Джеффа. Тот потерял равновесие и растянулся

на мостовой. В ту же секунду что-то просвистело у него над головой и с грохотом врезалось в стену. Отлетевший рикошетом осколок камня до крови рассек Кервину щеку.

Джефф уставился на Остера. Тот, приподнимаясь с колена, осторожно оглядывался, но толпа уже рассеялась.

— Это что еще за чертовщина?

— Прошу прощения… — напряженно начал Остер.

— Ладно, ладно, — оборвал его Кервин. — По крайней мере, ты спас меня от пренеприятнейшего синяка. — Он задумчиво потер пораненную щеку. — Интересно, что это за метатель такой выискался? — «Жаль, — мелькнуло у него в голове, — я пока плохо понимаю местный диалект; только что кто-то выкрикнул слово, которого я не разобрал».

— Мало, что ли, смутьянов бывает, — отмахнулся Остер, но глаза его беспокойно бегали. — Кервин, можно попросить тебя об одном одолжении?

— Что ж, за мной, безусловно, долг.

— Не говори об этом ни женщинам, ни Кеннарду. У нас и без того забот хватает.

Джефф кивнул. Молча, бок о бок они верну-

лись к Башне. У Кервина не было настроения для беседы; ему надо было обмозговать две вещи. Во-первых: Остер — явно не испытывающий к нему, Кервину, особенно теплых чувств — ни секунды не раздумывая, спас его от брошенного кем-то камня. Во-вторых: есть кто-то на Даркоувере, кому наплевать на комъинский статус неприкосновенности. Джефф уже начинал жалеть о данном обещании не упоминать инцидента. Он был бы не прочь обсудить случившееся с Кеннардом.

Увидев старшего комъина ближе к вечеру, он, чтобы удержаться от упоминания о камне, рассказал про случай в обувной лавке — и про то, как смущает его этот обычай. Кеннард запрокинул голову и разразился хохотом.

— Мальчик мой дорогой, да ты обеспечил ему бесплатную рекламу на ближайшую пару лет! Один только факт, что комъин, пусть и не самого высокого ранга, зашел к нему в лавку и стал торговаться…

— Неплохо устроились, — сердито пробормотал Кервин.

— На самом-то деле, тут есть здравое зерно, — отозвался Кеннард. — Мы отдаем им немалый кусок жизни. Никто другой не в состоянии имитировать наш Дар. Им в голову не придет, что мы

могли бы заняться чем-то иным. Таким образом, все, чего бы мы ни пожелали, тут же нам предоставляется; чтобы у нас не могло возникнуть даже формального предлога послать матрицы подальше и заняться чем-то более прибыльным. — Он покосился на новые сапоги Кервина и добавил: — Ну и скверную же пару всучил он тебе. Вот пройдоха!

Теперь расхохотался Кервин.

— Не удивительно, что он из кожи вон лез, только бы всучить мне что-нибудь пошикарней!

— Я не шучу: ты окажешь ему величайшее одолжение, если вернешься и согласишься принять самую шикарную пару, какая у него только есть Или, еще лучше, закажешь что-нибудь особенное, — рассмеялся Кеннард.

Постепенно картинка все же начинала складываться в мозгу у Кервина. Впрочем, в ней до сих пор зияло немало пустых мест. Например, он так по-прежнему толком и не понимал, чем, собственно, комъины занимаются. Несмотря на множество красивых слов, он никак не мог связать простеньких трюков с кристаллами и стаканами — и того высокого положения, что занимают комъины на Даркоувере.

И вот что выпадало из картинки: камень, пу-

щенный в двух комъинов; и не по ошибке, в гуще толпы, а намеренно, при свете дня. Камень, достаточно тяжелый, чтобы покалечить или даже убить.

Он ничего не сказал Кеннарду — но это выпадало из картинки.

Через десять дней он получил ответ на первый вопрос.

В лаборатории, под наблюдением Раннирла, Кервин упражнялся в простейших приемах извлечения энергии — весьма напоминающих трюк с плавлением стекла, продемонстрированный Раганом в первый вечер на Даркоувере. Занятие шло больше часа, и в висках у Джеффа уже начинала пульсировать боль, когда неожиданно Раннирл произнес:

— На сегодня хватит. Что-то затевается.

Они вышли на лестничную площадку, и на них вихрем налетела Таниквель. Она чуть не сшибла их с ног, и Раннирл, обняв за плечи, как любящий старший брат, едва успел удержать девушку.

— Осторожней, *чийя*! В чем дело?

— Не знаю, — выдохнула Таниквель, — но Корус по релейной сети получил сообщение из Тендары. В Арилинн летит Хастур.

— Так скоро! — пробормотал Раннирл. — А я-то

надеялся, у нас есть еще время.

— Это что, из-за меня? — поинтересовался Кервин у поднявшегося по лестнице Кеннарда.

— Не знаю. Может, и так. Хастур дал «добро» на то, чтобы привезти тебя в Арилинн; но всю ответственность взяли на себя мы.

— Не думаете ли вы… — начал Кервин, но внезапной волной нахлынул страх и свел горло спазмом. Неужели его выследили? Ведь городские власти Тендары объявили его персоной нон грата. И если земляне потребуют его выдачи…

— Не беспокойся, у них нет никакого права требовать твоей депортации, — заверил Кеннард, — по крайней мере, теперь. По даркованскому закону гражданство определяется гражданством более знатного из родителей — то есть, ты полноправный даркованин по крови и комъин. — Но тревожное выражение не сходило с лица Кеннарда; он зашагал вверх по лестнице, но на полпути обернулся. — Только, черт побери, хотя бы оденься по-дарковански!

Облачаясь в присмотренный в городе скромный серо-голубой костюм, Кервин нервно посматривал в зеркало. Выглядел он настоящим даркованином — по крайней мере, внешне. Да и ощущал себя он даркованином. Но у него было

чувство, что испытательный срок далеко еще не кончился. Неужели Арилиннская Башня может запросто взять и проигнорировать требования землян?

На этот раз все собрались не в гостиной с камином, а в скромных размеров парадно обставленном зале на одном из верхних этажей башни, ярко освещенном подвешенными на серебряных цепочках призмами, Вокруг, низкого восьмиугольного стола, инкрустированного жемчужными узорами и с семиконечной звездой в центре, располагались древнего вида резные кресла из какого-то темного дерева. Усевшись в одно из них, Кервин обратил внимание, что кончики звезды указывают на имена Семи Семейств комъинов, выписанные причудливым витиеватым карфонским шрифтом.

Ни Кеннарда, ни Элори в зале не было. Кеннард, насколько было известно Джеффу, отправился на аэродром встречать Хастура. Одно из кресел смотрелось гораздо внушительнее остальных; оно-то, предположил Кервин, и предназначалось для высокого гостя.

Мохнатая рука *кирри* отдернула занавес у входа.

— Данван Хастур из рода Хастуров, — торже-

ственно произнес Кеннард, — регент Совета *комъинов*, властитель Тендары и Каркозы. Добро пожаловать в Арилинн, *вай дом*.

— Вы оказываете мне величайшую честь, — отозвался звучный голос.

Данван Хастур из рода Хастуров оказался невысок, лицо его было иссечено глубокими морщинами, и на висках серебрилась седина. В сером костюме и простом, отороченном мехом, плаще он казался обычным пожилым человеком, исполненным учености и тихого достоинства. Но что-то — величавая осанка, твердая линия губ, уверенный разрез серо-стальных глаз — тут же рассеивали первое впечатление. Кервин сразу ощутил, что перед ним исключительно сильная личность.

Казалось, он сразу занял в комнате гораздо больше места, чем полагалось бы из соображений физического объема, а голос, не будучи громким, проник до самых далеких уголков.

— Вы оказываете мне величайшую честь, — повторил Хастур. Ясный взгляд его серых глаз остановился на Кервине; к нему-то регент Совета и направился. Машинально, повинуясь неосознанному чувству уважения, Джефф поднялся на ноги.

— *Вайэ дом* …

— Ты — сын Клейндори; тот, которого столько лет назад отправили на Землю, — произнес Хастур. Говорил он на тендарском диалекте, знакомом Кервину с детства. — Как тебя назвали?

Кервин представился, и Хастур задумчиво кивнул.

— Это еще ничего. Хотя, если хочешь, никто не мешает тебе поменять имя — на какое-нибудь из родовых своего клана. *Джефф* звучит как-то слишком уж по-варварски. Ты об этом не думал?

Джефф помотал головой.

— Впрочем, как тебе угодно, — сказал Хастур. — Я вовсе не заставляю тебя ставить крест на своем земном прошлом. Я хотел лично повидать тебя, удостовериться… что это действительно ты. Не подумайте только, будто я не доверяю Кеннарду; мне и в голову не пришло бы подозревать его в обмане, даже будь такое теоретически возможно. Нет, просто я хотел лично удостовериться, что земляне не подсунули нам… самозванца. Но теперь я вижу, что никаких сомнений быть не может. Ты очень, очень похож на свою мать, сын мой. — Он вздохнул. — Наступили странные дни. И помыслить раньше не мог бы, что мне придется приветствовать в Совете сына Земли.

Тем не менее, добро пожаловать, — он церемонно поклонился. — Смею надеяться, тебе удастся перекинуть мостик понимания между обеими твоими родинами, Джефф Кервин-Эйллард.

— Странно слышать такие слова от регента Совета комъинов, — подал голос Остер, и Хастур яростно, по-ястребиному, покосился на него, прежде чем ответить.

— Остер, мне приходится иметь дело с реальным миром. Я ведь не в Арилинне живу, не затворником среди братьев и единомышленников, — а в городе на самом краю Земного сектора. И я не могу делать вид, что все как в старые добрые дни.

Он опустился в кресло — не в высокое, похожее на трон, а в одно из семи обычных.

— Теперь расскажите, дети мои, как дела в Арилинне.

Где-то негромко звякнул колокольчик. Мохнатая рука кирри раздвинула портьеры у входа, и появилась Элори.

Снова хрупкое тело ее было отягощено церемониальной мантией, пристегнутой на плечах массивными застежками, а на поясе и у горла тяжело позвякивали золотые цепи, увесистые, словно кандалы. Она напоминала скорее эфемер-

ное видение, чем девушку из плоти и крови. Не говоря ни слова, Элори направилась к похожему на трон креслу. Хастур привстал и низко поклонился, а Джефф застыл, словно парализованный, не в силах оторвать от Элори глаз. И это — та же самая девушка, которая играла с ручными птицами на нижнем дворе, которая ссорилась с Таниквель и заключала дурацкие пари с Раннирлом, которой ничего не стоило по рассеянности зайти в комнату к незнакомому мужчине! Ни разу раньше не приходилось Кервину видеть Элори при всех ее хранительских регалиях, и это был настоящий шок; подлинное откровение.

— Добро пожаловать, во имя Эванды и Аварры, — произнесла она своим негромким горловым голосом. — Вы оказываете нам величайшую честь, лорд Хастур.

— От слов твоих небо светлеет, *вай леронис*, — отозвался Хастур, и Элори заняла центральное кресло.

— Давненько не навещали вы Арилинн, лорд Хастур, — проговорил Кеннард. — Мы действительно очень польщены вашим визитом, но — если мне будет позволено высказаться без обиняков — вряд ли предприняли вы столь далекое путешествие с одной единственной целью

польстить нам; или даже ради нашей приятной компании. Не соблаговолите ли раскрыть нам цель своего приезда?

На лице Хастура сверкнула неожиданная улыбка.

— Мог бы и догадаться, Кен, что от тебя ничего не скроешь, — отозвался он. — Нам в Совете очень тебя не хватает — впрочем, понимаю, понимаю, ты еще не готов оставить Арилинн. Но сейчас речь не о том. Я прилетел из Тендары, потому что к нам прибыла делегация. С главным вопросом.

Все, кроме Кервина, казалось, прекрасно знали, о чем речь.

— Так скоро… — пробормотал Раннирл.

— Лорд Хастур, вы дали нам слишком мало времени, — произнесла Элори. — Джефф делает неплохие успехи, но… вы же знаете, как это медленно.

Кервин подался вперед, стиснув подлокотники кресла.

— О чем это вы? Почему вы все так смотрите на меня?

— Потому что вместе с тобой, Джефф Кервин-Эйллард, — серьезно сказал Хастур, — впервые за много лет собрался полный Башенный Круг. Не исключено, что с твоей помощью удастся

восстановить комъинов в былом могуществе — если ты нас не подведешь. Иначе… — он развел руками. — Иначе земляне завоюют плацдарм. Дальнейшее не замедлит последовать; их будет уже не остановить. Необходимо, чтобы вы отправились со мной и поговорили с делегацией; они ждут ответа. Что скажешь, Элори? Ты готова рискнуть — ради всех комъинов, ради Даркоувера? Готова настолько довериться своему варвару?

8

Подняв глаза в наступившей тишине, Кервин встретился взглядом с Элори; та с детским спокойствием изучающе разглядывала его. «Варвар, — подумал он, — варвар Элори. Значит, вот кто я такой для всех для них; кроме, может быть, Таниквель».

Лицо Хранительницы оставалось безмятежным, но хрупкие пальцы сплелись в замок, словно пытаясь подавить дрожь; нерешительным взглядом она обвела стол.

— Кеннард, — воззвала наконец она за помощью, — ты знаешь его лучше всех.

Джефф успел уже привыкнуть к подобным обсуждениям в своем присутствии; сколь нелицеприятным ни оказывалось бы мнение, среди телепатов скрывать его было бессмысленно. Кервин изо всех сил старался сохранять на лице невозмутимое выражение.

— Что касается доверия, Элори, — вздохнул Кеннард, — то доверять ему можно; но рискуешь, в первую очередь, ты. Мы все полагаемся на твое решение.

— Я — против! — горячо произнес Остер. — Ни для кого не секрет, что я обо всем этом думаю — и для вас тоже, лорд Хастур.

Спокойная манера Хастура причудливо контрастировала с напряженным, сердитым тоном Остера.

— Остер, — поинтересовался Хастур, — это одно твое слепое предубеждение Против землян? Или есть еще какие-то причины?

— Предубеждение, — обвиняющим тоном произнесла Таниквель, — и ревность.

На сухощавом, дерзком лице Остера застыло мрачное выражение.

— Не собираюсь отрицать ни того, ни другого. Слишком уж оказалось просто — утащить его из-под самого носа у землян. Откуда нам знать — может, все было подстроено? Вдруг это ловушка?

— При таком сходстве с Клейндори? — поинтересовался Кеннард.

— Клейндори! — сорвавшись с языка Остера, имя это прозвучало как ругательство. — Эта предательница и…

— Клейндори мертва, — приподнялась в кресле Элори; лицо ее побелело от гнева. — И Зандру полосует ее убийц скорпионьими бичами.

— А также ее соблазнителя — *и весь род его!* —

парировал Остер.

Новые, незнакомые эмоции всколыхнулись в душе у Джеффа. Это ведь не кого-нибудь — его отца и мать они так проклинают! Впервые, пожалуй, за всю жизнь он ощутил острое чувство благодарности к своим земным бабушке с дедушкой. Может, те относились к нему и без особой теплоты — но хотя бы приняли его как сына. Теперь же в Кервине бурлило, угрожая вырваться на поверхность, даркованское родовое начало; его так и подмывало вскочить на ноги и на давно забытом языке бросить Остеру вызов на поединок. Он стал приподниматься в кресле.

— Хватит! — звенящим от гнева голосом выкрикнул Хастур, и наступила тишина. — Мы здесь не для того, чтобы ворошить поступки и проступки четвертьвековой давности!

— Да, действительно, рискую, в первую очередь, я — принять или отказаться! — заявила Элори; на бледных щеках ее проступили два ярких пятна. — Я ни разу еще не пользовалась этим своим правом, но… — она беспомощно развела руками, — я же не волшебница. И не верю в сверхъестественное. Но, плохо это или хорошо, по закону право принять решение принадлежит мне — как Хранительнице Арилиннской Башни.

Мы выслушаем делегацию — все вместе. И больше тут не не о чем спорить. — В последних словах прозвенела сталь.

Она поднялась с кресла, и хрупкая фигурка ее величаво поплыла к двери. Провожая ее взглядом, Кервин, еще не оправившийся от прилива незнакомых эмоций, неожиданно ощутил, что разделяет беспокойство Элори. Он осознал, как ненавистно для нее было взывать к древнему праву, и какую неприязнь вызывают у Элори многочисленные суеверия и табу, нагроможденные за века вокруг фигуры Хранительницы. В одно мгновение эта бледная, кажущаяся эфемерной девушка, почти ребенок, обрела в глазах Кервина плоть и кровь; он осознал, что безмятежность ее — не более чем маска, скрывающая страстную убежденность, железный контроль, удерживающий в узде эмоции; маска, спокойная, как глаз тайфуна, ровная, словно мертвая зыбь.

И он ощутил эмоции Элори как собственные:

«Все-таки я сделала то, чего клялась никогда не делать. Воспользовалась в своих целях тем почтением к Хранительнице, что они впитали с молоком. Но иначе было просто никак, а то эта чушь могла бы тянуться еще лет сто…»

Зажатый в крошечной кабинке лифта между

Таниквель и Раннирлом, Джефф продолжал ощущать отголосок установившегося на мгновение контакта с Элори; контакта, длившегося доли секунды, но потрясшего все его существо. Как там называл это Кеннард? Эмпатия — способность улавливать чужие эмоции. Теперь Кервин поверил в свой дар. Раньше он только понимал это разумом; теперь непосредственно *почувствовал*.

Они прошли сквозь трепетную радугу Вуали, спустились на самый нижний этаж Башни и оказались в зале, в котором Кервин еще ни разу не был — длинном, узком, сплошь задрапированном шелковыми занавесями. У входа стояли двое охранников в малиновых с желтым мундирах; где-то вдалеке звякнул гонг.

В зале находились десяток состоятельного вида пожилых даркован, одетых по-городскому. Они молча подождали, пока Элори займет установленное на помосте в центре зала кресло и скорее небрежно, чем почтительно, поклонились остальным комъинам. Тишину нарушил Хастур:

— Так это вы назвались Пандаркованским Синдикатом?

— Валдрин из Карфона, к вашим услугам, — поклонился в подтверждение тяжеловато сложенный, приземистый мужчина с энергичным

взглядом. — С вашего разрешения, я буду говорить от имени всех.

— Насколько я помню, — задумчиво нахмурился Хастур, — вы объединились в лигу…

— Дабы способствовать всемерному развитию торговли и ремесел на Даркоувере, — сказал Валдрин из Карфона. — Едва ли необходимо напоминать вам о теперешней политической ситуации, о землянах и о том… плацдарме, который они удерживают. С самого появления землян комъины и Совет игнорируют их присутствие.

— Это не совсем так.

— Я не хотел бы перечить вам, лорд Хастур, — уважительно, но нетерпеливо произнес Валдрин, — однако факты остаются фактами: в свете подписанного с землянами Пакта нам следует из кожи вон лезть только для того, чтобы сохранить цельность Даркоувера — как планеты и как цивилизации. Времена меняются. Нравится вам это или нет, но земляне прибыли сюда всерьез и надолго; и Даркоувер все глубже и глубже втягивается в сферу влияния Империи. Мы можем пытаться по-прежнему удерживать их в границах Торговых городов — но уже в следующем поколении барьер рухнет. Я видел, как это случалось на других мирах.

Кервину вспомнились слова легата: «Местные правительства мы обычно оставляем в покое, но стоит народу увидеть, что мы можем предложить, и они сами начинают проситься в Империю. Но на Даркоувере эта схема почему-то не работает, и никто не знает, почему».

Валдрин из Карфона говорил то же самое, и весьма убежденно.

— Короче, лорд Хастур, мы хотели бы опротестовать решение Совета комъинов! Нам не помешали бы некоторые преимущества, предоставляемые миру при включении в Империю. Или нам на веки вечные оставаться варварским государством?

— Я знаком с имперской цивилизацией, и гораздо ближе, чем вы, — произнес Хастур. — Нам не нужны их блага.

— Тогда говорите лучше за себя, а не за всех нас! Может, в незапамятные времена и были какие-то основания для правления Семи Семейств; тогда на Даркоувере существовали своя наука, своя технология. Но искусства те утрачены, способности сошли на нет — пора признать это и принять на замену что-нибудь новое!

Теперь картинка у Кервина в голове была близка к окончательному прояснению. Из-за

врожденных пси-талантов комъины стали властителями Даркоувера — но, в определенном смысле, и рабами. Они дали планете собственную науку, они умели высвобождать чудовищные количества энергии магнитного поля планеты — посредством больших матриц, управляться с которыми было не под силу ни одному сколь угодно одаренному телепату, только Башенному Кругу. Теперь становилось понятно, что за былые науки оставили след в народной памяти.

Но какой ценой, с человеческой точки зрения! Обладатели и обладательницы этих сверхъестественных талантов жили странной, ограниченной жизнью, тряслись над своими драгоценными способностями, отвыкали от нормального человеческого общения.

«Не исключено, — мелькнуло у Кервина подозрение, — что присущее всей природе направление эволюции, от крайности к норме, и было ответственно за угасание этих способностей». По словам Кеннарда, все меньше и меньше рождалось у комъинов детей, в полной мере обладающих тем, что комъины называют *ларан*. От всей даркованской науки остались полузабытый миф да несколько пси-трюков — явно недостаточно, чтобы планете сохранять независимость

от Земли в новые времена.

— Мы уже вели дела с землянами, — говорил тем временем Валдрин из Карфона. — Мы завоевали поддержку большинства в народе; почти наверняка новый Совет даст нам разрешение. Если вкратце, то земляне пообещали оказать нам техническую, инженерную помощь, выделить промышленных экспертов — все для того, чтобы развернуть полномасштабную рудодобывающую и рудоперерабатывающую индустрию. Металлы и руды — вот в чем ключ к успеху, господин мой. Нам не развить технологии без машиностроения; а машиностроения нам не развить без…

— Значит, вам нужны рудники, — сказал Хастур. — А для рудников вам нужно тяжелое машиностроение… но кто-то должен же делать машины, и кто-то должен добывать материалы, из которых делать машины. Валдрин, мы не технологическая цивилизация…

— Тем хуже для нас.

— Но, — негромко продолжал регент Совета, — народу Даркоувера и так неплохо живется — и горожанам, и фермерам. У нас есть та промышленность, какая нам нужна — молочные фермы, мельницы, ткацкие мастерские…

— И единственный транспорт — верховой!

— Зато никто не должен по-рабски гнуть спину на строительстве и ремонте гигантских автострад, чтобы по тем с сумасшедшей скоростью неслись чудовищные автороботы, отравляя наш чистый воздух своими химическими выхлопами!

— У нас есть право на промышленность!

— …а также на автоматизированные фабрики? На то, чтобы людям не оставалось больше ничего, кроме как ремонтировать машины и отупевать от дешевых развлечений? На то, чтобы люди скучивались в городах, дабы служить машинам, и у них не оставалось времени выращивать и готовить пищу, какая им нужна? На то, чтобы выращивание и приготовление пищи превратилось в очередную отрасль чудовищной промышленности? — Голос регента был полон презрения.

— Лорд Хастур, вы не можете вечно удерживать народ Даркоувера на положении варваров, — заявил Валдрин.

— И вы собираетесь сделать из нашего мира копию Земной империи?

— Вовсе нет. Совсем даже ничего подобного.

— Вы думаете, народ Даркоувера способен вести игру с землянами на их поле? Нет, Валдрин; планета, которая хочет того хорошего, что несет с

собой межзвездная империя, должна быть готова принять и все сопутствующее зло… Но, возможно, вы правы. Мы не можем вечно преграждать дорогу переменам и держать народ Даркоувера в простоте и бедности. Может быть, ваши обвинения и справедливы. Когда-то мы были гораздо могущественней и богаче, чем сейчас. Да, это правда — мы откатились назад, в темные века. Но неправда, что мы обязаны следовать путем Земной Империи. Что если комъины снова смогут делать то, что делали когда-то, согласно легендам? Что если источники энергии снова станут доступны, и не нужно будет ни радиоактивности, пятнающей наши земли с подписания Пакта, ни нескончаемого поиска топлива?

— Это красивая мечта, — произнес Валдрин, — но вот уже многие годы не появлялось ни полновластной Хранительницы, ни полного Башенного Круга.

— Теперь появился, — развернувшись, объявил Хастур. — Полный Башенный Круг, готовый продемонстрировать свое искусство. Я прошу только одного — чтобы вы держались подальше от землян с их разрушительными, унизительными методами. Не принимайте от них инженерной и технической помощи! И если вы хотите торго-

вать с Землей, делайте это как равные, а не как бедные протеже, которым помогают подняться над уровнем варваров! Наш мир старше, чем Земля, и у нас есть, чем гордиться! Не позорьте нас!

Он взывал к патриотизму и гордости, и Кервин увидел, как в глазах у большинства членов делегации вспыхнул огонь.

— Комъины действительно способны на это? — скептически поинтересовался Валдрин из Карфона.

— От имени комъинов буду говорить я, — заявил Раннирл. — Я — техник и лучше пойму, что вам нужно. С чего вы хотите начать?

— Группа земных инженеров предложила нам контракт на изыскательские и горнодобывающие работы, — начал Валдрин. — В первую очередь, нам необходимы металлы — медь, олово, серебро, железо, алюминий, вольфрам. А также топливо, сера… нам обещали составить полную карту по всем полезным ископаемым.

Раннирл поднял руку, и Валдрин умолк.

— А по ходу этих, как вы говорите, изысканий вынюхивать все и вся, наводнять планету своими адскими машинами — вместо того, чтобы, как им подобает, сидеть в Торговых городах?

— Мне это ненавистно ничуть не меньше, чем

вам! — горячо отозвался Валдрин. — Особо теплых чувств к Империи я не испытываю, но если другой альтернативы откату к феодализму нет…

— Альтернатива есть, — произнес Раннирл. — Эти изыскательские работы для вас можем провести мы — а заодно и горнодобывающие тоже. Причем быстрее, чем земляне — и не нарушая Пакта!

У Кервина перехватило дыхание. Нетрудно и самому было догадаться, на что способны комъины — видел же, что матричный кристалл поднимает в воздух самолет — но чтобы такое!..

«Господи Боже, ничего ж себе! И к тому же не дать землянам захватить Даркоувер…»

Вплоть до этого мгновения Кервин и сам толком не осознавал, как глубоко волнует его эта проблема. Перед мысленным взором Джеффа пронеслись проведенные на Земле годы; он вспомнил разочарование, которое испытал, увидев Торговый город и осознав, что это лишь крошечная частичка Империи; он снова ощутил страстное желание отыскать *свой* мир и *свою* семью. И, заново пережив ностальгию изгнанника, он окончательно понял, что имеет в виду Хастур.

Сохранить в неприкосновенности Даркоувер — мир, который так дорог Кервину! Мир, которому

он по праву принадлежит.

— Звучит заманчиво, высокочтимые господа, — проговорил Валдрин. — Но настолько сильны комъины не были никогда — по крайней мере, на памяти живущих. Конечно, дедушка мой любил рассказывать о старых добрых временах; но сейчас раздобыть железа подковать пару лошадей — уже почти подвиг!

— Да, звучит заманчиво, — подхватил другой делегат. — Но откуда мы знаем — может, эти комъины просто хотят потянуть время, пока земляне не потеряют интереса. По-моему, следует заключать договор с Землей — и немедленно!

Валдрин минуту-другую посовещался с делегацией.

— Лорд Хастур, — наконец произнес он, — одних баек о былом могуществе комъинов нам недостаточно. Вот что мы хотели бы предложить. Сколько времени вам надо на изыскательские работы?

— А сколько потребовали земляне? — в свою очередь поинтересовался Раннирл.

— Шесть месяцев.

Раннирл покосился на Кеннарда, потом на Элори.

— Нам хватит шести недель, — заявил он.

— Только при одном условии, — горячо вмешался Остер. — Если мы выполняем свои обязательства, вы даете слово прекратить все дела с землянами!

— Так будет честно, — поддержала его Элори. — Если мы докажем, что в силах сделать для блага Даркоувера не меньше, чем эти ваши земные специалисты, вы станете подчиняться Совету? Все, чего мы хотим — это чтобы Даркоувер был Даркоувером, а не увеличенной копией Торгового города. Если мы дадим вам то, что вы просите, вы должны пообещать подчиняться Совету комъинов во всем, что касается применения технологии — чтобы Даркоувер не стал третьеразрядной имитацией заурядного имперского мира!

— Пожалуй, так действительно будет честно, госпожа моя, — согласился Валдрин; затем в его голосе снова появились жесткие нотки: — Но надо быть честными до конца — пусть договоренность будет обоюдной: если у вас ничего не получится, Совет комъинов снимает все возражения и позволяет нам вести дела с землянами так, как мы сочтем нужным.

Церемония прощания с делегацией оказалась долгой и обставленной множеством премудростей протокола. Половину речей Кервин пропус-

кал мимо ушей, понимая, что ему — «варвару Элори» — простительны мелкие оплошности в ритуале.

Значит, успех или неуспех Арилиннского Башенного Круга влечет за собой поистине грандиозные последствия. И подумать только, успех или неуспех зависит, в свою очередь, от него, Джеффа Кервина, наполовину землянина, совсем еще новичка в этом деле! От безмерности возложенной на него ответственности Кервин ощущал парализующую слабость во всем теле. Незамеченным он выскользнул из зала — мимо застывших у входа стражников, через задние дворы, к мерцающему барьеру Вуали.

Слишком тяжел был этот груз для его нетренированных плеч. «Я думал, у меня будет больше времени выучиться…» Он чувствовал себя совсем еще зеленым новичком, совершенно неопытным, и при одном воспоминании о первом мучительном раппорте его начинало трясти от страха.

Он влетел к себе в комнату и в немом отчаянии рухнул на кровать. Это нечестно — требовать от него так много; и так скоро! Это было выше сил Кервина — чувствовать, что судьба всего Даркоувера зависит от его толком не развитого *ларана*!

Казалось, пропитывающий комнату призрачный запах усилился и проник до самых далеких уголков памяти, высветив целую гамму давно забытых ощущений.

«Клейндори. Моя мать, преступившая обеты ради землянина — я что, искупаю ее вину? — бился в мозгу мучительный вопрос. — Но это не было предательством!»

Расплывчатая тень, смутное воспоминание замаячило на самой периферии сознания; на мгновение Кервину показалось, что он *знает* …

Тень исчезла, оставив после себя головокружение и немоту.

Бесшумно — ни слова, ни звука — рядом с ним по явилась Таниквель; между ними замельтешила паутина раппорта, и девушка подняла к Кервину сразу же осунувшееся личико.

— Джефф, все совсем не так, — наконец прошептала она. — Мы верим в тебя. Если у тебя… у нас ничего не получится… не ты один будешь виноват. Ну как ты не понимаешь… — Голос ее оборвался; неожиданно она приникла к Кервину, обвила его руками. Джеффа затрясло, и он что есть сил сдавил девушку в объятиях. Губы их встретились, и Кервин понял, что именно этого он хотел с той дождливой ночи, когда впервые ее

увидел, с той задымленной гостиничной комнаты. Женщина его народа, первой принявшая его в число своих.

— Ну как ты не можешь понять, Джефф, — мы же все любим тебя! Поверь — если у нас ничего не получится, это не ты один будешь виноват, это мы все окажемся виноваты. Но у тебя получится, Джефф, обязательно получится…

Руки ее сплелись вокруг Кервина в надежный спасательный круг, и он ощутил прилив любви и желания, какого не испытывал еще никогда.

Это уже не легкая победа, не девица из портового бара, дающая возможность на мгновение расслабиться, но оставляющая сердечную жажду неутоленной. От этой ночи не останется осадка едва удовлетворенной похоти, катастрофического чувства одиночества, ощущения женской пустоты, столь же глубокой, как собственное разочарование.

Таниквель, Таниквель… ведь первое же мгновение того, первого раппорта заключало в себе близость более интимную, чем любая физическая. Как так получилось, что он и не догадывался? Он зажмурил глаза, чтобы полнее вкусить эту близость, соприкосновение более интимное, чем касание одних только губ или рук…

— Я почувствовала твое одиночество… и голод, — прошептала Таниквель. — Но я… боялась разделить их — до сегодняшнего вечера. Джефф, Джефф… я взяла на себя твою боль — дай мне разделить с тобой и это тоже.

— Но теперь я больше не боюсь, — хрипло произнес Кервин. — Я боялся только потому, что мне было одиноко.

— А теперь, — прочитала она его мысли, настолько самозабвенно погружаясь в объятия Джеффа, что тому показалось, будто раньше он совсем не знал женщин, — теперь ты никогда больше не будешь одинок.

9

Если поначалу Кервину и представлялось, будто всепланетный геологический обзор сведется к молниеносной, эффектной демонстрации какой-нибудь нехитрой телепатической магии, он очень быстро обнаружил, что ошибался. Настоящая работа в раппорте, сказал ему Кеннард, начнется позже; пока же все сводилось к весьма трудоемким подготовительным изысканиям, и никто, кроме самих же комъинов, на это способен не был. Как выяснилось, практически невозможно сфокусировать телепатический раппорт на объекте или веществе, если объект этот или вещество предварительно не находились в контакте с телепатом, который собирается раппорт фокусировать. Джеффу представлялось, что сбор материалов и тому подобное лягут на плечи слуг; вместо этого ему как наименее квалифицированному телепату поручили основную массу подготовительных работ. По опыту службы офицером связи, Джефф был немного знаком с металлургией; на пару с Корусом они отыскивали образцы различных металлов и в

лаборатории — которая очень походила на то, как, по мнению земных историков, должен был выглядеть кабинет алхимика — переплавляли их и примитивными, но на удивление эффективными способами освобождали от примесей. Кервин терялся в догадках, зачем комъинам эти крошечные образцы железа, олова, меди, цинка, свинца и сурьмы.

Работая с Корусом, Элори и Раннирлом, Кервин ощущал, как растет его телепатическая чувствительность. Теперь он мог без малейшего напряжения удерживать в стационарном состоянии любую кристаллическую структуру, а также начинал улавливать состояние веществ. Как-то раз он обнаружил, что чувствует, как окисляется железо в начинающей ржаветь дверной петле, извлек свою матрицу и — впервые без посторонней помощи, что есть силы сосредоточившись — пустил процесс вспять.

Когда он находился среди экранов, его продолжали мучить чудовищные головные боли; каждый расход пси-энергии оставлял его выжатым, как лимон, страшно голодным; вдобавок ему смертельно хотелось спать. Теперь он понимал, откуда у Элори такой непомерный аппетит, прежде казавшийся ему просто несколько затя-

нувшимся детским пристрастием к сладкому; раньше его поражало, как может столь хрупкая девушка поглощать такие чудовищные количества пищи — теперь он прекрасно понимал, как, потому что и сам все время хотел есть. Казалось после каждого сеанса работы с экранами вся энергия покидает тело, а все существо отзывается ненасытным голодом. Иногда — по завершении работы, или если Элори прерывала сеанс, не в силах выдержать напряжение — Кервину предоставлялась возможность отдохнуть; а когда у Таниквель высвобождалось для него несколько свободных минут, выяснялось, что единственное его желание — лечь и не шевелиться.

— Боюсь, не больно-то пылкий любовник из меня выходит, — как-то с досадой пожаловался он; несмотря на сладко дурманящую близость Таниквель, единственным желанием в его измученном теле было спать, спать и спать. Девушка негромко рассмеялась и, склонившись к Джеффу, легонько поцеловала его.

— Понимаю, — прошептала она. — Я же всю жизнь, можно сказать, только среди матричных механиков и живу, не забыл? Когда надстраиваются матричные экраны, это всегда так: у организма есть какое-то определенное количе-

ство энергии, и он просто не может позволить себе зря ее тратить. Не беспокойся; когда все это кончится, у нас будет достаточно времени — если я тебе еще буду Нужна.

— Что значит, если ты мне еще будешь нужна? — подскочил Кервин и уставился на девушку. Глаза ее были зажмурены; бледное лицо в ореоле разметавшихся волос внезапно показалось ему отдалившимся и чужим. — Что ты хочешь сказать, Тани?

— О, люди меняются, — неопределенно отозвалась она. — Да ладно, ерунда. Лучше… — Она мягко притянула его к себе, и Джефф почувствовал на лбу ласкающее прикосновение легких ладоней. — Спи, милый; ты весь вымотался.

Он действительно страшно устал; но слова Таниквель прогнали сон. Да как могла она усомниться?.. Или это своего рода предчувствие? С их первой ночи, после визита Хастура, Кервин был счастлив; теперь же в нем зашевелилось смутное беспокойство. Перед его мысленным взором возникла четкая картинка, — Таниквель и Остер держатся за руки, — и Кервин заскрипел зубами от ревности. Что между этими двоими могло быть? Он знал, что Таниквель любит его; между ними установилась гармония, какой он не

знал никогда и ни с кем. Теперь он понимал, почему прежние отношения с женщинами никогда не были у него достаточно серьезными. Своим натренированным, но подспудно работающим телепатическим чутьем Джефф улавливал принципиальную ограниченность тех женщин, с кем ему приходилось иметь дело; не понимая причины, он нещадно бранил себя за неисправимый идеализм, за вечную неудовлетворенность. Он не мог, подобно другим мужчинам, закрывать глаза на притворство и продажность; не мог довольствоваться игрой воображения, проецирующего воспаленные фантазии на первую попавшуюся девушку. Отношения с Таниквель открыли ему целый новый мир, он впервые ощутил вкус разделенной страсти. Неужели она действительно может любить его — и в то же время кого-то другого?

Кервин беспокойно ворочался в темноте; сон не шел, а в висках напряженно пульсировала боль. Наконец-то ему все стало ясно. Разумеется, все в Арилиннской башне прекрасно знают, что происходит между ним и Таниквель. Улыбка Кеннарда, многозначительный взгляд Месир, поддразнивание Коруса — все это приобретало теперь новое значение.

Черт побери, и в компании телепатов есть свои недостатки! Никакой частной жизни!

Внезапно Джеффа поразила одна в высшей степени неуютная мысль. Эти телепаты… они же читают, как в открытой книге, все его мысли, чувства… то, чем он делится с Таниквель! Кипящей волной нахлынул стыд; словно во сне он увидел, будто оказался нагишом на городской площади, а, проснувшись, обнаружил, что так оно и есть.

Таниквель, сонно сжимавшая его ладонь, вздрогнула, как от ожога. На лице у нее вспыхнуло негодование.

— Ты… ты… варвар! — вырвалось у нее. — Землянин! — Во мгновение ока она вылетела из комнаты, и легкие шаги сердито простучали по неровным плиткам коридора; теряясь в догадках, что могло ее так прогневать, Кервин без сна проворочался до рассвета.

Но когда они встретились наутро, Таниквель была, как всегда, нежна и ласкова.

— Прости меня, Джефф, — сказала она, крепко обняв его. — Я нехорошо поступила. Ты же не виноват, что столько прожил среди землян. Со временем ты станешь лучше понимать нас.

Окруженный кольцом ее рук, Кервин не мог усомниться в искренности чувств Тани.

Через тринадцать дней после визита Хастура закончился этап подготовки матриц, и утром в большой гостиной Элори объявила:

— Сегодня вечером можно начинать картирование.

Кервин почувствовал легкий укол паники. Это должен был быть его первый настоящий сеанс раппорта в Башенном Круге; все предыдущие опыты были короткими и не более чем именно опытами. Но теперь уж никуда не деться.

— Почему вечером?

— Потому что, — объяснил Раннирл, — в этом полушарии большинство населения спит в темное время суток, и телепатических помех меньше… это вроде разрядов статического электричества в радиоэфире. В телепатическом эфире тоже есть свои помехи.

— Сегодня днем все должны выспаться, — объявила Элори. — Мне надо, чтобы к вечеру вы были бодры и свежи.

— Тогда Джеффу не помешало бы дать успокоительного, — подмигнул Кервину Корус. — А то он так и не уснет от беспокойства. — Но в голосе его не было — ни нотки ехидства.

— Может, тебе действительно дать что-нибудь?.. — подняла на Кервина вопросительный

взгляд Месир.

Тот мотнул головой, чувствуя себя весьма подурацки. Они беседовали еще несколько минут, потом Элори со смехом заявила, что последует-ка, мол, собственному совету, зевнула и удалилась наверх. В конце концов у камина остался один Кервин; спать ему, несмотря на усталость, не хотелось. *Если б только Таниквель осталась с ним, он сумел бы расслабиться.*

— Элори не шутила, юноша, — произнес Кеннард, остановившись уже на пути к двери. — Выспись хорошенько, не то вечером можешь и не выдержать. — На мгновение повисла тишина; и густые брови Кеннарда взметнулись чуть ли не до корней волос. — Ого, так вот в чем дело!

— Черт побери, тут что, совсем никакой частной жизни нет?

— Я же Альтон, — отозвался Кеннард. — Мы самые сильные телепаты изо всех комъинов. Прошу прощения, если это как-то заденет тебя, но позволь мне кое-что объяснить. Моя жена ведь с Земли. И я достаточно покрутился среди землян, чтобы понять, какие темы у них относятся к щекотливым; так что не обижайся, если…

— Валяйте. Я не обижусь.

— Врунишка, — беззлобно отозвался Кен-

нард. — Так вот, не стоит винить Таниквель за то, что сейчас она оставила тебя одного — когда, как тебе кажется, она сильнее всего тебе необходима. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь — Алдонай, как хорошо я это понимаю! — Он сухо усмехнулся, словно некой известной ему одному шутке. — Но Тани понимает это ничуть не хуже. Дело в том, что когда разворачивается настолько серьезная матричная операция, воздержание является непременным правилом. И Тани прекрасно понимает, что этого правила нельзя нарушать.

— Но почему…

— Как по-твоему, почему Хранительницы непременно должны быть девственницами?

Об этом Кервин как-то ни разу не задумывался. Внезапно ему пришло в голову, что это во многом объясняет Элори; почему она так непохожа на Таниквель. Прекрасная женщина — но невинная, как маленькая девочка; не осознающая собственной красоты и привлекательности, как любой ребенок.

— В древности все свели бы к ритуалу или нашли бы какое-нибудь религиозное обоснование, — продолжал Кеннард. — По-моему, все это идиотское суеверие. Но что правда, то правда:

сегодня вечером тебе понадобится вся нервная энергия, до последней капли, и вся сила. Таниквель это прекрасно понимает. Она не прочь поозорничать, но никогда не станет намеренно делать больно. Вывод: тебе надо хорошенько выспаться. В одиночку. — Заботливым, чуть ли не отеческим жестом он накрыл ладонью руку Кервина. — Беда в том… мы успели уже настолько привыкнуть к тебе, что стали забывать, как недавно ты здесь. Мы почему-то считаем, что ты тоже должен понимать все эти вещи без объяснения. Джефф, когда ты появился в Арилинне, мы в тебе еще сомневались. Но теперь, как бы все ни повернулось, ты в любом случае один из нас. Настоящий даркованин — и настоящий комъин. Может, эта мысль подействует и не так вдохновляюще, как присутствие Тани, — улыбнулся Кеннард, — но, надеюсь, хоть чуть-чуть поможет.

За ним прислали, когда взошла луна. В ночной тиши Арилиннская Башня казалась вымершей, а в матричной лаборатории царило странное гулкое безмолвие. Собравшиеся переговаривались вполголоса, словно боясь потревожить тишину, живую и осязаемую.

Кервин чувствовал внутри вялую, аморфную

пустоту; менее подходящий настрой для телепатической работы трудно было вообразить. Кеннард двигался одеревенело; хромота его, как никогда, бросалась в глаза — казалось, каждый шаг отдается болью; Раннирл сонно щурился и огрызался, а Элори нервно сжимала и разжимала кулачки.

Пальцы Таниквель коснулись лба Кервина, и он ощутил легкое, как перышко, прикосновение ее мыслей; уверенно, без напряжения, между ними установился раппорт.

— С ним все в порядке, Элори, — сказала Таниквель.

— Таниквель — наш эмпат, — пояснила Кервину Элори. — Во время сеанса она будет следить за функциями организма. Если кто-то вдруг забудет дышать или еще что-нибудь в этом роде, она вовремя вмешается.

— А я держу барьер, — произнес Остер. — Чтобы установить раппорт, мы опускаем наши защитные барьеры, а я окружаю всю группу телепатическим щитом. Это предохраняет от прослушивания, и я почувствую, если кто-нибудь попытается нам помешать. В давние времена на Даркоувере было много могущественных сил… Говорят, они есть и сейчас. Так что я ставлю ба-

рьер вокруг нашего гештальта[4], чтобы никто не проник со стороны.

Элори, протянув руки, кивнула Кеннарду и Раннирлу; Кервин, затаив дыхание, увидел и ощутил, как все, один за другим, заняли свои места в паутине раппорта. На мгновение возник знакомый образ множества переплетенных рук.

Джефф представления не имел — поскольку время потеряло всякое значение — как долго кружился он в магнитных вихрях, зондируя фактуру почв, скальных пород и вулканической лавы. Снова и снова оранжевый мелок Раннирла устремлялся к незнакомой гладкой поверхности — но, в конце концов, кружение стало замедляться. Разбитый на дребезжащие кусочки, Кервин ощутил, как вывалился из паутины раппорта Корус (образ кристаллизующегося расплава!); услышал, как бесшумно выскользнул через некую невидимую дверь Раннирл; почувство-

---

[4] notes: 4

Термин этот происходит от немецкого Gestalt — «образ», «форма»; в первой трети XX века в Германии возникло новое направление психологической науки, выдвинувшее программу изучения психики с точки зрения целостных структур — гештальтов — и потому получившее наименование гештальт-психологии; первоначально термин применялся исключительно к описанию психики, но в дальнейшем был распространен и на области физических, физиологических, социальных и других явлений; в данном случае целостной структурой является объединенное сознание комъинов.

вал, как Элори разжимает кулак и выпускает из сети Кеннарда. На Джеффа обрушилась боль — раздирая легкие, увлекая в головокружительно вращающуюся пустоту. Хрипло выдохнул воздух и обмяк в своем кресле Остер. Кервин заморгал и помотал головой; с усталым вздохом выпрямилась Таниквель. Продолжая стискивать в пальцах огрызок мелка, Раннирл откинулся на спинку кресла и неподвижно замер. Вся карта была испещрена загадочными символами. Шевельнув затекшими пальцами, Элори издала измученный полувздох-полувсхлип.

— На сегодня все, — тихо произнесла Таниквель. — У Коруса сердце собиралось сбиться на фибрилляцию, а Джефф был на грани обморока.

Элори поднялась с кресла, неуверенно держась на ногах, на цыпочках обошла вокруг стола и остановилась за Раннирлом.

— Всю структурную работу сделал Джефф, — негромко произнесла она. — У него хорошее чутье структуры. — Кончиком пальца она легко коснулась карты. — Вот залежи меди. Кеннард измерил глубины залегания, Раннирл засек координаты, Корус и Джефф оценили, насколько богаты месторождения. — Внезапно за пеленой усталости в ее глазах вспыхнул восторг.

— Что, скажете, земляне со всей их техникой способны на такое? — Она по-кошачьи потянулась. — Вы понимаете, что мы сейчас сделали? — требовательно поинтересовалась она. — Получилось! У нас — получилось! Ну что, рады теперь, что послушались меня? Кто теперь варвар? — В порыве ликования она по-детски обвила руками Кервина и прижалась к нему. — О Джефф, я так и знала, что с тобой у нас не может не получиться!

Кервина захлестнуло потоком ее эмоций; он что есть силы сжал девушку в объятиях и долгим, крепким поцелуем впился в ее губы. В первые мгновения это был искренний, безо всякой задней мысли отклик на ее буйный восторг; но Кервин четко ощутил момент, когда все изменилось, и сжатые губы Элори под его напором дрогнули и податливо расслабились.

В следующее мгновение она отпрянула и замерла, широко раскрыв в ужасе глаза. Она притиснула к груди кулачки и шумно перевела дыхание, не сводя с Кервина перепуганного взгляда.

— Элори…

Но длилось это какие-то доли секунды; в следующий миг Элори устало пошатнулась и всем весом оперлась на заботливо подставленную

Кеннардом руку. Она зажмурилась и по-детски потерла глаза кулачками.

— Я… так устала, — прошептала она.

Кервин, сведенные мучительной судорогой мускулы которого вновь напомнили о себе, потянулся и обратил внимание, что через окошко струится яркий солнечный свет. Они провели в раппорте четырнадцать часов!

— Через несколько дней повторим, — заявил Раннирл, осторожно складывая карту. — С оловом, железом и алюминием. Второй раз будет легче. — Нахмурившись, он посмотрел мимо Кервина. — В чем дело, Остер?

Тот, не мигая, буравил Джеффа злобным взглядом. «Не больно-то он рад, что у меня вышло, — подумал Кервин. — Ему было надо, чтоб я провалился.

Но зачем?»

10

Кервин как следует выспался, но депрессия не желала проходить. Готовясь выйти к общему ужину, почти на закате, он твердил себе: «Нельзя позволить Остеру испортить мне праздник. Я же прошел главное испытание; так что ура! Победа! А Остер, в конце концов, никогда и не скрывал своего ко мне отношения. Наверно, в этом все и дело».

Теперь, после первого сеанса, их ждало несколько дней отдыха и восстановления сил. Спускаясь по длинной лестнице, Кервин пытался беззаботно насвистывать какой-то мотивчик. Теперь ничто не стояло между ним и Таниквель…

Все остальные проснулись раньше и уже собрались в гостиной. Его небрежно, как давно своего, поприветствовали, и в душе у Кервина от этой небрежности всколыхнулась теплая волна; ему вручили бокал шаллана — сладкого, слабо-алкогольного напитка, к которому он успел пристраститься — и Джефф опустился в свое излюбленное кресло, обводя гостиную взглядом в поисках Таниквель. Девушка сидела у камина с

Остером, и они о чем-то оживленно беседовали. Обеспокоенный, Кервин попытался поймать ее взгляд, и в конце концов ему это удалось. Он едва заметно кивнул — сигнал, который Таниквель хорошо знала — ожидая, что через секунду-другую девушка извинится перед Остером и пересядет к нему.

Но Таниквель только мимолетно улыбнулась ему и легонько мотнула головой, продолжая оживленно беседовать с Остером и крепко держа того за руку. Кервин был глубоко задет, озадачен и раздосадован. Никогда еще Таниквель не казалась ему такой желанной, как сейчас — когда ее озорной смех, ее нежная улыбка предназначались Остеру. Досада переросла в замешательство, потом в негодование. Как может она так поступать с ним? Так бессердечно дразнить?

Вечер шел своим чередом, а Джефф все глубже погружался в уныние. Кеннард и Раннирл пытались втянуть его в беседу, но безуспешно. В конце концов, предположив, что он, наверно, еще толком не пришел в себя, они оставили Кервина в покое. Элори с Корусом развлекались игрой, похожей на кости, только вместо кубиков бросались резные кристаллические призмочки; Месир штопала. Это был бы идеальный семейный вечер,

если бы только Кервина каждый раз не пронзала острая боль, когда он видел Таниквель, склонившую голову на плечо к Остеру. Раннирл изучал какие-то карты; Кеннард клевал носом. Наверно, добрый десяток раз Кервин говорил себе, что это чистой воды идиотизм, что давно пора встать и уйти; но в душе у него продолжала бушевать буря негодования. И с чего бы это?

Когда Остер поднялся с места наполнить бокалы, Кервин тут же вскочил на ноги, пересек гостиную и схватил Таниквель за руку; Кеннард настороженно вскинул голову.

— Пойдем со мной, — нервно прошептал Кервин.

Таниквель подняла голову — в глазах ее читалось неприятное удивление — и быстрым взглядом обвела комнату. Похоже, ей не хотелось устраивать сцену.

— Давай выйдем на террасу, — предложила она.

Солнце давно уже скатилось за горизонт; туман на глазах превращался в мелкую морось.

— Как хорошо, — произнесла Таниквель, прижимая ладони к щекам. — Как прохладно… Джефф, что с тобой такое? Почему ты так смотришь на меня весь вечер?

— А ты не понимаешь! — обрушился на нее Кервин. — Можно подумать, у тебя совсем нет сердца!

— Ты что, ревнуешь? — Таниквель непонимающе мотнула головой. Джефф привлек ее к себе; она со вздохом улыбнулась и раскрыла губы для поцелуя.

— Я уж давно мог бы догадаться, что ты просто издеваешься надо мной, — хрипло проговорил Кервин, стиснув ее плечи. — Но это было выше моих сил — смотреть, как вы с Остером, прямо у меня на глазах... — Он испустил долгий вздох, в котором смешивались досада и облегчение. Но Таниквель сердито отстранилась; личико ее стало очень серьезным.

— Джефф, я нужна Остеру — как ты этого не понимаешь? У тебя что, совсем нет чувств? Сегодня твой триумф — и его поражение. Неужели ты ничего не видишь?

— Хочешь сказать, что теперь ты против меня?

— Почему я должна быть против тебя? Я хочу лишь сказать, что сейчас нужна Остеру. Больше, чем тебе. — Она приподнялась на цыпочки, намереваясь в утешение поцеловать Кервина, но тот грубо отстранил ее. Кажется, до него начинало доходить.

— Я не ослышался, Таниквель?

— Да что с тобой случилось, в конце концов? Весь вечер мне до тебя никак не достучаться!

— Я… — выдавил он неповинующимися губами. — Я же люблю тебя. Я думал…

— Ну конечно, я тоже люблю тебя, — нетерпеливо произнесла она. — Джефф, по-моему, ты просто переутомился, иначе бы так не говорил. Какое тебе, в конце концов, до этого дело — что сегодня я нужнее Остеру?

У него пересохло в горле.

— Ах ты, маленькая сука!

Таниквель отшатнулась, словно от удара. В тусклом свете из окон гостиной лицо ее показалось мертвенно-белым.

— А ты — грубый эгоист, — огрызнулась она. — Правильно Элори называла тебя варваром! Вы… вы, земляне, считаете женщин собственностью! Да, я люблю тебя, но когда ты не такой бесчувственный чурбан!

— Такую любовь, — болезненно скривил губы Кервин, — можно купить и в портовых барах.

Ладонь Таниквель взметнулась и звонко, жалящее хлестнула Кервина по щеке.

— Ты… ты… — глаза ее пылали, казалось, от негодования она лишилась дара речи. — Я нико-

му не принадлежу, только себе, понятно? Остер был прав, с самого начала прав! — Брезгливо отдернувшись, она устремилась прочь, и в ушах у Кервина быстрой дробью застучали ее шаги, пока она не скрылась в Башне, окончательно и бесповоротно.

Дождь, задуваемый ветром под карниз, начинал превращаться в снег. Джефф смахнул снежинки с пылающей щеки. Что он наделал? Тупой болью заныло желание спрятаться ото всех — и побыстрее. Кервин устремился по коридору, потом вверх по лестнице, к своей комнате. Но, не добежав до двери, услышал за спиной знакомый нетвердый шаг Кеннарда.

— Что случилось, Джефф?

Когда-то, а сейчас Кервину совершенно не хотелось оказаться под прищуром этих добрых, понимающих глаз.

— Переутомился, — пробормотал он. — Просто надо выспаться.

Кеннард нагнал его и встал перед дверью.

— Джефф, если ты думаешь, что тебе удастся скрыть от нас…

— Проклятье! — вырвалось у Джеффа, и голос его дрогнул. — В этом чертовом месте совсем никакой личной жизни нет, что ли?

— Всемогущий Зандру! — со вздохом пробормотал Кеннард и весь как-то обмяк. — Послушай, Джефф, я все понимаю: вы, земляне… Ну как мне тебе объяснить? Таниквель…

— Бросьте, — отрывисто произнес Кервин. — Это касается только меня и Таниквель, и никого больше.

— Ничего подобного, — возразил Кеннард. — В первую очередь, это касается тебя и Остера. Послушай, помнишь, что я тебе говорил в самый первый день? Что бы ни происходило в Башне — это касается всех без исключения. Таниквель — эмпат. Неужели ты не понимаешь, что это значит? Неужели ты не понимаешь, что она чувствует, когда улавливает… подобную жажду? Она ведь женщина. А как может женщина, почувствовав такое, остаться безучастной? Не утолить жажды? Черт побери, — заключил он, — если б только вы с Остером понимали друг друга, если б между вами установилась эмпатия — ты бы тоже это ощутил. И понял, в чем дело.

Сам того не желая, Кервин, кажется, начинал улавливать суть. В обществе телепатов, не способных ничего друг от друга скрывать, в такой тесно спаянной группе, как Башенный Круг, эмоции, страсти, желания влияют не только на тех,

кто их испытывает, но и на всех остальных.

Ощутив его одиночество и растерянность, Таниквель проявила понимание, отдала ему свою любовь. Теперь, когда Кервин чувствовал себя победителем, а Остер — разгромленным в пух и прах, она эмпатически реагировала на боль Остера, на его одиночество…

Нет, это выше человеческих сил! Таниквель… Таниквель, которую он любил. Таниквель, которая дала ему так много — и в объятиях человека, которого он ненавидит!

На лице у Кеннарда читалась жалость.

— Должно быть, для тебя все это очень тяжело. Но ты слишком долго прожил среди землян. Ты впитал их неврозы. Ведь на Даркоувере сам институт брака появился не так давно; а моногамия — вообще совсем недавно. Да и то не прижилась толком. Джефф, я тебя ни в чем не обвиняю. Ты никак не можешь изменить свою натуру, точно так же, как мы — свою. Просто… мне бы не хотелось, чтобы ты чувствовал себя таким несчастным. — Он устало зашаркал по коридору, и Джефф на мгновение уловил отблеск его эмоций, воспоминаний… Кеннард, женатый на земной женщине, прекрасно понимал боль человека, разрывающегося между двумя мирами:

двое сыновей, подвергнутых остракизму, и все потому же…

Не в силах сомкнуть глаз, снедаемый пламенем ревности, Кервин до утра вел ожесточенную внутреннюю дискуссию и в конце концов вынужден был пойти сам с собой на компромисс. Не стоит ради девушки устраивать сыр-бор. Не хватало еще, чтобы Остер все ему испортил. Так или иначе, все равно им работать вместе.

До чего же паскудно уступить именно Остеру! Но, если Таниквель так больше нравится, — что ж, пожалуйста. Она сделала свой выбор и может смело продолжать в том же духе.

Разумеется, такое решение проблемы было далеким от идеального, но по-своему оно сработало. Кервин стал по-ледяному сдержан; Таниквель переняла его тон. Снова началась работа по надстройке сложных матричных экранов, привязке к выверенным картам. Через пять дней после картирования залежей меди Круг собрался на второй сеанс, и снова замельтешила паутина раппорта — до бесконечности растягивая сознание в пространстве и во времени, выискивая крошечные атомы, из которых складывается металл, известный как цинк, выявляя богатые залежи и месторождения, классифицируя их по степе-

ни доступности и глубине залегания. Накануне третьего сеанса, вернувшись с предпринятой в одиночку верховой вылазки в предгорья, Джефф обнаружил, что его ждет Корус, бледный и возбужденный.

— Джефф, Элори велела всем собраться в лаборатории — и как можно быстрее!

Кервин последовал за ним, недоумевая, что могло случиться. Остальные были уже в сборе. Раннирл разложил на столе карту.

— Неприятности, — объявил он. — Пришло сообщение от, наших клиентов — после того, как я передал им эту карту. Клан Альдаранов оформил заявки на три района — здесь, здесь и вот здесь, где, по нашим данным, богатые залежи меди. Вы не хуже меня знаете, что Альдараны — имперские марионетки. Империя дергает за ниточки; в поданных заявках речь шла о том, чтобы основать в этих районах промышленные колонии земного типа! Откуда они узнали про медь?

— Раньше такого никогда не случалось, — сердито заявил Остер. — Стоило Джеффу один раз поработать с нами — тут же имперские марионетки опережают нас с заявками; причем не на одно, а сразу на три месторождения! — Он метнул на Кервина гневный взгляд. — Сколько тебе

заплатили за предательство?

— Да ты с ума сошел! — в тон ему отозвался Джефф.

— Просто не повезло, — произнес Кеннард.

— С одним месторождением это еще могло быть простым совпадением, — сказал Остер, — а с двумя — невезением. Но с тремя!

— Есть только один способ разобраться, — произнесла Таниквель, покосилась на Кервина и отвела взгляд. — Кеннард, он не сможет солгать Альтону.

Джефф сразу понял, что она имеет в виду, и в нем всколыхнулась ярость.

— Телепатическое обследование? — поинтересовался он. — Да я сам этого требую, черт побери! А нотой, Остер, я заставлю тебя проглотить свои слова; я забью их тебе кулаками в глотку! — Он развернулся к Кеннарду; ярость заслонила в памяти кошмарные воспоминания о первом зондировании. — Давайте! Выясняйте!

Кеннард возмущенно замахал руками.

— Другого пути у нас не осталось, — тихо сказала Элори.

Джефф зажмурил глаза, приготовившись к болезненному шоку насильственного раппорта. Сколько раз ни проходи через это — легче все рав-

но не становится. Секунду-другую он держался, потом все заволокло благословенным вихрящимся туманом; потом он обнаружил, что стоит, стиснув край столешницы, и в тишине слышно только его шумное дыхание. Кеннард переводил взгляд то на него, то на Остера.

— Ну? — потребовал Джефф.

— Я всегда говорил, что мы можем тебе доверять, — тихо произнес Кеннард, — но чего-то я все равно не понимаю. Джефф, у тебя в памяти есть какой-то блок.

— Может быть, земляне подвергли его постгипнотическому внушению? — предположил Остер. — И подсунули нам, как… как бомбу с часовым механизмом.

— Не может такого быть, — презрительно скривилась Элори, но Кеннард хранил молчание.

— Одно я могу сказать точно, Остер, — наконец произнес он. — Никакой информации землянам Кервин не передает. Чувства вины в нем нет.

Но холодный, бесформенный ужас сжал горло Джеффа цепкой лапой.

Некая таинственная сила манипулировала им с самого прибытия на Даркоувер. Не комъины же подчистили банки данных в компьютере Имперской Миссии; не комъины же давили ему

на нервы, пока не осталось ничего, кроме как бежать без оглядки…

Неужели он действительно подослан к комъинам — шпион, сам не сознающий, что он шпион?

— Дьявольская чушь! — сердито произнес Кеннард. — Такого мне еще не приходилось слышать! А почему тогда не Элори или, скажем, не Остер? От этих раздоров и всеобщей подозрительности выигрывают одни земляне! — Он принялся складывать карту. — Скорее уж кто-нибудь из Альдаранов, — а у них есть несколько телепатов — шпионит с незарегистрированной матрицей. Иногда барьер на втором уровне удается пробить, наверно, в этом-то и дело. Может быть, Остер, твой барьер на мгновение ослаб, вот и все. Просто не повезло; ничего, попробуем еще раз.

11

Кервин пытался избавиться от этой мысли. В конце концов, Кеннард провел же телепатическое обследование и доказал, что Джефф невиновен. Но, раз возникнув, мысль не желала никуда уходить и зудела, как больной запущенный зуб. «Я ведь могу об этом ничего и не знать. Неужели действительно меня подослали земляне? Да, конечно — комъины засекли меня еще из Арилинна. А я так рад был избавиться от давления, что не задавал никаких вопросов. Например, кто подчистил банк данных в компьютере приютского архива? *И, кстати, Остер тоже родился среди землян*».

Молча, заторможенно Кервин проживал день за днем. В одиночку совершал верховые прогулки в предгорья, часами валялся на кровати у себя в комнате и старался ни о чем не думать.

Каждый раз при общих сборищах в гостиной он ловил на себе сочувственный взгляд Таниквель. («Чертова сука! Не нужна мне твоя жалость!») и ощущал отголосок ее боли. И вообще, он старался ее избегать. Воспоминания об их недолгих днях

вместе были как острый нож. Поскольку это коснулось Джеффа гораздо глубже, чем какая-нибудь мимолетная связь, обрезать одним беззаботным движением все концы он не мог.

Он смутно осознавал, что она пытается застать его наедине, чтобы поговорить. Избегать ее стало доставлять ему своего рода извращенное удовольствие. Но однажды утром они нос к носу столкнулись на лестнице.

— Джефф, — произнесла она, вытягивая руку, — подожди. Не убегай. Мне надо поговорить с тобой.

Он пожал плечами, сосредоточенно глядя поверх ее головы.

— О чем поговорить?

Глаза девушки, когда-то искрившиеся озорством, вдруг наполнились слезами.

— Я так больше не могу! Мы словно враги — и вся Башня смердит ревностью и ненавистью!

Перед искренностью этой боли лед его отчуждения дрогнул.

— Тани, — произнес он, — мне это нравится ничуть не больше. Но разве я первый начал?

— Ну сколько можно… — Она осеклась на полуслове и закусила губу. — Джефф, мне больно, что ты такой несчастный. Кеннард немного рас-

сказал мне…

— И что, я достаточно несчастен, чтобы ты вернулась ко мне? — поинтересовался он, с убийственным сарказмом отчеканивая каждое слово, и тяжело положил руки Таниквель на плечи. — Наверно, Остер и тебя уже убедил в худшем, что я шпионю на землян?

— Джефф, но Остер тоже не врет, — негромко отозвалась она, не пытаясь вырваться. — Он просто говорит то, во что верит. И если ты думаешь, что его все это радует, то глубоко ошибаешься.

— Ага, значит, если меня выгонят, он такого горя не переживет!

— Не знаю, но он вовсе не тот гнусный тип, каким тебе кажется. Посмотри мне в глаза, Джефф, неужели ты не чувствуешь, что я говорю правду?

«В этом-то вся беда, — устало подумал Джефф, — все они говорят правду, — как ее видят».

Плечи Таниквель мелко дрожали, и один вид плачущей Тани — когда-то бывшей воплощением озорства и беззаботности, — почему-то ранил Кервина гораздо глубже, чем все подозрения остальных, вместе взятых. Она не нападала и не защищала, она просто разделяла его боль. Беспомощно рыдая, она приникла к нему.

— О, Джефф, мы были так рады, когда ты по-

явился — и для нас это так много значит, что ты здесь. Если бы только можно было точно узнать…

Вечером того же дня в гостиной, дождавшись, пока все соберутся со своими бокалами вокруг камина, Кервин агрессивно вскочил, сжал кулаки за спиной и выступил с краткой речью (демонстративно на кахуенге):

— Остер, ты выдвинул в мой адрес обвинение; зондирование Кеннарда показалось тебе недостаточным доказательством. Какого доказательства ты хочешь? Что тебя убедит?

С кошачьей грацией Остер поднялся из кресла.

— Комъинская неприкосновенность не позволяет мне… — вежливо начал он.

— Знаешь, куда можешь засунуть свою комъинскую неприкосновенность?.. — Кервин употребил весьма специфический термин из портового жаргона. — Я десять лет прожил на Земле, и там есть по этому поводу одно хорошее выражение: выкладывай или заткнись. Или скажи, какое доказательство ты сочтешь достаточным, и дай мне возможность его представить, или… даю слово, братец: если услышу или телепатически уловлю от тебя хоть словечко, что я, мол, продался землянам или кому-то там еще — я тебя

отделаю так, что живого места не останется!

Остер отступил на шаг в сторону; и Джефф сделал шаг, не сводя с противника напряженного взгляда, не разжимая стиснутых кулаков.

— Я повторяю: или выкладывай, или заткнись, и тогда уж пасти больше не разевай.

— Это его право, Остер, — проговорил Кеннард. — Нельзя же все время только шушукаться за спиной. Или докажи свои подозрения, или извинись перед Джеффом, и вопрос закрыт. Ну сколько можно грызться! — Лицо его, прорезанное складками, скривила гримаса боли. — У нас и без того забот полон рот.

Остер покосился на Кервина. «Если бы взглядом можно было убить, — подумал Джефф, — у Остера никаких проблем не возникло бы». Но когда тот заговорил, голос его прозвучал на удивление ровно:

— Элори, ты не соберешь матричный капкан?

— И не подумаю! — вспыхнула та. — Сам делай свою грязную работу!

— Можно было бы попросить Кеннарда, но он предубежден в пользу Джеффа.

— Давайте я соберу, — вызвался Раннирл. — Не подумай только, Остер, что я тебя поддерживаю. Но если оставить сборку тебе, результат нетрудно

предсказать. Джефф, мне ты доверяешь?

Кервин кивнул. Он понятия не имел, что такое матричный капкан, и на кого тот расставляется. Но если за дело брался Раннирл, можно было быть уверенным — не на Кервина.

Как-то днем, когда заканчивалась настройка очередного экрана, и Джефф держал узор, ни с того, ни с сего картинка на мониторе задрожала и слилась в яркую зеленую полосу. Кервина пронизала боль; толком не осознавая, что делает, он разорвал раппорт между Раннирлом и Элори, отключил экраны и, сам не поняв, когда успел вскочить с места, подхватил безжизненно обмякшую Элори. В первое паническое мгновение ему показалось, что она не дышит. Потом темно-дымчатые ресницы ее дрогнули, и девушка прерывисто вздохнула.

— Переутомилась, — произнес Кеннард, поднялся с места и накрыл большой кристалл куском шелковистой ткани. — Умолял же я ее передохнуть — так она и слушать не желала.

— Хорошо, что Джефф успел ее подхватить, — сказал Раннирл. — Он вытащил Элори прежде, чем она успела нарушить кристаллическую структуру. Как это у тебя получилось, Джефф?

— Понятия не имею, — Джефф действовал

совершенно рефлекторно, словно в сознании сработал какой-то переключатель. — Удача. Инстинкт. Откуда мне знать?

Элори еле слышно плакала; лицо ее стало мертвенно-бледным, а рыдания звучали глухо и прерывисто, словно у нее не было сил толком вдохнуть. Раннирл взял ее на руки, как ребенка, и направился к выходу из лаборатории, бросив через плечо:

— Позовите Тани — и побыстрее!

— Таниквель улетела с Остером, — отозвался Кеннард. — Я попробую, конечно, вызвать их, а пока…

Раннирл пинком отворил ближайшую дверь; это оказалась одна из множества пустых комнат. Он положил Элори на кушетку, прикрытую пыльным вышитым покрывалом.

— Я… могу чем-то помочь? — беспомощно поинтересовался от дверей Джефф.

— Ты же эмпат, — отозвался Раннирл.

И вдруг Джефф вспомнил, что сделала для него Таниквель в тот первый вечер, когда Кеннард взламывал его телепатический барьер.

— Я… постараюсь.

Элори, как капризный ребенок, замотала головой из стороны в сторону.

— Нет, — раздраженно произнесла она, — нет, оставьте меня в покое. Со мной все в порядке. — Но чтобы сказать это, девушке пришлось дважды перевести дыхание, и лицо ее походило цветом на костяной лом.

— Она всегда так, — вздохнул Раннирл. — Джефф, постарайся.

Он вышел. Кервин приблизился к кушетке и неуклюже опустился на колени рядом с Хранительницей.

— Элори, я в этом почти ничего не понимаю, — начал он, — но сделаю все, что смогу. — Вспомнив, что делала Таниквель для восстановления его сил, он взял Элори за руки. Пальцы ее были напряжены и холодны, как лед. Повинуясь какому-то импульсу, он принялся растирать их, возвращая гибкость. Джефф пытался повысить и обострить свою эмпатическую чувствительность, ощутить слабость Элори как свою…

И он ощутил ее как внезапный укол боли, эту слабость полного бессилия, мелеющий поток сознания… девушка была на грани обморока. Кервин осторожно попробовал установить раппорт, чувствуя своим обострившимся восприятием, насколько Элори изможден, выискивая, как взять эту усталость на себя и передать девушке часть

своей энергии. Стоя на коленях рядом с кушеткой, сжимая неподвижные ладони Элори, он ощутил, как в ее измученное тело по капле начинает возвращаться жизнь. Казалось, прошла целая вечность, — хотя на самом деле, наверно, всего несколько минут, — прежде чем Элори открыла свои серые глаза и посмотрела на Кервина. Но детское личико ее оставалось таким же бледным, а губы — совершенно бесцветными.

— Спасибо, Джефф, — прошептала она.

Такой волны эмоций, как та, что взметнулась в нем при этих словах, Кервин не ощущал еще ни разу в жизни. Он развел руки, и девушка оказалась у него в объятиях, поднимая к нему лицо. И, когда губы их встретились, без малейшего удивления, Джефф почувствовал дивное слияние двух нематериальных субстанций. Крепко обнимая теплую тоненькую фигурку, невероятно обостренным двойным восприятием он уловил, как смешаны в Элори хрупкость и стальная сила, детская наивность и древняя бесстрастная мудрость касты Хранителей. (*И через все это он смутно ощутил вместе с Элори необычное и едва ли наполовину осознаваемое пробуждение чувств; апатию и одновременно готовность, с какими она принимает его поцелуй. Он разделил с девуш-*

кой изумление, вызванное объятием, какого ей еще не доводилось испытывать — не отеческим и не безлично-добродушным — разделил ее робкое и не ведающее стыда удивление от того, сколько силы в мужском теле, какая в нем поднимается волна тепла…)

— Элори, — прошептал он, но шепот прозвучал триумфальным кличем. — Любовь моя, любовь…

Какое-то мгновение длился спазматический, конвульсивный, терзающий каждый нерв ужас; потом раппорт разорвался, как разлетевшийся в кусочки кристалл — и вот уже побелевшая, как снег, Элори, извиваясь кошкой, пыталась вырваться из объятий Кервина.

— Нет, — беззвучно шептала она, ловя воздух перекошенным ртом. — Нет, нет…

Оцепеневший от шока Кервин разжал объятия. Элори тут же отпрянула, прижав руки к груди, словно защищаясь; все ее худенькое тельце сотрясали беззвучные рыдания. В глазах ее застыл ужас, но она успела уже отгородиться от Кервина барьером. Узкогубый детский рот ее открывался и закрывался, не издавая ни звука; личико перекосила гримаска, как у еле сдерживающей слезы маленькой девочки.

— Нет, — наконец снова прошептала она. — Ну

как ты мог забыть, кто я? О, сжалься надо мной, Аварра! — сбивчивой скороговоркой выпалила она и, спрятав лицо в ладони, устремилась прочь из комнаты; едва не споткнулась о табурет, увернулась от машинально шагнувшего за ней Джеффа и стрелой вылетела за дверь. Легкие шаги дробно простучали по коридору, по ступенькам; в конце концов откуда-то сверху донесся грохот захлопнувшейся двери.

Он не видел Элори целых три дня. Впервые за все время с появления Кервина в Арилинне она пренебрегала вечерами в гостиной; Кеннард, пожав плечами, объяснил Кервину, что время от времени такое случается со всеми Хранительницами. Джефф, дабы случайно не опустить барьера и не выдать себя, промолчал. Но каждую бессонную ночь ему казалось, будто из темноты снова выплывают глаза Элори и вспыхивают внезапным ужасом, что на губах снова возникает вкус того поцелуя, а руки никак не могут забыть трепещущего в объятиях хрупкого перепуганного тельца.

В первые мгновения после того, как разорвался раппорт, он просто ничего не соображал, застывши в онемении и оцепенении от этого чудовищного, шквального обвала; недоумевая, то

ли печалиться, то ли гневаться столь внезапной перемене чувств.

А потом, медленно и мучительно, пришло понимание.

Он нарушил строжайший закон комъинов. Не зря ведь Хранительница давала обет девственности, и душой, и телом отдаваясь своей трудной и опасной работе. В глазах любого даркованина Элори была неприкосновенна; ни о страсти, ни о чистейшей платонической любви и речи быть не могло.

Он слышал, что в Арилиннской башне говорили (и хуже того, чувствовал, что они чувствовали) по поводу Клейндори, преступившей обет (и ради кого — презренного землянина!).

Другой бы на его месте мог начать громоздить кучу оправданий — мол, Элори сама была не против, и он лишь взял то, что было предложено. Но для Кервина такой легкий путь к отступлению был закрыт. Ему с самого начала бросилось в глаза, как по-детски невинно ведет себя Элори с мужчинами в Башне. Для них она была все равно, что беспола, словно еще один мужчина или ребенок; и она доверяла защищавшему ее табу.

Так же невинно, беззаботно она доверилась Джеффу — и он предал ее доверие!

Но еще ужасней был скребущий на сердце страх. Кеннард ведь предупреждал его: не следует эмоционально напрягаться в те несколько дней, что предшествуют работе с матрицами; лучше оставить пока Таниквель в покое — во избежание нервного переутомления. Таниквель! Можно подумать, все это был сон; да, он любил ее — но, скорее, из благодарности за ее доброту и понимание. Ничего похожего на то могучее чувство, что сотрясает сейчас все его существо.

Телом и душой подстраивались Хранительницы под свои гигантские матричные кристаллы. Вот почему им следовало воздерживаться от бурных эмоциональных проявлений. Память Джеффа скачком вернулась к первому вечеру в Арилинне; к панической реакции Элори на его комплимент, к словам: «С самого рождения нас готовят к этому, и иногда… мы теряем свои способности всего за несколько лет».

А теперь, может быть, судьба всего Даркоувера зависела от успеха или неудачи Арилиннской Башни. А успех или неудача зависят от того, насколько сильна Хранительница, насколько тщательно оберегаема и лелеема она. А Джефф Кервин, затесавшийся среди комъинов чужак, предал их доверие, обошел барьеры и поразил

Хранительницу в самое сердце.

Добравшись до этого места в своих размышлениях, Кервин зарылся лицом в ладони и попытался полностью отключиться. Это еще хуже, чем обвинения Остера в шпионаже в пользу землян.

Утром четвертого дня он услышал с лестницы голос Элори. Что ж, в ночной битве он, пусть с невероятным трудом, но одержал над собой победу. Единственное, что теперь предстояло ему — это смирение.

Он любил Элори — но любовь эта могла привести к тому, что она потеряет способности Хранительницы, а это поставит под угрозу работу, от которой зависит будущее всего Даркоувера. В случае их неудачи Пандаркованский Синдикат немедленно обратится к земным специалистам и примется преобразовывать даркованскую экономику на земной лад.

«А разве это так плохо? — предательски шепнуло его второе „я“. — Раньше или позже, но все равно Даркоуверу предстоит перестроиться на земной лад. Оно и к лучшему! Даже для Элори — слишком тяжелый это для нее груз; нельзя молодой девушке жить в заточении, хоронясь ото всего, что есть хорошего в жизни. И если у нас ничего не получится… если у нас ничего не

получится, то какая разница, Хранительница там Элори или не Хранительница, и тогда она сможет быть моей…»

«Предатель! — бросил он себе горькое обвинение. — Эти люди приютили тебя, дали возможность остаться на Даркоувере, приняли как своего… А ты готов погубить их! Что бы ни случилось, главное — чтобы Элори сохраняла спокойствие духа».

Но со звуками ее голоса в душе у Кервина снова все забурлило. «О Боже, Боже, Элори, Элори…» Он направился было к двери, но, не видя ничего перед собой, развернулся обратно и рухнул ничком поперек кровати. Все существо Джеффа корчилось от боли и бунтовало. Нет, видеть ее — это выше его сил.

— Кервин? — послышался через некоторое время из-за двери голос Раннирла. — Ты спустишься?

Собрав в кулак остатки воли, Джефф спустился вслед за Раннирлом в гостиную. Как обычно, комъины расселись полукольцом перед камином, но Кервин видел одну Элори — снова в легком, как паутинка, вышитом цветочными узорами платье с пряжкой из одного-единственного кристалла, висящего у ворота, словно вопреки

законам гравитации. Медные кудри украшал венок ослепительно-белых цветов. Когда вошел Кервин, она подняла голову; и Джефф, собираясь с духом, вдруг ощутил воздушное, прозрачное спокойствие, потому что улыбка Элори была такой же мягкой, отстраненной, спокойной, как всегда.

Неужели она на самом деле ничего не почувствовала? Неужели все это ему лишь почудилось?

Кеннард встретился с Джеффом взглядом и по-отечески положил руку на плечо. Казалось, прикосновением этим передавалось какое-то знание, и внезапно Джефф угадал правду: *«Ты даже представить себе не можешь, что это такое — подготовить Хранительницу»*. Каким-то непостижимым образом за эти три дня Элори умудрилась восстановить прежнее холодное, отстраненное самообладание. Она улыбнулась Кервину — вроде бы улыбка оставалась прежней, дружелюбной, благосклонной — но своим новым обостренным чутьем под маской спокойствия Кервин уловил шрамы незатянувшихся трещин, воспоминание о катастрофе.

— Джефф, Остер говорит, что матричный капкан готов. Мы запланировали операцию на сегодняшний вечер. Установить капкан хочет

Остер. Я сказал, что ты не будешь возражать.

— Да, конечно… — сказал Джефф. — Кстати, а что такое матричный капкан?

Элори состроила детскую гримаску.

— Это… это грязное извращение честной науки, — горячо заявила она.

— Не обязательно, — возразил Кеннард. — Бывают самые разные матричные капканы. Например, Вуаль перед входом в Башню, пропускающая одних комъинов. Остер, какого типа твой?

— Барьерный. Через мозг одного из нас кто-то подслушивает, что делается в Круге. Ну, а если он и сегодня попробует пробиться сквозь барьер, капкан парализует его и даст нам на него хорошенько взглянуть.

— Ничего не имею против, — произнес Кервин. — Поверьте, если за нами действительно кто-то шпионит, мне ничуть не меньше, чем вам, не терпится вывести его на чистую воду!

— Так давайте же начнем, — беспокойно поднялась из кресла Элори. — Я… — Она замялась, прикусила губку и произнесла отрывисто: — Я бы выпила немного кирьяна. — Кеннард неодобрительно покосился на нее, но она уже стояла возле бара с напитками. — Еще кто-нибудь хотел бы сегодня подстраховаться? Остер? Раннирл? И

не надо так смотреть на меня, Тани; я знаю, что я делаю.

— Элори, если ты не очень хорошо себя чувствуешь, операцию можно отложить на несколько дней.

— Мы и так уже отстаем от графика на трое суток. — Она подняла к губам бокал *кирьяна* и покосилась на Джеффа, когда, как ей казалось, он смотрел в другую сторону; и ее потерянный, исполненный муки взгляд поразил его до глубины души.

И она тоже? А ему-то казалось, будто страдает он один, что она ничего не помнит; теперь же, зная, какую ей это причиняет боль, Кервин искренне желал, чтоб она оставалась невозмутимой, чтоб его поцелуй не значил для нее ничего. Ибо теперь он окончательно понял, что наделал.

Джефф никогда раньше не видел матричного капкана. Тот походил на кусок странно перекрученного блестящего металла, инкрустированного кристалликами и пронизанного светящимися спиралями. На тонких губах Остера играла тигриная улыбка.

— Элори, ты можешь еще минутку подержать картинку? — поинтересовался он. — Покажи-ка, кто попался, — он кивнул на красивую, смерто-

носную вещицу, лежащую у него на коленях. — Я установил капкан так, чтобы он захлопнулся, как только кто-нибудь попытается подлезть под наш барьер. Все сработало, я четко ощутил этот момент; и кто бы это ни был, сейчас он надежно обездвижен. Элори, дай-ка картинку на монитор.

Элори взяла кусок шелковистой, металлически поблескивающей изолирующей ткани, обмотала кисть и брезгливо, словно касаясь чего-то исключительно грязного, подобрала матричный капкан. Затем повернула верньер монитора. Вспыхнула зеленая точка и принялась быстро расти, пока весь экран не заполнила картинка. Постепенно изображение сфокусировалось, и на экране появился вид Арилинна; Кервин беззвучно присвистнул, узнавая ориентир за ориентиром в быстро меняющемся изображении. Затем, безо всякого перехода, на экране возникла скупо обставленная, почти совсем без мебели, комната и фигура человека, сосредоточенно склонившегося над чем-то у него на коленях, неподвижного, как смерть. Постепенно весь экран заполнило его лицо.

— *Раган!* — вырвалось у Кервина.

Желчный коротышка, завсегдатай портовых баров, неотступно преследовавший Кервина,

продемонстрировавший, как пользоваться матричным кристаллом, и указавший Кервину-путь.

Раган.

Давно следовало догадаться.

Да и кто еще это мог быть?

Неожиданно Кервина захлестнула волна слепой, нерассуждающей ярости. Какое-то атавистическое, чисто даркованское чувство всколыхнулось в нем, заглушая голос разума; в мозгу не оставалось ничего, кроме бешенства, что им так беззастенчиво манипулировали.

— *Комъин, жизнь этого человека — за мной*, — произнес он на древнем языке комъинов, без малейшего усилия всплывшем из глубин памяти. — Когда и как получится, но я заявляю право лишить его жизни в поединке один на один, и тот, кто посмеет опередить меня, будет иметь дело со мной!

Остер, приготовившийся было швырнуть очередное обвинение, замер, как громом пораженный, широко вытаращив глаза.

— Комъин Эйллард, — произнес Кеннард, — как представитель Совета я признаю за тобой право в поединке один на один лишить этого человека жизни или отдать свою.

Словно пребывая в отключке, Джефф выслушал ритуальные слова. У него буквально чесались руки разодрать Рагана на кусочки.

— Раннирл, — напряженно произнес он, взмахом руки дав знак убрать картинку с экрана, — ты не мог бы показать, где это? На сколько еще хватит капкана, Остер?

— Вы не можете этого допустить! — разорвал повисшую тишину голос Таниквель. — Это же самоубийство! Джефф меча и в руках-то не держал, а вы… неужели вы думаете, будто у этого *шаруга* хватит чести биться один на один?

— Об этом я позабочусь, — произнес Раннирл, отстегнул от пояса нож и вручил Кервину.

Тот опытным жестом прикинул, насколько хорошо нож сбалансирован. *Под шкурой тихого связиста таился настоящий сорви-голова…* это было давно, но память сохранилась. И кодекс кровной мести… даже земной ребенок, воспитанный на Даркоувере, не мог не впитать его начала всем своим существом.

Рагана ждет чертовски неприятный сюрприз. А потом — смерть.

12

За Вуалью начинался город Арилинн; из-за холмов поднималось Кровавое Солнце. Крепко сжав зубы, не спуская руки с непривычно холодящей кулак рукоятки ножа, Кервин шествовал между Остером и Раннирлом. Впервые он чувствовал к Остеру что-то сродни благодарности.

В этот час улицы были практически пустынны; случайные прохожие встревоженно косились на троих рыжеволосых, целеустремленно шагающих плечом к плечу, с ножами на поясе и шутить явно не намеренных — и тут же вспоминали, что где-то их ждут срочные дела.

Трое прошли деловую часть города, миновали рынок — на котором. Джефф в лучшие времена выбирал обувь — и углубились в лабиринт кривых грязных улочек. Походка Остера стала более осторожной.

— Надолго капкана не хватит, — предупредил он.

— Главное, чтоб я успел добраться до этого типа, — дрогнули в зловещей усмешке губы Кервина, — а там уж можешь делать со своим

чертовым капканом все, что хочешь.

— Это здесь, — указал Раннирл на невысокий дом в узком переулке, по ту сторону тускло освещенного дворика. Он махнул рукой на крутую наружную лестницу, под немыслимым углом взбегающую на второй этаж, к анфиладе из двух комнат. Из окна нижнего этажа на них уставилась девушка с обмотанным вокруг шеи шарфом; рот ее изобразил большое удивленное «О». Трое комъинов направились к лестнице, а девушка зажала рот ладонями и исчезла.

Они бесшумно поднялись по ступенькам.

— Пора! — произнес Остер и быстрым хлопком ладоней раздавил матрицу. Из комнаты донесся протяжный крик бессильной ярости, и Кервин, пинком отворив дверь, ворвался внутрь.

Раган вскочил со стула, где сидел в той позе, в какой угодил в матричный капкан, и, словно загнанный зверь, вихрем развернулся к ворвавшимся; в руке у него блеснул нож, во мгновение ока вынырнувший из чехла за голенищем.

— Трое на одного, *вай домъин*? — негромко поинтересовался он, отступая вглубь комнаты.

— Нет, только один, — хрипло выдохнул Джефф, обнажая нож; свободной рукой он дал Раннирлу с Остером знак отойти назад, и в следующее

мгновение Раган обрушился на него, чуть не сбив с ног. Кервин вздернул клинок; кончик Рагановa ножа пробороздил ему предплечье, прорвав ткань рукава, и Джефф молниеносно отпарировал удар. Противник потерял равновесие, и оба они застыли в смертельном клинче; Джефф что есть сил старался не дать Рагану дотянуться до своей спины.

Так они какое-то время раскачивались, не издавая ни единого звука; потом Кервин шумно перевел дыхание, отпрянул, сделал резкий выпад и услышал треск рвущейся дубленой кожи. На ноже блеснуло красное; Раган резко выдохнул и вдруг бросился на Джеффа…

Остер, неотрывно следивший за поединком, точно кот за мышиной норкой, ни с того, ни с сего обрушился на них, и от толчка Кервин потерял равновесие. Не в силах поверить, что это происходит в действительности, Джефф почувствовал, как чужое лезвие пробороздило кожу на плече и вошло в нескольких дюймах от подмышки. Бок онемел, потом вспыхнул жгучей болью; нож выпал из правой руки, но Кервин умудрился перехватить его левой, в то же время пытаясь освободиться от Остера, мертвой хваткой вцепившегося ему в раненое плечо.

— Пусти меня, ты… — грубо выругавшись, прохрипел он.

Раган отскочил в сторону. Раннирл — замерший, словно парализованный — пришел в себя и бросился на Остера, крепко обхватив руками за корпус, не обращая внимания на обнаженный нож.

— С ума сошел, что ли? — выдохнул он.

Хлопнула дверь; загрохотали под ногами кубарем скатывающегося по лестнице Рагана ступеньки. Поваленный Раннирлом, Остер всем весом обрушился на пол.

Отбросив клинок, Кервин рванулся к Остеру и заломил ему руку с ножом за спину; хватка того ослабла, и он выпустил нож. На щеке его был длинный порез, под глазом наливался синяк; из носа, куда Кервин случайно заехал локтем, текла кровь.

Раннирл отступил в сторону и смерил Остера взглядом, в котором читался плохо скрываемый ужас. Тот попытался было приподняться, но Кервин угрожающе махнул рукой.

— Лежи, где лежишь, — приказал он, и Остер подчинился, утирая с лица кровь.

Джефф подошел к окну. Рагана, разумеется, уже и след простыл; отыскать его в лабиринте этих

переулков не было ни малейшего шанса.

— Ну вот, за мной еще один должок, — мрачно сказал Кервин, поворачиваясь к Остеру. — Ну что, придумал, почему бы мне сейчас не вышибить тебе мозги?

Остер покачал головой.

— Валяй, землянин, — еле слышно, безнадежно произнес он, — прикидывайся, будто для тебя что-то значит наш кодекс чести и кровной мести!

— Остер, — сказал Раннирл, — Кеннард одобрил его вызов, дал ему право…

— Убрать сообщника, чтобы мы никогда не дознались правды, и организовать для нас красивое представление. О-да, неплохо придумано; но ты же сам видел, Раннирл, Джефф узнал его. Что ему еще оставалось делать? Я хотел взять этого *шаруга* живым, чтобы мы наконец узнали правду.

«Он врет, — безнадежно подумал Кервин, — он все врет».

— Если бы ты не вмешался, Раннирл, — продолжал Остер, — мы бы наверняка схватили его.

Раннирл с сомнением покосился на Кервина.

— Пошли, — устало произнес тот. — Делать нечего, пора возвращаться. — Остер умудрился снова все запутать, извратить. И Раган ускользнул. Кервин страшно устал, и рука его начинала

болеть там, где вошел нож Рагана.

Теперь на улицах было уже не так пустынно, и немало кому довелось подивиться на бредущих гуськом троих комъинов, у одного из которых все лицо было в крови, а у другого рука висела на сооруженной наспех из разорванного рукава перевязи. С каждым шагом усталость от этой нескончаемой ночи все тяжелей и тяжелей наваливалась на Кервина. Когда они добрались до Башни и миновали Вуаль, электрическое покалывание, казалось, забрало последние силы; не глядя по сторонам, Джефф прошаркал через большую гостиную, поднялся по длинной лестнице, поплелся прямиком к себе и громко захлопнул дверь.

В шикарной ванной комнате он стащил через голову импровизированную перевязь и рубашку, неуклюже приподняв правую руку и скривившись в гримасе боли. Кервин сунул голову под струю холодной воды, а когда, отфыркиваясь, выпрямился, усталость никуда не ушла, но в мыслях прояснилось. В ванную бесшумно проскользнул слуга-*кирри* и в ужасе замер, уставившись на Джеффа своими огромными зелеными глазами без зрачков и неодобрительно скривив тонкие меховые губы; потом пробурчав что-то нераз-

борчивое, кирри так же бесшумно удалился, чтобы вернуться с какой-то густой желтой мазью, которую наложил на рану, после чего ловко перебинтовал Кервину плечо своими странными, без большого пальца ручками.

Стоило ему закончить, в комнату без стука вошел Остер; Кервин махнул рукой на столик, где был брошен нож Раннирла.

— Если у тебя очередная гениальная идея, вон нож, — сказал он. — Если нет — убирайся к черту.

Остер был бледен; он до сих пор не смыл еще с лица размазанную кровь и то и дело осторожно притрагивался к носу.

— Кервин, я понимаю, тебе есть за что меня ненавидеть, но я должен тебе кое-что сказать.

Кервин хотел было пожать плечами, но обнаружил, что это слишком больно, и передумал.

— Сильно болит? — поморщившись, поинтересовался Остер. — *Кирри* проверили, не было ли на ноже яда?

— У землян такого не принято, — фыркнул Кервин. — Это, скорее, даркованские фокусы. Да и не очень-то убедительно звучит — с чего это вдруг ты так забеспокоился о моем здоровье после того, как из кожи вон лез, лишь бы подставить меня

под нож?

— Может, мне и поделом, — произнес Остер. — Верь себе на здоровье во все, что угодно. Но для меня в жизни существуют только две вещи — и ты губишь обе. Возможно, ты сам того до сих пор не понимаешь — но от этого, черт возьми, все только еще хуже!

— Ближе к делу, Остер, или выметайся.

— Кеннард говорит, что у тебя в памяти какой-то блок. Я же не обвиняю тебя в намеренном предательстве!

— Чертовски мило с твоей стороны.

— Ты сам и не хотел бы нас предавать, — произнес Остер, и неожиданно в лице его словно лопнула какая-то струна, — и ты до сих пор не понимаешь, что это значит! Земляне специально подсунули тебя нам! Подослали, рассчитывая именно на то, что и произошло — что мы примем тебя, стажем полагаться на тебя, потому что ты настолько очевидно один из нас… — Голос его оборвался. В ужасе Кервин осознал, что на глазах у Остера блестят слезы, и того трясет с ног до головы. — Так что, разумеется, мы клюнули на приманку — и как можем мы ненавидеть тебя после этого?

Кервин зажмурил глаза. Это было как раз то, о

чем он старательно пытался не думать.

С самого появления на Даркоувере им манипулировали. И кто мог заниматься этим, кроме землян? И какая цель могла при этом преследоваться — кроме как заставить его теряться в догадках, выбить у него из под ног почву, толкнуть к комъинам?

Мина с часовым механизмом — вот он кто! Арилиннские комъины приняли его — и теперь он в любой момент может взорваться прямо у них в руках!

Остер осторожно положил руки Кервину на плечи — так, чтобы не потревожить раны.

— Мне очень жаль, что мы не успели подружиться, — произнес он. — Хотя ты, наверно, сейчас думаешь, будто я говорю это потому, что мы все время были на ножах.

Джефф покачал головой. В искренности переживаний Остера не мог бы усомниться никто, обладающий хотя бы малейшими телепатическими задатками.

— Нет, не думаю, — ответил он. — Но что я могу поделать? И чего они хотели добиться?

Голос Остера стал совсем неслышен.

— По-моему, они надеялись, что с твоим появлением круг развалится.

— А теперь, когда мы обнаружили шпиона и можем снова его поймать?

— Если бы дело было только в этом! Но есть еще одна вещь; я пытался этого не замечать, но… — Лицо его стало совсем бледным и застыло, словно маска. — Джефф, что ты сделал с Элори?

Сил ответить у Кервина не нашлось. Его чувство вины, страх Остера наполняли комнату подобно отвратительным миазмам.

— Оставь нас, Джефф, — глядя прямо ему в глаза, произнес Остер. — Ради всех ваших земных богов, оставь нас. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь; но если это правда, если мы тебе не безразличны — оставь нас, пока все не погубил. Пока еще не поздно.

Он развернулся и вышел, а Кервин бросился ничком на кровать.

Остер был прав. Сумрачным эхом в голове у Джеффа отдались слова женщины — бывшего матричного механика из Старого города, жизнью заплатившей за то, чтобы приоткрыть Кервину хоть частицу его прошлого: *«Ты найдешь свою любовь и погубишь ее, но вместе с тем спасешь»*.

Пророчество сбылось. Он нашел свою любовь — и уже подошел очень близко к тому, чтобы погубить ее. Может, он действительно спасет ее,

если сбежит из Арилинна?

Кервин поднялся с кровати; на лице его застыла мрачная решимость. Теперь он знал, что делать.

Медленно, избегая заглядывать в украшающие стены великолепной комнаты зеркала, он стянул замшевые бриджи и зашнуровал низкие сапожки. Он облачился в черный кожаный мундир, снятый в день прилета в Арилинн.

Джефф замялся, когда взгляд его упал на матричный камень, и выругался; ему хотелось вышвырнуть кристалл в окно, но в конце концов он засунул матрицу в карман: «Она принадлежала моей матери; она отправилась с Клейндори в ссылку. Может отправиться и со мной».

Он снова замялся, когда взгляд его упал на вышитую, отороченную мехом даркованскую накидку, с которой все и началось, но в конце концов набросил ее на плечи. Это его собственная вещь; за нее заплачены деньги, заработанные на других мирах; да и черт с ней, с романтикой, в конце концов — это единственная его защита от ночного дождя и снега. Вряд ли есть смысл мерзнуть, с двумя ножевыми ранами-то. И — в высшей степени практическое соображение — на улицах Арилинна землянин будет выделяться, как одинокий эдельвейс на голых вершинах

Хеллерса; накидка может ему сохранить анонимность, пока он не уберется подальше.

Он подошел к двери. Откуда-то доносился приятный запах готовящейся еды; драки на ножах, кровные раздоры, бесконечные телепатические операции на матричных кольцах, при одной мысли о которых мурашки по коже бегают — все это приходит и уходит, но практичная Месир так и будет составлять меню обеда, покрикивать на *кирри*, чтобы те ничего не перепутали, журить Раннирла за то, что он только портит аппетит перед обедом таким количеством вина, пришивать новые ленточки к воздушным платьям Таниквель, упрекать Коруса, что, мол, сколько раз говорить, нельзя отряхивать сапоги в обеденном зале… Издалека донесся ее бодрый, спокойный голос, и Кервина кольнула ностальгическая боль. *Это его дом: единственный его настоящий дом.*

Джефф миновал приоткрытую дверь; до него донесся свежий, цветущий аромат Таниквель, и он услышал, как она что-то напевает. На мгновение перед глазами у него промелькнула ее хорошенькая, — ладная фигурка с кудрями, собранными в пучок на затылке, в наполненной зеленоватой водой ванне. Нежность подступила к горлу комом; Таниквель еще не знала, чем кон-

чился поединок с Раганом. Она выспалась после ночного сеанса и еще не говорила ни с Остером, ни с Раннирлом, ни с Кеннардом…

Он замер ледяным изваянием. Очень скоро между ними начнет — если уже не начала — виться паутина раппорта, и все узнают, что он задумал. Он должен уйти немедленно, не тратя времени на прощания и прочие сантименты — или они обязательно догадаются, что он задумал («О Боже, если они догадаются!»), и ему снова придется выдержать настоящую битву.

Кервин набросил на голову капюшон, молча спустился по лестнице; миновал Вуаль, отделяющую Башню от внешнего мира. Решительной походкой, гоня усталость, обогнул скопление строений у подножия башни и крошечный аэродром и направился в город.

Определенных планов у Джеффа не было; и даже намеков на планы. Куда ему податься? Земля давно отвергла его; теперь и на Даркоувере ему не находилось места. Впрочем, в конце концов, может, это самый лучший выход — вернуться в Земной сектор; пусть себе депортируют. Хватит противиться судьбе…

Хотя, если земляне подослали его к комъинам как живую мину с часовым механизмом… И если

теперь он действительно возьмет да вернется и сорвет им этот план саботажа — наверняка ведь вынашивавшийся много лет… Что тогда?

Какая разница?

Какая теперь, черт возьми, разница?

Джефф поднял голову и вперился прямо в огромный красный глаз солнца. Тот медленно опускался за нависающую над городом громаду Арилиннской Башни; а из-за горизонта накатывались темнота, промозглый холод и тишина. Последний отблеск Кровавого Солнца померк. На внутренней стороне зажмуренных век Кервина в бледном ультрафиолете отпечатался на мгновение силуэт башни — и растворился в мелком дождике. Единственный огонек пытался еще доблестно пронизать лучиками туман, но потом и он потускнел, истаял совсем, Кервин стряхнул с ресниц дождевые капли, решительно развернулся спиной к башне и направился вглубь города.

Он отыскал такое место, где в нем не признали бы ни землянина, ни комъина — где смотрели только на цвет его денег, зато предоставляли уединение, койку и достаточно вина, чтобы нереальными казались возникающие картинки, когда он неотвязно и тщетно прокручивал в памяти события последних недель. Планы на

будущее могли подождать. В настоящий момент ему хотелось одного — отучиться думать. В конце концов он заснул, но по-прежнему в темноте неясно звучали голоса, возникали расплывчатые лица и туманные воспоминания, кошмарные и болезненные. Потом он вроде бы как очнулся от долгого забвения (скорее ступора, чем сна), с немалым трудом осознал, кто он и где находится — и увидел их всех, плотным кольцом окруживших кровать.

Сначала он подумал, что это отходняк после скверного виски, или что его перегруженный мозг не выдержал напряжения. Но тут Таниквель, не в силах сдерживаться, отчаянно всхлипнула и рухнула ничком на кровать рядом с ним, и тогда он понял, что они действительно здесь. Он протер глаза, в которых все по-прежнему расплывалось, облизал пересохшие губы и потряс головой.

— Джефф, неужели ты думал, будто мы позволим тебе так вот взять и уйти? — сочувственно поинтересовался Раннирл.

— Остер… — с трудом выдавил Кервин.

— …не знает всего, даже о нас, — закончил за него Кеннард. — Джефф, ты можешь нас спокойно выслушать?

Кервин приподнялся и сел. Убожество его убе-

жища, пустая бутылка посреди перекрученных простынь, боль в раненой руке — все казалось фрагментами одной и той же картинки, и присутствие комъинов в картинку эту никак не вписывалось. Держащая его за руку Таниквель; озабоченно хмурящийся Корус; дружелюбный, но остерегающийся выносить суждение ввиду недостатка данных Раннирл; Остер с выражением отстраненной горечи.

Элори — не лицо, а белая маска; веки покраснели и припухли. Элори в слезах!

Кервин приподнялся и сел, мягко высвободив руку из ладони Таниквель.

— О Боже, ну сколько можно! — проговорил он. — Разве Остер не рассказал вам все?

— Он много что нам порассказал, — ответил Кеннард. — Но это одни домыслы, проистекающие из его страхов и предубеждений.

— Я и не собираюсь этого отрицать, — произнес Остер. — Я только хочу спросить: разве эти страхи и предубеждения ни на чем не основаны?

— Мы не можем отпустить тебя, Джефф — сказала Таниквель, — ты стал частью нас самих; да и куда ты пойдешь? Чем собираешься заняться?

Кеннард дал ей знак замолчать.

— Кервин, — произнес он, — привезя тебя в

Арилинн, мы пошли на сознательный риск. Это был удар по темной магии и системе табу, первый шаг к тому, чтобы сделать из матричной механики науку, а не… жречество.

— Пожалуйста, говори только за себя, — вмешался Раннирл. — На этот счет, Кервин, я с Кеннардом не согласен, но в одном он безусловно прав: мы понимали, что это риск, и сознательно пошли на него.

— Ну как втолковать вам — я-то не хочу рисковать! — Голос Джеффа сорвался. — Я ведь сам понятия не имею, что могут они заставить меня сделать — и как погубить вас.

— Может, именно так ты и должен был погубить нас, по их замыслу, — с горечью сказал Корус. — Сделать так, чтобы мы стали доверять тебе, поверили в тебя — а потом бросить.

— Черт побери, это нечестно, — хрипло произнес Кервин. — Ну как вы не понимаете, я же пытаюсь спасти вас. Я не могу позволить себе такого риска — оказаться орудием вашей погибели.

Таниквель склонила голову и прижалась щекой к его ладони; ее сотрясали беззвучные рыдания. Лицо Остера застыло жесткими складками.

— Кеннард, он прав, и ты сам это прекрасно

понимаешь. Затягивая, ты делаешь всем нам только хуже.

Кеннард мучительно медленно поднялся на ноги и обвел всех взглядом, в котором смешивались презрение и с трудом сдерживаемый гнев.

— Трусы, все до единого! Теперь, когда у нас появился шанс что-то противопоставить всей этой чертовой чуши…

— Ты так защищаешь его, Кеннард, потому что у тебя самого сыновья полукровки, — произнес Остер. — Тебя видно насквозь.

Кервин спрятал лицо в ладони. Ну как мог он сказать: *«Я люблю вас всех. Не мучьте меня, пожалуйста!»*

— Теперь, когда понятно, что со мной ничего не вышло, — с трудом выговорил он, — вы сумеете найти вместо меня кого-нибудь другого.

— Нет! — рванулась к нему Элори; машинально — иначе она просто упала бы — Кервин подхватил ее, и девушка приникла к нему, крепко вцепившись ручками ему в плечи, уткнув ему в грудь мертвенно бледное личико. — Нет! — снова прошептала она. — Нет, я не могу отпустить тебя. Останься с нами, Джефф, что бы там ни было, останься с нами… — Голос ее оборвался.

— О Боже, — прошептал Кервин, крепко сжимая

ее дрожащую мелкой дрожью фигурку. — Элори, Элори!

Потом, собрав волю в кулак, он мягко отстранил ее.

— Теперь, Элори, понимаешь, почему я должен уйти? — еле слышно, почти шепотом спросил он. — Мне и так уже хуже некуда. Пожалуйста, не делай так, чтобы мне стало еще тяжелее.

На лицах окружающих его отразились потрясение, понимание, гнев, сочувствие. Таниквель, что-то неслышно бормоча, обняла Элори, но та вырвалась от нее.

— Нет, — пронзительным голосом произнесла она. — Если Джефф так решил, то и я так решила; все, хватит. Я… я больше не могу отдавать этому жизнь.

Она волчком развернулась к комъинам; ее била дрожь, на бледном лице под глазами залегли глубокие тени.

— Элори, — умоляюще произнесла Таниквель. — Ты не знаешь…

— Ты… да как ты можешь… ты ведь знала его любовь! — В голосе Элори появились истерические нотки; она была вне себя.

— Элори, ты… ты сама не понимаешь, что говоришь, — мягко произнес Кеннард. — Ты же

прекрасно знаешь, кто ты такая.

— Я прекрасно знаю, кем я должна быть, — обрушилась на них Элори. — Хранительница, *леронис*, марионетка, священная девственница — без души, без сердца, без личной жизни!

Изрезанное морщинами лицо потрясенного Кеннарда побелело.

— Мы приняли тебя как своего, — негодующе повернулся он к Кервину, — и вот как ты с нами; вот как ты с ней! — Его трясло от бешенства. — Такое предательство и земляне вряд ли смогли б измыслить!

— А я еще защищал его! — хрипло произнес Раннирл. — Итак, история повторяется. Новая Клейндори, и опять с грязным землянином!

— Да! — выкрикнула Элори на грани истерики. — Ибо теперь и я знаю то, что знала Клейндори!

— Сука! Шлюха! — Раннирл наотмашь хлестнул Элори по губам. Кервин вскочил и удержал его вторично занесенную руку, но комъин брезгливо высвободился.

— В старые времена за такое, — мрачно произнес он, — тебя, Элори, ждала бы смерть, а его — смерть под пытками!

В шоке и замешательстве Кервин осознал, ка-

кую ошибку они делают. Он порывисто шагнул вперед защитить Элори.

«Я ее и пальцем не тронул, клянусь, она была для меня как святая».

— Бесполезно, Кеннард, — с вызовом откинула голову Элори. — Я… я больше не могу быть Хранительницей. — Она развернулась и обвила руками Джеффа, беспомощно приникнув к нему и с отчаянной силой вцепившись ему в плечи.

Кервин увидел, как потрясение на лицах окружающих уступило место отвращению. Элори била дрожь от стыда и ужаса. Не в силах стряхнуть оцепенения, Джефф заторможенно осознал, что скажи он сейчас хоть слово в защиту Элори — и это будет равносильно подаче на развод.

Картинно, в знак признания он заключил Элори в объятия и склонил голову.

— Они умрут за это!

— Что толку? — сплюнул Раннирл. — Они подвели под монастырь всю нашу работу. Что бы мы ни сделали — ничего уже не изменить. С тем же успехом можно пожелать им счастья! — Он развернулся и вышел.

За ним последовали Остер и Корус; Кеннард замешкался в дверях; таким несчастным Кервину еще не приходилось его видеть; казалось,

старший комъин хочет что-то сказать — но в конце концов он тряхнул головой и последовал за остальными. Ошеломленный такой чудовищной ложью, Кервин воспринимал все как в тумане; дверь за вышедшими захлопнулась. Это прозвучало грохотом задвинувшейся крышки гроба.

Элори затрясло в рыданиях. Безутешно, как ребенок, плакала она, что есть силы приникнув к Кервину. Тот оцепенело сжимал ее в объятиях, все еще ничего не понимая.

— Элори, Элори, — умоляюще произнес он, — ну зачем ты это сделала? Зачем? Зачем? Зачем ты им солгала?

Не то плача, не то истерически смеясь, Элори выгнулась дугой, чтобы заглянуть Кервину в лицо.

— Но это не ложь, — разобрал сквозь всхлипы Кервин. — Я и не могла бы солгать. Да, конечно, я понимаю, ты до меня и пальцем не дотронулся бы — из-за того, что я Хранительница, из-за всех этих законов и табу; но они поняли, что я говорю правду! Потому что я так тебя полюбила… — Казалось, вот-вот слов станет совсем не слышно за всхлипами. — …ты мне стал так нужен… я поняла, что не смогу больше этого вынести — быть Хранительницей.

— О, Элори!

— И теперь… теперь ты потерял все, и даже больше не свободен, — выпалила она. — У меня… у меня не остается ничего и никого, если я тебе не нужна.

Кервин подхватил ее на руки, как ребенка, и крепко прижал к груди. «Как она мне доверяет! — пронеслось у него в голове. — Чем ради меня пожертвовала!» Он осторожно уложил девушку на разворошенную кровать и опустился рядом на колени.

— Элори, — произнес Джефф, и слова его зазвучали, как молитва или торжественная клятва, — теперь, когда у меня есть ты, какая мне разница, что там я потерял! Единственное, о чем я жалел, уходя из Башни — это о тебе.

Это была неправда, и он сам прекрасно это понимал; но в данный момент это не имело ни малейшего значения. Он склонился над Элори и заключил в крепкие объятия ее хрупкую фигурку.

13

В меркнущем свете дня Тендара казалась сплошным нагромождением черных башен и теней; единственным ярким штрихом на фоне темного неба было окаймленное ослепительными огнями здание Имперской Миссии, и бросивший взгляд в иллюминатор Джефф обратил на него внимание Элори.

— Может, сейчас, дорогая, все это кажется тебе не больно-то красивым. Но где-нибудь я обязательно отыщу мир специально для тебя.

— У меня уже есть весь мир, какой мне нужен, — отозвалась девушка, прижимаясь щекой к его плечу.

Пилот — горный даркованин, но в имперской форме — заходя на посадку, сделал круг, и Элори зажала уши; рев раскинувшегося внизу космопорта был ей в диковину. Кервин крепко обнял ее за плечи.

Последние трое суток оказались днями радости и непрерывных открытий — даже через общее ощущение, что теперь они изгои, отвергнутые тем единственным домом, который у них был.

Ни он, ни она об этом не заговаривали; слишком многим надо было им успеть поделиться.

Такая женщина, как Элори, встретилась Кервину впервые. Вначале она казалась равнодушной, чуть ли не бесчувственной; не сразу разглядел он за этим спокойствием не холодность, а чудовищный самоконтроль.

Она явилась к Джеффу до полусмерти напуганной, безутешной; невинной вплоть до полного неведения. Она раскрыла перед ним свой страх и все остальное, что было ей раскрывать, не жеманясь и не стыдясь. От столь безоговорочного доверия Кервину стало не по себе — неужели он такого достоин? Но Элори была прирожденной максималисткой; будучи Хранительницей, она воздерживалась даже от самых мимолетных проявлений эмоций; изменив своей касте, она отдала себя Джеффу так же всецело, как раньше — работе с матрицами.

Самолет приземлился, и Элори прикрыла капюшоном свои огненные волосы; Кервин поддержал ее под локоть, когда она принялась спускаться по непривычным жестким ступенькам трапа. Он должен изображать целеустремленность, даже если никакой целеустремленности и в помине нет.

— Ты скоро привыкнешь, милая.

— Рядом с тобой я привыкну ко всему. Но тебе разрешат остаться на Даркоувере? Нас… не разлучат?

Хотя бы на этот счет он мог ее успокоить.

— Может, по вашим законам я и даркованин, но по земным — гражданин Империи. А женщина, выходящая замуж за гражданина Империи, в свою очередь автоматически получает гражданство; для этого достаточно, чтобы я признал тебя своей женой в любом официальном документе… Хотя, — мягко добавил он, — не исключено, что улететь с Даркоувера нам все-таки придется.

Элори кивнула, закусив губку. «Весьма вероятно, — родилась у Кервина мысль, — что теперь скорейшая их депортация сейчас в интересах комъинов — точно так же, как раньше в их интересах было Спасти его от депортации. И не исключено, — промелькнула за этой мыслью вторая — не мысль даже, а так, тайная мыслишка, — что оно и к лучшему». И для него, и для Элори Даркоувер всегда будет оставаться лишь напоминанием о том, чего они лишились. А в космосе планет предостаточно. Неумолимая тяга, что влекла Джеффа вернуться на мир под Кровавым Солнцем, чуть не погубила его — зато

даровала ему Элори.

Приближаясь к паспортному контролю, он изрядно нервничал. Все-таки существовала хоть и небольшая, но реальная вероятность, что его тут же возьмут под стражу как злостно уклоняющегося от депортации. Разумеется, в случае чего он всегда мог начать качать права или придираться к каким-нибудь юридическим формальностям. Из-за себя одного он не стал бы разводить сыр-бор; но ради Элори он был готов на все, что угодно, лишь бы оттянуть вынесение вердикта; повернуть в свою пользу ход разбирательства.

— Милая, комъины устроили из нашей жизни сущий ад. Постарайся поскорее забыть об этом, — произнес Кервин, прекрасно понимая, насколько пусто это звучит. Они подошли к воротам. Охранник удивленно перевел взгляд с имперской формы Кервина на укутанную с ног до головы плащом хрупкую фигурку девушки. Джефф назвал свой регистрационный номер в портовом отделении Гражданской Службы.

— А девушка?

— Моя жена.

— Понимаю, — протянул охранник. — В таком случае, необходимо соблюсти некоторые формальности.

— Как вам угодно.

— Пройдите, пожалуйста, за мной в караульное помещение.

Они последовали за охранником и Джефф успокаивающе сжал ладонь Элори. Его терзало нехорошее предчувствие, и Элори не могла этого не улавливать; регистрационный номер Кервина введен в портовый компьютер, а тот пошлет запрос в компьютер Имперской Миссии — тут-то все и выяснится. У Кервина, помнится, мелькала мысль вернуться в Земной Сектор инкогнито, хотя бы на день-два. Но имперские законы, касающиеся местных женщин, были весьма специфичны, так что от подобного намерения пришлось отказаться; это было совершенно немыслимо. Когда он объяснил, в чем дело, Элори гордо заявила, что ее это ни капельки не волнует. «Зато волнует меня», — самоутвердился Кервин, не оставив для возражений ни малейшей лазейки.

В имперской Гражданской Службе состояли, в основном, неженатые мужчины; мало кто из земных женщин соглашался последовать за своими избранниками через всю Галактику; соответственно, на каждой планете связи с местными женщинами, долговременные или мимолетные, воспринимались как должное. Это было

неизбежно. Но дабы избежать всевозможных юридических осложнений при несовпадении земных и местных законов, практиковались два вида брака. Землянин имел право жениться на женщине с любой планеты в соответствии с местными обычаями и в случае, если это допускалось местными законами — то есть, все упиралось только в самого землянина, местную женщину, ее семью и местные законы. Империя к этому не имела ни малейшего отношения. Зарегистрирован был брак или не зарегистрирован, постоянный или временный, или даже не брак вообще — по законам Империи такой мужчина считался холостым; при условии, что инопланетная дама его сердца не числилась женой официально.

Но данная специфика имперских законов работала в обе стороны. Достаточно было землянину подписать любой имперский официальный документ, в котором местная женщина упоминалась бы как его жена — и де-факто обретало силу де-юре; теперь он имел перед ней супружеские обязательства по всем земным законам, а она и их дети становились гражданами Империи. То есть, на далеких мирах имперскому служащему приходилось трижды подумать, прежде чем при-

бегать к традиционному на Земле лицемерному ходу — объявлять любовницу или случайную знакомую женой. Жена, приведенная в Земной Сектор, становилась женой на веки вечные.

Охранник перепоручил их регистратору. Тот взглянул на учетную карточку Кервина, снял у него отпечаток большого пальца и заставил расписаться на нескольких бланках; потом повернулся к девушке.

— Ваше имя?

— Элори Ардуэ, — прошептала она.

Регистратор вписал имя в бланк — удивленно моргнув раз-другой, поскольку двойное имя означало принадлежность к даркованской аристократии — и добавил «Кервин»; потом и у Элори снял отпечаток большого пальца. Шурша, унеслась по пневмотрубе капсула и с некоторой задержкой вернулась. Когда они выходили из дежурного помещения, регистратор попрощался с Элори как с «миссис Кервин». Джефф же — хоть и сознавал, что, вероятно, запустил раскручиваться маховик новых неприятностей — ни капельки об этом не жалел. Теперь при всем желании длинной руке комъинов не дотянуться до них и не отнять у него Элори.

Он так надеялся.

Возвращение в Земной сектор не вызывало у Кервина особенного восторга; но он чувствовал, что в данный момент это для них, пожалуй, самое безопасное — хоть и был уверен, что уже буквально через несколько часов им придется отвечать на множество вопросов и, не исключено, готовиться к депортации. Наверняка ему предстоят еще какие-то формальности в связи с появлением Элори; может быть, впереди целое следствие — но, в любом случае, надо думать, как жить дальше. Им нужно столько всего решить — например, отправятся они на Землю или попытают счастья на каком-нибудь новом мире — но это может и подождать.

В Земном секторе он неплохо ориентировался только в районе баров и тому подобных заведений; но не вести же Элори туда. Можно было, конечно, затребовать комнату прямо в Миссии; но такой вариант Кервин предпочитал оставить на самый крайний случай. Столь же неразумно было бы пытаться отыскать жилье в Даркованском секторе, рискуя тем, что девушку узнают; в Арилинне он один раз уже ощутил, что это такое, когда комъинов узнают на улице, и с него хватило. Оптимальным временным решением был бы отель где-нибудь в Земном секторе.

Такси пронеслось мимо белой стены Приюта Астронавта.

— А вот тут я жил до двенадцати лет, — махнул рукой Кервин, и в который раз уже безмолвно подивился: жил ли? Если действительно земляне подстроили всю цепочку событий, что вывели комъинов на его след…

— Элори, — поинтересовался Джефф, когда они снова остались одни, — комъины когда-нибудь уничтожали записи в приютском архиве? — Матрица, предполагал он, в принципе, могла бы стереть данные в памяти компьютера. И если бы кто-то задался такой целью…

— Не знаю, — ответила Элори, — если и уничтожали, то еще до того, как я стала Хранительницей. Я знаю только, что Остера удалось забрать из приюта в пять лет.

Кеннард, помнится, называл это «странной историей». Но Кервину так и не удалось ее услышать.

А сейчас не время для расспросов.

Но долго еще после того, как Элори заснула, Джефф лежал и размышлял. Он метался в лабиринте, пытаясь поймать за хвост собственное неуловимое прошлое, но доступных дорожек становилось все меньше и меньше, да и те вели

в никуда или оканчивались тупиками. Когда на него вышли комъины, он прекратил поиски — в конце концов, самое-то главное, тайну своего происхождения, он раскрыл. Но некоторые загадки так и остались неразрешенными; и прежде чем навсегда улететь с Даркоувера, он обязательно сделает последнюю попытку разрешить их.

На следующее утро он вкратце рассказал Элори, в чем дело.

— Там не было обо мне никаких записей. Я видел, что выдала машина. Если б только я мог забраться туда и проверить…

— А это опасно — забираться туда?

— Ну, для жизни не опасно и увечьем не грозит. Разве что могут сунуть в каталажку за взлом и незаконное проникновение.

— Ты столько всего не успел узнать… — произнесла она. — Будь я все еще… — Она закусила губу, — я могла бы тебя… как бы забаррикадировать — у нас это называется «наложить чары» — чтобы никто тебя не увидел.

Она сильно побледнела и выглядела очень несчастной; все внутри у Кервина перевернулось при мысли о том, чем она пожертвовала ради него. Но в чем дело? В чем, собственно, разница?

— Это правда? — спросил он. — Элори, ты

действительно потеряла все способности Хранительницы?

— С самого раннего детства мне говорили, — не слишком твердым голосом произнесла она, — что Хранительница… должна обязательно быть девственницей.

Такая доверчивость удивила и даже поразила Кервина. Он вспомнил; как демонстративно Элори игнорировала всевозможные распространенные среди комъинов суеверия, как отказывалась пользоваться своей положенной по статусу властью — но в одном она, оказывается, никогда не сомневалась.

Кеннард называл это «идиотскими суевериями». Но Джефф на себе испытал, как чудовищно истощает нервную энергию и выматывает работа с матрицами; определенный смысл в этом был — оберегать Хранительниц от контактов такого рода в момент, когда им надлежит быть в наилучшей возможной, форме. Он склонился к Элори и крепко обнял, думая: «По крайней мере, это ей уже не грозит». Ему вспомнился день, когда девушка упала в обморок при надстраивании матричного экрана, а он поделился с ней силой.

И это погубило в ней Хранительницу?

— Нет, — тихо отозвалась она, уловив его

мысль, как это часто бывало. — Я с самого начала… чувствовала к тебе что-то особенное. Но была уверена, что сумею сдержаться. К тому же там была Таниквель, и тебе не было так одиноко. — Внезапно глаза ее наполнились слезами. — Мне будет не хватать Тани, — еле слышно произнесла она. — Жаль, что так все вышло.

— А ты не ревнуешь к ней? Из-за того, что она и я…

— Ох уж эти земляне! — негромко рассмеялась Элори. — Нет, не ревную; если… — Она судорожно сглотнула; из уголка глаза скатилась слеза. — Если бы все сложилось иначе, когда бы мы могли быть все вместе — кого еще, как не Тани, я послала бы к тебе в постель — ну, если бы вдруг занемогла или вынашивала от тебя ребенка — и со всей моей любовью? Тебя это так шокирует?

В ответ Кервин только поцеловал ее. Может, конечно, даркованские обычаи чересчур идеалистичны… по крайней мере, нужно время, чтобы с ними освоиться; и, не деля Элори ни с кем, он рад ничуть не меньше. Однако Джефф вернулся к прежней теме:

— Но Таниквель же участвовала в сеансах, не будучи девственницей…

— Она ведь не Хранительница, — серьезно заме-

тила Элори, — и ни в каких сложных операциях не участвует. У нее очень узкая специализация. Так что никакой опасности для нее и не было.

Увидев, какой озабоченной сразу стала Элори, Кервин решил в этот вопрос не углубляться.

— Может, что-то я еще и могу… — произнес он, достав из кармана матрицу.

— Что-то, — отозвалась Элори, — я точно еще могу. Просто я так странно себя чувствую… Словно я — это больше не я. Как будто я больше себе не принадлежу.

— Теперь ты принадлежишь мне, — твердо заявил Кервин, и она улыбнулась.

— Попробую.

Кервин хотел сказать: «Да какая, к черту, разница? Я тебе и пальцем не дам притронуться к кристаллу, ты для меня слишком драгоценна!» — и тут он поймал ее взгляд, Элори любила его; ради него она отказалась от своего мира, ото всего, чем была и чем могла стать. Если ей это необходимо, чтобы обрести уверенность в себе — даже если это смертельно опасно — он должен дать ей такую возможность.

— Только обещай мне, Элори, — произнес он, привлекая девушку к себе и заглядывая в серые глаза, — ни в коем случае не рисковать.

Джефф почувствовал, что она практически не слышит его. В пальцах у нее уже была матрица.

— Здесь совершенно другой воздух, — произнесла Элори, обращаясь не столько к мужу, сколько к самой себе. — Мы в горах. Главное, чтобы он не задохнулся. — Затем она подняла глаза, давая знак, и Кервин ощутил, как установился раппорт; прикосновение ее сознания было невесомым, ласкающим.

«Не знаю, как долго я сумею продержаться — тут вокруг столько землян… Ладно, попробую. Взгляни в зеркало».

Кервин поднялся с места и посмотрел в висящее на двери зеркало; потом заморгал и вгляделся пристальней.

— Куда это я делся? — требовательно поинтересовался он.

Сам себя, он мог видеть превосходно, стоило только опустить взгляд — но в зеркале не отражался!

— Именно так, — улыбнулась Элори. — И если кто-нибудь случайно натолкнется на тебя, это будет весьма ощутимо. Так что не думай, будто превратился в призрака, любимый мой варвар. Я просто изменила вид воздуха вокруг тебя — словами мне понятней не объяснить. Если хочешь

незаметно пробраться в свой приют — давай; надеюсь, на какое-то время меня хватит.

Он оставил ее в номере отеля и устремился по коридорам, бесшумный и незримый. Ощущение было престранное, почти как во сне — когда в вестибюле люди проходили буквально в двух шагах и не замечали его. Не удивительно, что комъины практически неуязвимы…

Но какой ценой? Девушки — такие, как Элори — гробят всю жизнь…

Приют Астронавта ничуть не изменился за… неужели это было каких-то два месяца назад? Двое или трое мальчиков, сидя на корточках вокруг клумбы, чем-то занимались в цветнике под наблюдением паренька постарше и с эмблемой на рукаве. Неслышный, словно призрак, — да и ощущая себя призраком — Джефф замешкался, прежде чем подняться по белым каменным ступеням. Что следует сделать в первую очередь? Незаметно пробраться в регистратуру, самому просмотреть картотеку? От этой мысли он быстро отказался. Может, он и невидим — но рыться в папках, тыкать в кнопки, включать принтер… да в регистратуре до смерти перепугаются при виде ожившей картотеки; и раньше или позже, но начнут разбирательство.

И тут он вспомнил. На третьем этаже, в их восьмиместной спальне, он вырезал свои инициалы на оконной раме. Раму, конечно, давно могли дочиста отскоблить или заменить. И если надписи не будет на месте, это еще ничего не доказывает. Но если она обнаружится…

И это весьма вероятно. Спальня повидала не одно поколение воспитанников, и в своем первом опыте по увековечению собственной персоны Кервин был далеко не оригинален. Кое в чем воспитатели предоставляли детям значительную свободу. На памяти Кервина, спальня имела весьма бывалый вид; стены были чистыми, но испещренными множеством следов от первых детских опытов с режущими инструментами.

Едва не сорвавшись на бег, он одолел последний лестничный марш; на верхней площадке Джефф остановился перевести дыхание и попытался сориентироваться. В конце концов он направился к одной из дверей.

В спальне было тихо и солнечно; по периметру, разделенные перегородками, стояли восемь аккуратно заправленных маленьких коек, а посередине на коврике были расставлены игрушки, крошечные человеческие фигурки и космические корабли. Осторожно обходя тщательно

возведенную композицию, Кервин заметил, что в самом центре возвышается белый небоскреб, и вздохнул; дети построили не что-нибудь, а модель космопорта, столько места занимающего в их мыслях.

Он зря терял время. Джефф подошел к окну и ладонью провел вдоль рамы. Да, в мягком дереве четко выделялись неровности — грубо вырезанные кресты, сердечки и всякие условные знаки. Его инициалы должны быть на уровне глаз…

Внезапно до него дошло, что он ищет не там, где надо. Когда он последний раз видел эту спальню, ему было двенадцать, и уровень глаз находился не в шести футах от пола.

Он присел на корточки и поглядел сначала направо, потом налево, пытаясь разобраться в мешанине пятен, царапин и грубо вырезанных символов. А потом, на краю рамы, в едва разбираемых угловатых буквах единого алфавита он узнал работу своего первого карманного ножа: Д.Э.К.-мл.

Только найдя инициалы, он осознал, что его трясет. Кулаки у него были сжаты с такой силой, что ногти больно врезались в ладонь; он разжал их. Значит, его обманывали. До последнего момента он не осознавал, что действительно

сомневается в себе; но, почувствовав под пальцами глубоко врезанные в оконную раму штрихи, понял, что сомневался, и что сомнение проникло поразительно глубоко. Теперь он был уверен — ему лгали.

— Они все врали, врали! — вслух произнес он и повернулся к двери.

— Кто врал? — негромко поинтересовался чей-то голос. — И почему?

И Кервин, увидев в дверях подтянутого седого мужчину, понял, что «чары» Элори рассеялись. Его увидели, услышали — и обнаружили.

Что же теперь?

14

Умные, добрые глаза вошедшего без тени гнева смотрели на Кервина.

— Посетителям не разрешается проходить в спальни, — произнес он. — Если вам надо повидать определенного ребенка, можно получить разрешение прийти в игровую. — Внезапно глаза его сузились. — Ваше лицо мне знакомо. Давно это было, но… вас зовут Джефф, не так ли? Керрадин?.. Кермит?..

— Кервин.

— Вас еще звали *Талло*, — закивал мужчина. — И что вы тут делаете?

Ни с того ни с сего Джефф решил не выдумывать никакой легенды.

— Два месяца назад я был здесь, и в регистратуре мне сказали, что у них нет никаких записей о моих родителях… будто я у них тут вообще не числился… в общем, что я все вру. В компьютере не оказалось моих отпечатков пальцев. Я уж начал думать, не схожу ли с ума, — он махнул рукой на вырезанные в дереве инициалы. — Нет, не схожу. Вот это я вырезал, когда был совсем маленьким.

— Но зачем это понадобилось? — недоуменно воскликнул мужчина. — Неожиданно вспыхнув румянцем, он протянул Кервину руку. — Меня зовут Бэррон. Я преподавал математику в младших классах. Да и по сей день преподаю, насколько это вообще бывает необходимо.

— Я помню вас, сэр, — Джефф ответил ему крепким пожатием. — Как-то я подрался… не помню уж, с кем… и вы нас разнимали.

— Точно-точно, задира вы были еще тот, — усмехнулся Бэррон. — Да, разумеется, я вас помню. Помню даже, как отец принес вас к нам. Вам тогда было года четыре, если не ошибаюсь.

«Неужели отец прожил так долго? Почему же тогда я его не помню? Словно неуловимый запах в комнатах Клейндори в Арилиннской башне…»

— Вы знали моего отца? — поинтересовался Джефф, затаив дыхание.

— Я видел его только раз, — с сожалением отозвался Бэррон. — Но чем стоять здесь, давайте лучше спустимся ко мне и пропустим по рюмочке. Наверно, и в компьютерах иногда случаются сбои; хотя, по-моему, такое совершенно невероятно.

Но если тут есть люди, которые его помнят, почему в регистратуре больше ничего не сказали?

Надо было не сдаваться так быстро и настоять на своем.

— А еще кто-нибудь остался тут, кто мог бы меня помнить?

— Разве что кто-нибудь из нянечек… — после секундного раздумья отозвался Бэррон. — Но почти весь персонал — молодежь. Мы стараемся, чтобы они были помоложе. Это я только, старая развалина, до сих пор тяну лямку; просто хороших учителей с Земли присылают редко, а Империи нужен тут кто-нибудь, кто умел бы говорить без акцента. — Он передернул плечами. — Давайте-ка спустимся ко мне в кабинет. И вы расскажете, юноша, чем занимались. Насколько я помню, вас же отправили на Землю. Как вы опять оказались на Даркоувере?

Из-за окна по-спартански обставленного маленького кабинета Бэррона доносился гомон с детской площадки. Кервину не хотелось ничего пить, но он с благодарностью принял от старого учителя математики стакан в надежде, что это хоть помешает сорваться с языка вопросам, на которые у Бэррона все равно не найдется ответа.

— Вы сказали, что помните, как меня принес отец. А мать мою вы не помните?

Бэррон покачал головой и чопорно поджал

губы.

— Он ничего не говорил о ней; да и вообще о том, что был женат.

«Но он официально признал своего ребенка», — подумал Кервин.

— Как выглядел мой отец? — поинтересовался он.

— Это было так давно… — нахмурился Бэррон. — Мне-то запомнилось, потому что выглядел он… жутковато. Явно после какой-то драки, со сломанным носом; и одет по-дарковански — но с регистрационной карточкой Гражданской Службы космопорта. Мы пытались расспрашивать вас о матери — но вы не умели говорить.

— В четыре-то года? — изумленно выдохнул Кервин.

— Вы не говорили ни слова месяцев шесть; долгое время мы вообще принимали вас за недоразвитого, — честно признался Бэррон. — Вот почему я вас так хорошо запомнил. Вы не понимали ни терра-стандарта, ни по-дарковански, ни одного из языков, что знали нянечки — и не говорили ни слова на каком-либо другом.

Похоже, старый учитель разговорился; Джефф решил не прерывать его.

— Кервин заполнил все бумаги, чтобы вас

приняли в приют, и ушел, и больше мы его не видели, — рассказывал Бэррон. — Мы задали ему несколько вопросов… Насколько я помню, вы не очень-то были похожи на своего отца. Скорее вы напоминали даркованского ребенка — только у вас были рыжие волосы, а рыжих даркован не бывает. Мне это запомнилось еще потому, что на той же неделе к нам поступил другой маленький рыжий.

— Его, случайно, не Остером звали? — вскинулся Кервин, хватаясь за соломинку.

— Не помню, — нахмурился Бэррон. — Он был у нас всего пару лет, и это очень странная история. Его похитили… Не обращайте внимания на стариковскую болтовню, к вам та история не имеет ни малейшего отношения; хотя… почему вы спросили имя?

— Потому что, — медленно проговорил Кервин, — по-моему, я его знаю.

— В регистратуре должны были остаться какие-то записи. Давайте я погляжу, — предложил Бэррон.

— Спасибо, не стоит, — произнес Джефф.

Какая теперь разница? А как, кстати, вообще Остер оказался в Приюте? Кеннардовская странная история — вряд ли здесь могут что-то о ней

знать. И еще менее вероятно, что ребенок был зарегистрирован как Остер Райднау. Каким-то образом комъины сумели заполучить назад этого малыша, сына комъинов-предателей, бежавших вместе с Клейндори и ее хахалем-землянином… Какая разница, как это было? Остер воспитывался среди комъинов и унаследовал все их способности. А Керви́н, воспитывавшийся на Земле, был ими принят и предал их.

Нет, об этом он и думать не станет. Джефф поблагодарил Бэррона, покорно совершил экскурсию в новое крыло, побеседовал с кем-то из учителей, выразил восхищение местными успехами и в конце концов отбыл — исполненный беспокойства и новых вопросов.

Клейндори умерла. Но почему Джефф Керви́н-старший — «жутковато выглядевший», со сломанным носом — отдал сына в Приют Астронавта? И куда он потом делся?

Почему Джефф Керви́н-младший в четыре года не умел говорить и молчал еще целых шесть месяцев?

Почему он не помнит…

Ничего, кроме загадочных полустертых образов: стены, арочные своды, двери, гордо вышагивающий по длинному коридору замка мужчина

в плаще… женщина… пронзительный детский крик…

Кервина затрясло, и он постарался об этом не думать. По крайней мере, хоть малость из того, что хотел знать, он выяснил.

А теперь его ждала Элори.

Когда он вернулся в отель, она спала, рухнув в изнеможении поперек кровати, и под длинными ресницами ее залегли глубокие тени — но при скрипе двери она встрепенулась.

— Джефф, я держалась, сколько смогла, — быстро проговорила она.

— Все в порядке, — поспешил успокоить он жену.

— Что ты узнал?

Кервин замялся. Стоит ли говорить? Не разбудят ли бурлящие в нем вопросы каких-нибудь неприятных воспоминаний? Что она знает о Клейндори — если не считать, что ее научили презирать саму память о «предательнице»?

Элори сжала его ладонь.

— Откажись ты разделить боль со мной, — произнесла она, — тогда мне действительно стало бы больно.

И Джефф, опустившись рядом с ней на кровать, рассказал все. Все, что случилось с ним с первой

секунды на Даркоувере: о встрече с Раганом и о том, как он узнал, что такое матричный кристалл; о приютской регистраторше; о матричных механиках, отказавшихся помочь ему; и все остальное — вплоть до того, что поведал ему Бэррон.

— Пожалуй, пора признаться, — угрюмо выставив челюсть, заявил он, — что все это безнадежно. Остались считанные часы; скоро рапорт с аэродрома завершит путь по инстанциям, и мне предстоит депортация. Да, может, уже…

Словно в ответ на его слова ожил зуммер, и Кервин поднял телефонную трубку.

— Джефферсон Эндрю Кервин-младший? — поинтересовался металлический голос на другом конце провода. Это была запись.

— Слушаю.

— Говорит отдел регистрации и кадров.

До нас дошли сведения, что вы находитесь в пределах Земного сектора, будучи обвиненным в гражданском правонарушении — незаконном уклонении от депортации. Ваше местонахождение известно. Данным сообщением вы ставитесь в известность, что Городской Совет Тендары на Даркоувере объявил вас персоной нон грата, и вам официально запрещается покидать Земной сектор, Это запрещение распространяется также

и на вашу супругу, поскольку завершено рассмотрение вопроса о предоставлении ей имперского гражданства, и вопрос решен положительно. Это официальный приказ. Вы не имеете права покидать места вашего нахождения более чем на час, или удаляться от него более чем на милю, и через сорок восемь часов обязаны явиться, куда следует, или будет выписан ордер на ваш арест. Пожалуйста, подтвердите, что вы ознакомились с текстом сообщения, или укажите юридически корректную причину для обжалования и подайте апелляцию по установленной форме.

— Черт! — пробормотал Джефф.

— Пожалуйста, — терпеливо повторил голос с пленки, — подтвердите, что вы ознакомились с текстом сообщения, или подайте на апелляцию по установленной форме.

— Подтверждаю, — сказал Джефф и бросил трубку.

Значит, все кончено. Надежды на успех апелляции ни малейшей; теперь когда комъины против него, ни одна живая душа на Даркоувере и пальцем не шевельнет, чтобы помешать его депортации.

«Теперь я никогда не узнаю правды…»

Элори поднялась с кровати и встала над ним.

Матричный кристалл на тонкой цепочке она повесила на шею.

— С твоей матрицей я могу постараться обойти блок в твоей памяти, — предложила она. — Только, Джефф, если блок настолько мощен, зачем ты хочешь это знать? Почему бы тебе не успокоиться? С комъинами для нас покончено; может быть, нам придется улететь с Даркоувера…

— Элори, всю жизнь меня мучил этот зуд, этот… самый настоящий голод — вернуться на Даркоувер; прямо наваждение. Я совсем даже неплохо жил на других планетах, но все время где-то в подсознании чувствовал, что Даркоувер меня зовет. А теперь уже начинаю сомневаться: действительно ли дело во мне, или мной начали манипулировать еще тогда, в то время, о котором я ничего не помню.

Потому что, если зов Даркоувера, который он ощущал в крови — фикция, кто он тогда? Пустышка, пешка, безвольная марионетка в руках землян? Убрать наваждение — и что останется от того, что, по большому счету, его и сформировало?

— Хорошо, тогда я попробую, — нахмурившись, сказала она. — Только не сейчас; я еще не восстановила силы после «наложения чар».

Они вышли из отеля и немного погуляли по Земному сектору, заглянули перекусить в кафе земного типа возле космопорта, где Элори съела свой традиционный чудовищный обед (что напомнило Кервину о том, к какому физическому истощению приводит телепатическая работа). Чисто для проформы он показал ей главные достопримечательности Земного сектора; но ни ее, ни его это сейчас как-то не слишком волновало.

Джефф обнаружил, что не может сейчас думать ни о чем, кроме Арилинна. Что будет означать для Даркоувера срыв договоренности с Пандаркованским Синдикатом? А для комъинов? Все изыскательские работы были завершены: оставалось самое главное — невероятно, чудовищно сложная задача — поднять руды на поверхность планеты. И Кервин чувствовал, что Элори думает о том же.

— Есть же несколько матричных механиков, которые могли бы… — как-то раз пробормотала она. А другой раз обронила рассеянно, словно случайно: — В конце концов, все матричные структуры и молекулярные модели собраны и настроены. Может, им и удастся справиться. Но, — после некоторой паузы добавила она, — без Хранительницы…

Джефф привлек жену к себе.

— Жалеешь? — прошептал он.

— Ничего подобного. — Она, не моргнув, выдержала его взгляд. — Только… жаль, что все сложилось именно так.

Он погубил их. Он пришел в мир, который любил — и загубил последний шанс этого мира остаться таким, какой он есть.

Но когда Элори взяла матрицу в ладони, Джефф уже не ощущал прежней уверенности. Ему вспомнилась женщина — матричный механик, пытавшаяся прочесть его память; и заплатившая за это жизнью.

— Элори, если это опасно… Черт с ним, обойдусь как-нибудь и без этих четырех лет.

— Мне это не опасно, — она сомкнула ладони над матрицей, и плавающие в кристалле огоньки замерцали ярче. Элори сосредоточенно уставилась в матрицу; светлые волосы ее окаймляли щеки двумя легкими волнами. Потом она подняла глаза на Джеффа.

Он чувствовал себя как на иголках. Прорыв через телепатический блок или барьер — это, как он помнил по первым дням среди комъинов, малоприятное дело.

Свет в кристалле разгорался ярче и ярче, окуты-

вая склоненное лицо Элори золотистым ореолом; Кервин сощурился — таким ослепительным стало свечение — но не в силах был оторвать взгляда от завораживающего чередования пятен света и тьмы. И вдруг каждое пятнышко встало на свое место, словно фрагменты головоломки, и перед глазами у Джеффа возникла четкая, словно отпечатанная, картинка, вид комнаты…

Двое мужчин и две женщины, все одетые по-даркованси, сидели вокруг стола; одна из женщин, очень хрупкая, очень светлокожая, склонялась над матричным кристаллом… *Эту сцену он уже видел!*

Он оцепенел; предчувствие чего-то чудовищного ледяной лапой сдавило ему сердце. Что-то… Что-то… Вот поворачивается на петлях дверь…

Он услышал собственный крик — хриплый, пронзительный и жуткий, крик до смерти напуганного ребенка, исторгаемый глоткой взрослого мужчины — и мгновение спустя мир растворился в бешено крутящейся черноте.

Оказывается, он вскочил и стоял, раскачиваясь, стиснув ладонями виски; Элори, очень бледная, глядела на него снизу вверх. Забытый кристалл валялся у нее на коленях.

— Зандру Всемогущий! — прошептала она. —

Джефф, что ты там увидел? Я и не представляла, что бывает такое… такой шок. — Она глубоко вздохнула. — Теперь я понимаю, почему умерла та женщина, в Старом городе… — Элори зашаталo, повело назад, и она прислонилась к стенке. Джефф дернулся поддержать ее, но она, не замечая, продолжала: — Я даже не эмпат, но то, что ты когда-то видел, то, от чего онемел — что бы это ни было, но бедная женщина получила на полную катушку. Если у нее было слабое сердце, оно могло просто остановиться. Ее, в самом буквальном смысле, до смерти напугало то, что ты видел больше двадцати лет назад!

Джефф взял жену за руки.

— Это слишком опасно, Элори.

— Нет; я же профессионал, мне это ничем не грозит.

Кервин понял, что ей самой не терпится узнать, в чем дело — не меньше, нежели ему.

— Давай я попробую чуть-чуть по-другому, — предложила она. — Помнишь, ты рассказывал о каких-то обрывочных воспоминаниях доприютских времен? Давай попробуем добраться до них…

Огни стали ярче, Закрутились вихри разноцветного тумана; где-то вспыхнул голубой глаз

маяка, блеснуло белизной низкое здание на берегу странного озера, в котором плескалась не вода; еле ощутимо пахнуло духами, зазвучал низкий музыкальный голос…

Закутанного в меховую накидку, его нес на руках сверкающими коридорами человек с огненно-рыжей шевелюрой — человек, одетый в зеленое с золотом, высокий, статный, привыкший повелевать. «Мой отец…»

— Цвета рода Райднау, — пробормотал из невероятной дали голос Элори.

Картинка задрожала, расплылась, и вот уже Кервин возился с двумя младшими мальчиками, похожими, как близнецы, только один был огненно-рыжий, а другой темноволосый и темноглазый. А еще с ними был высокий, сильный черноволосый мужчина в необычной темной одежде, говоривший со странным акцентом и бывший иногда не прочь с грубоватым добродушием повозиться с детьми. Более туманным был образ светловолосой женщины с музыкальным голосом, расплывчатым видением проплывшей сквозь эти неотличимые ото сна воспоминания.

Без особенного удивления Джефф почувствовал, что приближается к опасной точке. Он начал задыхаться, в висках застучала кровь, и внезапно

он действительно стал четырехлетним, он стал…

Высокий, одетый по-земному человек поднялся на ноги, и игрушечный корабль выпал у него из рук на ковер, где возились трое детей. Двое, что помладше, тут же ухватились за игрушку, но третий, который теперь называл себя Джеффом Кервином, не отрывал взгляда от осунувшегося лица человека, закрывающего дверь. Помещение было просторным, с высоким сводчатым потолком и большими окнами.

— Тебе виднее, Клейндори, — произнес мужчина, говоривший с земным акцентом, — но я по-прежнему считаю, что это неразумно.

— Я ни разу еще не поступала против совести, — твердо заявила стоявшая рядом с длинным столом высокая светловолосая женщина. — Это глупцы и фанатики — и ничего больше. Неужели мне теперь бежать и прятаться из-за того, что на улицах вопят всякие сумасшедшие?

— Все это так, — произнесла рыжая, чуть смугловатая женщина, похожая на Клейндори, но пониже ростом и не такая красивая. — Только глупцы, сумасшедшие и фанатики могут быть опаснее тех, кто разумен и трезв.

Клейндори оперлась на стол; в светлом лице ее читался вызов.

— Неужто вы и впрямь настолько боитесь, что готовы бежать и прятаться — умолять о защите Хастуров, которые как только меня ни обзывали! Арнад? Джефф? Кассильда?

За спиной у Клейндори поднялся даркованин в зеленом с золотом плаще и, смеясь, заключил ее в объятия.

— Если б у кого-то из нас и возникли такие мысли, мы постеснялись бы высказывать их перед тобой, Золотой Колокольчик! — сказал он. — Но по-моему, нам следует быть реалистами — и ты понимаешь это не хуже, чем я; иначе зачем вы с Кассильдой привели детей сюда — в час, когда им полагается спать?

— Арнад прав, — проговорил человек, одетый по-земному. — Поверь мне, Клейндори, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Для тебя это все равно, что расписаться в собственном поражении. Но мы же улетим совсем ненадолго — год или два на другой планете, и все. И это единственный выход, какой нам остался — если, конечно, как ты говоришь, мы не хотим идти на поклон к Хастурам. Или, того хуже, к землянам!

— Тогда как скажете, — пожала плечами Клейндори.

— Я обо всем договорюсь — никто и не пронюха-

ет, — заверил землянин. — Значит, я отправляюсь прямо сейчас; только… — Он замялся. — Вы уверены, что здесь безопасно?

Даркованин, Арнад, надменно сжал рукоять висящего у пояса кинжала.

— Пусть только кто посмеет сунуться!

Казалось, после ухода землянина время растянулось, замедлило ход. Близнецы задремали на ковре; Клейндори и Кассильда переговаривались вполголоса; Арнад беспокойно шагал из угла в угол, не спуская руки с рукояти кинжала.

— Пора б уже ему вернуться, — обеспокоенно произнесла наконец Клейндори.

— Тихо, — сказала Кассильда. — Ты не слышала?..

— Ничего я не слышала. — Нетерпеливым движением Клейндори извлекла из-за лифа матрицу и водрузила на стол. Остальные собрались рядом; на ребенка, который теперь назывался Джеффом Кервином, никто не обращал внимания, и он на цыпочках ближе и ближе подбирался к источнику пульсирующего света. Вот трое склонились над мерцающей матрицей…

Сзади донесся еле слышный скрип, и ребенок волчком развернулся; подняв голову, он в ужасе впился взглядом в медленно вращающуюся двер-

ную ручку. Он пронзительно закричал…

Арнад обернулся, но запоздал буквально на секунду; дверь распахнулась, и метко брошенный нож угодил ему прямо в спину. Издав горловой клокочущий крик, он рухнул поперек стола и затих. Комната неожиданно наполнилась темными фигурами в масках и капюшонах. Ребенок услышал, как пронзительно вскрикнула Кассильда, и увидел, как она упала. Клейндори, выхватив из-за пояса у мертвого Арнада нож, сцепилась с одной из замаскированных фигур.

Заходясь криком, молотя маленькими кулачками, кусаясь, пинаясь, царапаясь, ребенок метался между темными фигурами, словно дикий зверек. Он умудрился вскарабкаться на спину одного из убийц и, захлебываясь рыданиями и нечленораздельными страшными угрозами, замолотил того кулачками по голове. Клейндори с криком вырвалась из рук державших ее людей, схватила ребенка, прижала к груди, судорожно стиснула, и ужас ее ребенок ощутил как физическую боль; глаза их встретились…

На мгновение жгуче, ослепительно вспыхнула пылающая нить раппорта, и за это мгновение ребенок точно узнал, чем беглецы занимались и зачем; узнал всю историю Клейндори, узнал всю

правду…

Потом грубые руки схватили его и отшвырнули в сторону; он больно ударился о каменный пол. Тяжелый сапог пнул его под ребра; внутри взорвалась боль, и он неподвижно замер, а в ушах его зазвенел крик:

— Передай варвару, что не вернуться ему больше на равнины Арилинна… И так будет со всеми предателями, Золотой Колокольчик!

Невероятная, невыносимая агония скрутила все его существо, словно сердце пронзили ножом; нить раппорта, вспыхнув последний раз, милосердно погасла. В комнате стало темно, хоть глаз выколи, и мир вокруг исчез; воцарились чернота и тишина…

В дверь тяжело застучали. Ребенок, лежавший без сознания на полу, шевельнулся и застонал, видя перед глазами одну только тьму. Превозмогая боль, он попытался заговорить, позвать… но волной ужаса нахлынуло воспоминание. Глаза у ребенка стали, как у загнанного кролика, и, зажимая маленькими ладошками рот, он безмолвно скорчился под столом. Стук в дверь становился громче и громче; послышались удары чем-то тяжелым. Наконец створки распахнулись, и скорчившийся под столом ребенок услышал голоса.

— Всемогущий Зандру! — испуганно пробормотал кто-то и протяжно присвистнул. — Нас опередили. Эти фанатики и убийцы…

— Говорил же я, Раган, раньше надо было пытаться выйти на них, — произнес второй голос.

— Я и пытался, черт побери, но Кервин даже не пожелал со мной разговаривать! Что до этих… — Он грязно выругался. — Сам знаешь, за кого сыновья Семи Семейств нас держат. Так я и знал, что этим все и кончится — но никак не думал, что они пойдут на убийство! — В бессильном гневе кулак обрушился на стол; скорчившийся под столом ребенок задрожал и еще плотнее зажал ладошками рот, чтобы задавить рвущиеся наружу рыдания. — И когда я думаю, что мы могли бы защитить их…

Второй из новоприбывших, озираясь, бродил по комнате. Говорили эти двое по-дарковански, с сильным горским акцентом, характерным для местности за Карадином; голос второго звучал грубо и хрипло.

— Лорд Арнад, — перечислял он, — и Кассильда Эйллард, и Клейндори. Где Кервин?.. уволокли, скорее всего, чтобы замучить до смерти… всемогущий Зандру! — осекся он с удивленным вскриком. — Это еще что такое — дети!

— По крайней мере, этих чертовых фанатиков хватило на то, чтобы не трогать щенков.

— Может, их просто не заметили, — огрызнулся первый.

Трясущийся под столом ребенок подобрался к краю свисающей до пола бархатной скатерти и осторожно выглянул в щель между складками. Близнецы проснулись, а над ними склонились, переговариваясь, двое даркован — высоких и одетых, как принято в горах.

— Ребенка Клейндори я что-то не вижу, — говорил первый. — Ума не приложу, что они…

— Прикончили бедного щенка, скорее всего, — отмахнулся второй. Вдруг он присвистнул: — Но у этой парочки в жилах тоже комъинская кровь! Послушай, знаешь, что земляне… — голос его снизился до шепота.

Внезапно он замер, прислушиваясь.

— Кто-то идет, — сквозь зубы процедил он. — Хватаем мальцов, да чтоб не пикнули!

Прячущийся под столом ребенок глядел, оцепенев от ужаса, как двое горцев-даркован ловили близнецов, с которыми он каких-то полчаса назад возился на ковре; поймав, они торопливо укутали тех в свои плащи. Дверь отворилась и затворилась. В комнате стало темно.

Потом дверь снова распахнулась, и с душераздирающим криком в комнату ворвался человек, одетый по-земному. Его шатало, вся одежда его была изорвана, лицо в крови; притаившийся под столом ребенок почувствовал чудовищную боль, словно в нем что-то надломилось. Он попытался закричать, но изо рта вырвался только сдавленный вздох. Тогда он толкнул в стороны тяжелые складки бархатной скатерти и, спотыкаясь, бросился к мужчине, одетому по-земному; тот вскрикнул от удивления, а потом ноги у ребенка подломились, и он снова полетел в черноту.

Он был укутан в теплое одеяло; на лицо его сеялся мелкий снег; он насквозь промок, и ему было больно, и кто-то нее его на руках в очень неудобной позе; он попытался пожаловаться, но горло не желало выталкивать слова. Казалось, прошла целая вечность, но вот наконец он оказался в теплой комнате, и чьи-то заботливые руки кормили его с ложечки теплым молоком. Он открыл глаза и захныкал. Он лежал на коленях у незнакомой женщины, а одетый по-земному мужчина сидел, ссутулившись, в кресле; окровавленное лицо его было лишено всякого выражения, а в глаза было страшно смотреть.

— Убили всех троих, — еле слышно говорил

он. — А мои мальчики… одному Богу известно, что эти проклятые убийцы с ними сделали!

Ребенок, которого звали Джефф, открыл рот, чтобы сказать: «Ничего не сделали, их забрали другие люди», — но снова сумел издать одно слабое хныканье. Мужчина перевел взгляд на Джеффа; лицо его задергалось, и он произнес:

— Бедный малыш, он прятался под столом — должно быть, видел, как их всех убивали. Моих… моих мальчиков забрали, но этого парня оставили; наверно, посчитали мертвым — ему тоже досталось, как видишь.

— Бедняжка, — покачала головой женщина. — Что ты теперь думаешь делать, Джефф?

Мужчина перегнулся через ручку кресла и пересадил ребенка к себе на колени.

— Клейндори умерла за то, над чем мы работали все эти шесть лет. Арнада и Кассильду они убили только за то, что те последовали за ней — и чуть из кожи вон не вылезли, чтоб убить меня; и даже прикончили пару невинных детей. Вот все, что осталось. — С ладони его свешивался на цепочке матричный кристалл. — Это — и бедный малыш. — Он надел цепочку с кристаллом на шею ребенку и поднялся на ноги.

— Я собирался держаться подальше от им-

перских властей, пока не смогу сам диктовать условия. Вот почему я ничего… — казалось, он борется с удушьем, — никогда ничего не пытался сделать для Кассильды и наших мальчиков. Им теперь уже ничем не поможешь, но я сумею защитить хотя бы вот его. Я обязан сделать это — ради Клейндори; ради ее памяти. Я отдам его в приют в Земном секторе. Им и в голову не придет искать его там.

— А его примут в приют?

— Примут, — мрачно отозвался мужчина, — если я скажу, что он мой сын. Успеем потом как-нибудь распутать всю эту неразбериху — если доживем, конечно. На какое-то время пускай он станет Джеффри Кервином-младшим.

Он склонил голову к плечу, глядя на ребенка, и в глазах его зажегся теплый огонек.

— Если бы только бедный малыш мог рассказать нам… но он до сих пор молчит как рыба. Надеюсь, он не сошел с ума от потрясения. Боже, ну и зрелище это было — для ребенка! — В бессильном гневе он с размаху заехал кулаком по дверному косяку. — Сволочи! Грязные убийцы! Какие сволочи!

Потом снова было холодно, и снова широкоплечий сильный человек нес его на руках сквозь

ливень и ледяную морось, и каждый шаг отдавался в сломанных ребрах мучительным толчком… А потом его не стало…

Белый, как снег, и весь дрожа, Кервин стоял посередине номера в земном отеле, а давний детский ужас никак не отступал, и Джефф никак не мог перестать трястись; с кровати на него смотрела Элори, и глаза ее были полны слез. Он провел ладонью по лицу и обнаружил, что по щекам катятся слезы. Кервин попытался заговорить, но оцепенение не отпускало, а из сведенной судорогой глотки не могло вырваться ни слова…

— Джефф, ты уже здесь, — быстро сказала Элори. — Джефф, это было двадцать пять лет назад! Вернись, Джефф!!!

— Значит, вот как это было, — прошептал он. — Их убили у меня на глазах — и мать, и отца.

И больше он не сумел вымолвить ни слова; он был сокрушен и смят. Теперь вся история была ясна ему — от начала и до конца…

Клейндори, красавица и бунтовщица, пыталась изменить-свой мир; союзника среди землян она нашла в лице Джеффа Кервина. Она бежала из Арилинна, и за ней последовали двое родичей, Кассильда Эйллард и Арнад Райднау. Долгое время работали они вчетвером, открывая

матричную механику как науку, а не священнодействие, очищая от шелухи замшелых табу.

Они работали подпольно, постоянно скрываясь; комъины поклялись отомстить, а земляне и антикомъинская фракция горных даркован были весьма не прочь узнать, что, собственно, происходит. Как охотники дичь, их гоняли с места на место, но они были слишком горды, чтобы просить защиты у землян или у Хастуров.

И они были больше, чем просто соратниками по борьбе. Клейндори нашла поддержку, доверие, а потом и любовь у своего товарища по изгнанию Арнада Райднау. А пока Джефф Кервин открывал для себя любовь веселой, нежной Кассильды, Клейндори родила Арнаду Райднау сына. А потом у Джеффа Кервина и его жены родились близнецы…

— Клейндори не убегала с Джеффом Кервином! — еле слышно произнесла Элори. — *А значит, убийство…*

Все происходило на глазах у ребенка Клейндори, и в чудовищный момент раппорта он потерял дар речи — в предсмертном ужасе Золотой Колокольчик слишком рано разбудила в нем эмпатический дар; то, что сам он чуть не погиб от удара сапогом, тоже сыграло роль. Он сумел

схорониться.

— И тут — завершающий штрих ко всей этой неразберихе, — произнес Джефф. — На беглецов выходит антикомъинская фракция горных даркован — но слишком поздно. Те знали, что земляне многое отдадут, лишь бы заполучить детей комъинов — в качестве заложников. Те считали, точно так же, как и все остальные, будто любовником Клейндори был землянин, и что близнецы — это дети Кассильды от Арнада Райднау. И для безопасности отдали близнецов в приют.

— Близнецы… — сказала Элори; голос ее дрожал. — Одного из них нам потом удалось заполучить обратно; мы думали, он сын Арнада Райднау и назвали Остером Райднау… — Вдруг у нее перехватило дыхание. — Так, значит, никакой ты не Джефф Кервин-младший! Настоящий Джефф Кервин-младший все время был с нами! А шпион, Раган! — его брат-близнец, и Остер об этом даже не подозревает!

Какое-то мгновение Кервину казалось, будто вся комната вокруг него принялась вращаться. Кервину? У него нет никакого права на это имя. Сыну Арнада Райднау?

— И чистокровному комъину, — прошептала Элори. — Земляне тоже думали, будто ты сын

Кервина, и отослали тебя на Землю от греха подальше — после того, как Кервин был убит. Они думали, что в их распоряжении сын землянина и комъинской Хранительницы, и надеялись когда-нибудь этим воспользоваться. Они заранее организовали все так, что нам удалось получить назад Остера, но предварительно установили между близнецами психическую связь, гипнотическое подчинение. Остер об этом даже не подозревает, но… Джефф, значит, вовсе не ты был шпионом! А он! Ты же… э-э, только катализатором. Странно и грустно — когда в опасности оказалась жизнь детей, у двух абсолютно разных людей возникла одна и та же мысль; что только среди землян те окажутся в безопасности. По сравнению с Землей, должно быть, Даркоувер выглядит несколько странно…

— Я жил на Земле, — медленно проговорил Джефф, — и земляне вовсе не чудовища. И действительно, менее вероятно, что они станут втягивать детей в дела взрослых. Традиции мести на Земле давно ушли в прошлое. — Он умолк.

Странно: теперь, узнав, что на самом деле даркованин, он думал о Земле чуть ли не с сожалением — как о чем-то, ставшем неотъемлемой частью его существа.

Но официально он все равно оставался землянином. Когда Джефф Кервин принес ребенка в Приют Астронавта и зарегистрировал там как Джеффа Кервина-младшего, с точки зрения закона, ребенок стал гражданином Земной Империи. И юридически империя была вправе послать его туда, куда ей, империи, заблагорассудится.

— Джефф, — медленно произнесла Элори, — твой отец был Арнад Райднау. Это объясняет, откуда у тебя дар эмпатии, и почему мы этого никак не ожидали. Да ты ведь до сих пор так и не понял, что это значит! Нам надо как-то предупредить их, в Арилинне — обязательно предупредить! Они ведь могут попробовать начать Подъем, а Остер до сих пор в контакте со шпионом, Раганом, и сам об этом даже не подозревает!

Страх стиснул Кервину сердце холодной лапой.

— Но, Элори, как мы можем их предупредить? Они там, а мы здесь. Даже если нам удастся выбраться из Земного сектора — в чем я сильно сомневаюсь — до Арилинна еще тысяча миль. Если только… ты имеешь в виду телепатически?

— Нет, без линии релейной связи у меня ничего не получится — сейчас, по крайней мере. Но разве ты забыл? У самой границы Земного сектора

лежит Тендара, а в Тендаре есть комъинский замок. Там всегда есть Хранительница; всегда есть кто-то, кто может управиться с дальней связью. И старый Хастур.

Хастур! Вот кого сейчас точно не хватает — этого непреклонного, здравомыслящего старика! Расскажи ему Кервин все тогда — и кто знает, как развивались бы события?

— А ты, Элори, разве забыла? — произнес он с болью в голосе. — Комъины — все, не только арилиннские — отвернулись от нас. Наверняка из Арилинна разослали сообщения по всему Даркоуверу.

— Прекрасно помню, — кивнула она. — Но попытаться мы обязаны, иначе вся их затея с Подъемом обречена с самого начала. Да, конечно, если они настолько обезумели, что решили взяться за Подъем без Хранительницы вообще или с недостаточно квалифицированной Хранительницей — тогда провал на девяносто девять процентов гарантирован. Но хотя бы один шанс на успех остается! А ты — теперь, когда мы точно знаем, что ты не марионетка землян — мог бы вернуться в матричное кольцо! — Бледное лицо ее горело энтузиазмом. — О, Джефф, это так много значит для нашего мира!

— Милая, я рад бы рискнуть, — отозвался Кервин, — но разве ты не понимаешь: мы все равно, что под арестом! В сообщении, которое продиктовали по телефону, нам запрещается покидать границы Земного сектора или уходить из гостиницы больше чем на час. Если мы не за решеткой, это ничего не меняет!

— Да кто дал им право… — Теперь в ее голосе была надменность принцессы, всеми почитаемой, чуть ли не боготворимой Хранительницы. Она сдернула с вешалки серый плащ с капюшоном, купленный Джеффом в Арилинне, чтобы скрыть ее золотисто-рыжие волосы, и заявила: — Если ты отказываешься, я отправлюсь одна!

Она развернулась к двери, но Джефф схватил ее за руку.

— Элори, ты это серьезно? — Ответ он прочел в ее глазах и больше ни секунды не колебался. — Тогда и я рискну.

Оказавшись на улице, она полетела с такой скоростью, что Кервин едва поспевал за ее легкими шагами. Начинался вечер; на улицах лежали кроваво-красные отсветы, а от подножий высоких зданий украдкой выползали тени, темно-лиловые и длинные. Они уже приближались к границе Земного сектора, и в голову Кервину начало за-

крадываться подозрение, не безумие ли это. Наверняка его остановят у ворот, если описание уже разослано по всем постам. Ему захотелось предупредить Элори, поинтересоваться, какой у нее план; но она неслась такой стремительной и решительной поступью, что Джеффу пришлось сосредоточиться на том, чтобы не отстать.

Огромная площадь, отделяющая Земной сектор от Старого города, была полупустой. За нею, на даркованской стороне, теснились многочисленные магазины, лавочки, бары и конюшни. У шлагбаума дремал на стуле охранник в черной форме; но, когда приблизились Элори и Кервин, он встрепенулся, вскинул голову и произнес:

— Прошу прощения, предъявите, пожалуйста, удостоверения личности.

«*И что теперь?*» — Кервин открыл было рот, но Элори опередила его; она выпрямилась, откинула серый капюшон — ослепительным нимбом на волосах ее вспыхнули последние лучи Кровавого Солнца — и выкрикнула громкую отчетливую тираду — да так, что по площади загуляло эхо. Кервин не уловил ни одного знакомого слова.

Но по всей площади, заслышав древний призывный клич, в изумлении оборачивались даркованe.

— Комъин *вай леронис*!.. — выкрикнул кто-то.

— Комъин!

Молниеносным движением Элори сбросила капюшон с головы Кервина и схватила его за руку. Охранник медленно поднимался на ноги, ничего не понимая, собираясь запротестовать… Но на площадь уже стекалась собравшаяся, словно по волшебству, оглушительно гомонящая толпа. Человеческий вал захлестнул охранника; будто на гребне волны, Элори и Джефф пронеслись мимо шлагбаума; словно подчиняясь некоему заклинанию, в толпе перед ними открывался проход, а из-за спины доносилось почтительное бормотание и выкрики. Запыхавшийся, оцепеневший от изумления Джефф обнаружил, что они уже на дальней стороне площади, а между ними и охранником у шлагбаума раскинулось настоящее человеческое море. Сотрясаемая нервным смехом, с ярко сверкающими глазами, Элори потянула Кервина за руку, и они нырнули в одну из боковых улочек.

— Быстрее, Джефф! Пока снова не собралась толпа — узнать, в чем дело.

Не переставая дивиться и восхищаться, Кервин последовал за девушкой. До чего здорово придумано — использовать престиж комъинов, чтобы

устроить массовые волнения… впрочем, это могло кончиться довольно крупными неприятностями. В Имперской Миссии терпеть не могли, когда массовые беспорядки случались прямо под боком, и давным-давно были отработаны стандартные репрессалии.

— У меня не было другого выхода, — вполголоса проговорила Элори, оборачиваясь к нему. — Неужели ты до сих пор так и не понял, Джефф, насколько это важно?

Нет, до конца он этого так и не понял. Но сейчас вопрос заключался совсем в другом: в том, чтобы доверять Элори; доверять ей так же безоговорочно, как она доверяет ему.

— Куда мы?

Она махнула рукой в сторону крепостных башен, отсвечивающих радужно искрящей белизной на фоне темных гор, высоко вознесенных над равниной и холодно взирающих на простирающийся под ними город.

— В комъинский замок, — тихо сказала она.

Кервин присвистнул. Кроме нескольких наиболее высокопоставленных фигур в иерархии этого форпоста Империи, никому из землян не доводилось переступать порога комъинской твердыни — и то по специальному приглашению.

«Пора бы уже привыкнуть к этой мысли — я не землянин. Узнай я это неделю назад, я был бы вне себя от радости. Теперь я что-то не так уверен…»

Весь путь по темным, карабкающимся в гору улочкам они молчали. Кервин старался вообще ни о чем не думать. Для одного дня впечатлений уже было более чем достаточно.

«Интересно, — мелькнула у него мысль, — что Элори собирается делать, когда мы туда доберемся?» Замок выглядел весьма внушительно и наверняка хорошо охранялся; Джефф с трудом представлял, как это они так запросто возьмут и заявятся к одному из самых высокопоставленных лиц на всей планете.

Впрочем, он опять не принял в расчет то невероятное почитание, каким были окружены на Даркоувере комъины. Ворота замка охранялись солдатами Городской Стражи — в зеленых, со скрещенными портупеями мундирах; но при виде Элори — пешком, в скромном одеянии, но в ореоле медно-рыжих волос, на которых блестели последние лучики скатывающегося за горизонт солнца — они отступили, бормоча:

— Комъинара, мы безмерно польщены.

— Доложите лорду Хастуру, что с ним желает говорить Элори из Арилинна.

— Сию минуту, *вай леронис*, — стражник покосился на земную одежду Кервина, но от вопросов воздержался. Меньше чем через минуту в проеме ворот появился *кирри* и знаком пригласил их войти. Он повел их длинной колоннадой, широкими коридорами…

Джеффа забил озноб. В нем ожило воспоминание, как ребенком его несут под сводами длинной колоннады…

Элори оглянулась и протянула ему руку. Кервин с благодарностью сжал ее ладонь. Ему казалось, он входит в царство сна.

Кирри вывел их в зал, стены которого были задрапированы полупрозрачными, вытканными вихрящимся узором гобеленами и бесшумно удалился. Почти тут же занавеси напротив разошлись, и в зале появился Дантан Хастур.

Увидев Элори, он поклонился, но, заметив Кервина, замер и неодобрительно нахмурился; впрочем, уже через мгновение лицо его обрело прежнюю бесстрастность. Он явно предпочитал приберечь суждение ввиду недостатка фактов. Приблизившись, он взял Элори за руку.

— И о чем же, дитя, ты хотела говорить со мной?

— Вы очень добры, что согласились принять

нас, — произнесла Элори и замялась. — Или… или вы не знаете?

Хастур все так же бесстрастно покосился на Кервина; голос его оставался учтивым и очень серьезным.

— Двадцать лет назад, — сказал он, — я отказался выслушать, когда меня молили всего лишь о понимании. Разумеется, я был глуп и ослеплен предрассудками — но в глубине души, Элори, я никогда не чувствовал себя свободным от вины за смерть Клейндори. Нет, конечно, я не имел ничего общего с теми злобными фанатиками, что убили ее — но я и пальцем не шевельнул в ее защиту. Я говорил себе, что она добровольно лишилась всяких прав на нашу защиту. Я не собираюсь повторять той же ошибки. С чем ты пришла, Элори?

— Минутку, — вмешался Кервин прежде, чем Элори собралась ответить. — Давайте-ка проясним один момент. — Он воинственно выпятил челюсть. — Мы вовсе не собираемся молить о защите или о вашей милости. Комъины вышвырнули меня прочь, а когда Элори вступилась за меня, ополчились и на нее тоже. Мне и в голову не пришло б обращаться сюда; и мы не собираемся ни о чем просить!

Хастур моргнул раз-другой; а потом на бесстрастно-суровом лице его — ошибки быть не могло — расплылась улыбка.

— Упрек принят, — произнес он. — Хорошо, рассказывайте по-своему.

— Вот что самое главное, — не сводя с Хастура умоляющего взгляда, начала Элори. — Никакой он не Кервин. Да, он сын Клейндори. Но отец его был Арнад Райднау.

Хастур ошеломленно замер; потом острым, проникающим, казалось, до самой глубины души взором заглянул в глаза Кервину.

— Да, — еле слышно пробормотал он. — Да, я мог бы и сам догадаться. — Он отвесил Элори низкий поклон. — В Арилинне погорячились, дитя мое, — произнес он. — Хранительница вправе оставить свой высокий пост, если найдет себе возлюбленного или мужа среди комъинов. Да будут все дети ваши одарены *лараном* …

— К черту всю эту чушь! — неожиданно взорвался Кервин. — Проклятье, я же ни капельки не изменился за эти четыре дня, а тогда они считали, что я и плевка Элори недостоин! Значит, если она выходит замуж за землянина, то она сука, а если за одного из этих ваших благородных комъинов — то ни с того, ни с сего она…

— Джефф! Джефф, пожалуйста… — умоляюще выпалила Элори, вцепившись ему в руку, и он уловил одну из вороха ее испуганных мыслей: «Никто еще не осмеливался так разговаривать с Хастуром…»

— Я осмеливаюсь, — отрезал он. — Элори, говори ему то, что хотела сказать, и кончено! Не забывай — ты выбрала меня, думая, будто я землянин. А я не стыжусь ни своего имени, ни человека, который мне его дал!

Он осекся, смущенный спокойным, немигающим взглядом голубых глаз Хастура. Тот негромко хохотнул.

— Узнаю голос гордости Райднау. А также земной гордости. Гордись своим двойным наследием, сын мой. Я просто хотел ободрить Элори, ничего больше. А теперь расскажи мне, расскажи по-своему, зачем вы пришли.

Он слушал, и лицо его становилось все серьезней; в конце концов он уже озабоченно хмурился.

— Я знал, конечно, что Остер побывал в руках у землян, но он же был совсем еще малыш, когда его удалось вернуть. Мне и в голову не приходило, что они станут — или смогут — как бы то ни было использовать такого маленького ребенка.

— Хастур, — сказал Кервин, — а я-то думал, что это через меня Раган подслушивает; я-то думал, что бомба с часовым механизмом — это я… Оказывается, это был Остер!

— Остер, который вырос среди нас; Остер, который… — Хастур озадаченно мотнул головой. — Но у него же есть *ларан*! Он же чистокровный комъин!

— Это он думал, что чистокровный комъин, — поправил Хастура Кервин; внезапно в нем закипело странное возбуждение, он почувствовал, что события приобретают совершенно новый оборот. — Хастур, неужели вы не видите, это же кардинально все меняет! У Остера есть *ларан*, потому что ему было сказано, что у него должен быть *ларан*, потому что ничего другого он не ожидал, а значит, и не успел развить в себе блока против мысли, что у него могут быть пси-способности.

В глазах старого Хастура забрезжил огонек понимания, но тут вмешалась Элори.

— Теперь вы понимаете, почему мы… почему нам обязательно надо предупредить Арилинн? Они попытаются начать Подъем, а Остер до сих пор в контакте с Раганом — и ничего у них не получится.

— Да, — негромко произнес Хастур, и лицо его внезапно стало белым как мел. — Они собирались попытаться без вас. У нас в замке была одна юная Хранительница, почти ребенок еще, и мы отправили ее в Арилинн. Конечно, это рискованно; но нам казалось, что дело того стоит. А несколько часов назад пришло сообщение, что они собираются начать сегодня вечером.

— Сегодня! — вырвался у Элори сдавленный вздох. — Нам надо срочно добраться до Арилинна! Мы должны предупредить их! Это их единственный шанс!

Маленький самолетик летел сквозь быстро темнеющее небо, сквозь потоки дождя, и Кервина обуревали мрачные раздумья. Рядом молча нахохлилась Элори, укутавшись в серый плащ; даже отголоска ее мыслей Кервин был не в силах уловить. Застывший на корточках в пилотской кабине незнакомый молодой комъин маневрировал утлым воздушным суденышком среди буйства стихий, но Джеффу это было уже совершенно не любопытно.

Итак, в конце концов, он все равно возвращается в Арилинн. Возвращается с предупреждением, может быть, даже со спасением; потому что не могло быть ни малейшего сомнения — именно

эта, самая грандиозная операция комъинов — главная цель шпионов Земли.

Пальцы Элори в его руке были холодны как лед. Не спрашивая, Кервин укутал ее плечи своей отороченной мехом накидкой. Согреть ее он может, укрыв этим даркованским одеянием, — но теперь, когда ему нет места ни среди комъинов, ни меж землян, куда им податься? Что будет завтра?

— Арилинн, — мягко произнесла Элори, указывая через иллюминатор на засиявшие внизу огни; потом ахнула, впившись ему в ладонь ледяными пальцами: — Смотри, Башня!

Проследив за ее взглядом, Кервин обнаружил на фоне неба темный силуэт Башни, окруженный слабым голубоватым мерцанием.

— Мы опоздали, — прошептала Элори. — Они уже начали.

15

Пересекая поле аэродрома, Кервин брел, как лунатик; рядом неуверенно, словно во сне, двигалась Элори, и он чувствовал, как она дрожит. «Значит, все сорвалось?» На поле остался пустой самолет, окруженный кольцом стражников в красных с желтым мундирах; прибывших сопровождала успевшая образоваться небольшая толпа, но ни Кервин, ни Элори не обращали на эскорт ни малейшего внимания. Вот за спиной осталось скопление невысоких строений у подножия Башни.

— Бесполезно, Джефф, — вдруг сказала Элори, схватив его за руку; но Кервин продолжал шагать. Зачем — он сам толком не знал; теперь, когда их предупреждение запоздало, вовсе не обязательно было выслушивать упреки и оскорбления. Но некое смутное, толком не осознаваемое интуитивное чуть вело его к Башне, сквозь искрящееся разноцветье Вуали.

Миновав Вуаль, он ощутил, какая чудовищная энергия сосредоточена сегодня в Башне; энергия струилась из той, запрятанной на самом верху

комнатки, где формировалось энергонное кольцо, и, казалось, сам воздух искрится и гудит от напряжения. Да, в кольце не хватало сегментов; и все равно в нем была сконцентрирована невероятная, немыслимая энергия. Кервин ощущал ее, как бьющийся пульс; Элори вздрогнула, и лицо ее искривилось в гримасе — как у маленького ребенка, который собирается расплакаться.

«Это опасно для Элори — теперь?»

Словно в гипнотическом трансе, Кервин поднимался по лестнице к самому средоточию этой таинственной силы. Возле двери матричной лаборатории он замер, прислушиваясь, что происходит внутри…

Джефф ощутил барьер Остера, как завесу тумана, и миновал ее. Зрением, которое не имело ничего общего с оптическим, он увидел их: вот Таниквель, ангел-хранитель, простерший множество невесомых крылышек; вот Остер; вот Корус и Раннирл сосредоточенно держат изображения на больших матричных экранах; между ними, перед самым экраном, стоит Кеннард; а вместе их соединяют хрупкие, натянутые, словно шелковые паутинки, незнакомые, до боли незнакомые эманации…

Девушка была стройной и хрупкой, еще по-

чти ребенком; темно-рыжие косички падали на спину, а маленькое треугольное личико было настолько напряжено, что казалось начисто лишенным выражения, нечеловечески спокойным. Она ощутила присутствие Кервина, и по паутине раппорта пробежала рябь, словно налетел сильный порыв ветра…

Быстро, уверенно Кервин еще раз мысленно пробежался по кругу: Корус; Раннирл; Кеннард; Таниквель; Остер.

Остер…

Он ощутил нечто, начинающееся от Остер а и уходящее за барьер, подобно липкому черному щупальцу; щупальцу, сковывающему движения, мешающему матричному кругу замкнуть кольцо власти. Связь… *ниточка психической связи между братьями-близнецами… и работающий на землян близнец Остера, таящийся на периферии матричного кольца, шпионящий…*

Словно волны, потревоженные порывом ветра, раппорт дрогнул и обратился против вторгшегося. Остер сделал резкий выпад; почти лениво, Кервин парировал удар.

«Землянин, шпион…»

«Нет!»

Поднырнув под паутину раппорта, Кервин

силой установил контакт с Остером и, приготовившись к шоку, отворил память.

Комната, в которой были убиты Клейндори, Арнад и Кассильда…

Остер зашелся в беззвучном крике, конвульсивно задергался. Интуитивно, сам не понимая, как это вышло, Кервин уловил момент, когда поддерживавшийся Остером барьер обрушился, и подхватил его, и очертил вокруг энергонного кольца защитный круг, и одним молниеносным, точно нацеленным телепатическим выпадом (*перерубленное, бьющееся, извивающееся черное щупальце*) отбросил шпиона.

(За много миль от них коротышка, звавшийся Раганом, вскрикнул и рухнул без чувств, и пролежал без сознания много часов).

В мозгу Остера от такого шока воцарилось беспорядочное мельтешение. Тронув его коротким, успокаивающим прикосновением, Кервин подключился к раппорту на самом глубоком уровне.

«Введи меня в Круг!»

Прозвучал хлопок, словно сошлись в крепком рукопожатии ладони, и Кервин замкнул кольцо. На короткое мгновение его закрутил бешеный водоворот, и время утратило для него всякое значение; он превратился в бестелесное пятнышко,

плавающее где-то в кольце атомов, в пятнышко света внутри кристалла, и тут…

Глубоко-глубоко под поверхностью планеты залегают эти странные вещества, эти атомы, молекулы, ионы, известные как минералы. И он отыскивал их, сопоставляя находки с кристаллической структурой на матричном экране; атом за атомом, молекула за молекулой отсеивал он примеси, чужеродные субстанции, так что искомая оставалась лежать на скальном ложе в гордом одиночестве, в безупречном расплаве. Теперь следовало протянуть затравочный перст, невероятной длины раскаленную длань, и тогда искомая субстанция устремится струящимися потоками к поверхности, на специально приготовленное место…

Слившись в одно целое, Круг сосредоточенно завис над гигантской матрицей, которая должна была дать им энергию. И тут скрепляющая их тонкая паутинка (*такая хрупкая рука — и такое чудовищное, неподъемное орудие!*) дала слабину и неуверенно дрогнула…

Тут же войдя в глубокий раппорт с дежурящей на периферии Круга Таниквель, Кервин ощутил, как слабеет хватка юной Хранительницы, как та медленно соскальзывает в распахивающуюся

под ногами бездну. Как собственное, ощутил он отчаяние Таниквель.

«Нет! Это убьет ее!»

И тут, в момент, когда энергонное кольцо задрожало, словно радуга, готовая снова рассыпаться на семь отдельных составляющих, Кервин ощутил твердое, уверенное, знакомое, дорогое прикосновение…

«Нет, Элори! Ни в коем случае!»

«А Клейндори? Это же и есть ее главный секрет, великое открытие! Она не была девственницей, она даже родила ребенка — но не потеряла ни капли своих способностей!»

Потом мягко, бесконечно мягко — на хрупкие детские плечи успокаивающе легла рука; опрокидывающаяся и готовая расплескаться чаша выпрямилась и застыла — Элори включилась в раппорт, мягко заменив юную Хранительницу, так мягко, что никто не ощутил ни шока, ни даже боли…

«Прости, сестренка, но это мое место…»

И семикратный полный круг неожиданно полыхнул яркой звездой в глубине экрана; казалось, ослепительное свечение на глазах разгорается жарче и ярче, растет, выходит за экранные рамки, и вот…

Медленно-медленно стало оно остывать и затвердевать, пока не замерло — снова неподвижное, снова неразумное — дожидаясь рук и инструментов, которые придадут форму и пробудят к жизни, но уже в новом качестве.

Медленно-медленно, мягко, одно за другим кованые кольца магически расцепились и снова стали отдельными сознаниями. Кервин потер глаза и принялся массировать скрюченные, одеревеневшие мускулы. Он поймал победно горящий взгляд Таниквель; Кеннард, Раннирл, Корус — все они стояли вокруг, а в кошачьих глазах Остера отражалось глубокое потрясение, лицо его распухло, голова шла кругом, но некогда бурлившая в нем ненависть выгорела дотла.

Юная Хранительница с темно-рыжими косичками приходила в себя в установленном в центре кольца кресле; она моргала, по щекам у нее текли слезы, а лицо было белее снега.

Элори…

Сердце Кервина сбилось с ритма и вновь забилось в бешеном темпе. Он распахнул дверь на площадку.

Бледная и безжизненная, Элори распростерлась у его ног. Кервин упал на колени рядом. И весь триумф, все ликование улетучились, остались

только ненависть и проклятия, когда он приложил руку к ее недвижной груди.

«Элори, Элори! Ты одержала победу для комъинов и Арилинна… но неужели ценой жизни?

И если так, это я убил ее».

Это он привез ее сюда, прекрасно понимая, что она чувствует; прекрасно понимая, что она не сможет сидеть, сложа руки, и ждать провала.

И вот результат!

Терзаемый отчаянием, он стоял на коленях рядом с Элори, сам на грани обморока. Он был не в силах даже запротестовать, когда Таниквель мягко отодвинула его в сторону, и не слышал, что она говорила.

— Черт побери, Джефф! — напряженно выдохнул Кервину в ухо Кеннард, вздернув его на ноги. — Она же еще не умерла! Еще есть шанс! Дай только нам пройти к ней, понять, насколько она плоха.

— Вам что, мало?

— Он в истерике, — сухо произнес Кеннард. — Придержите его. — Как в тумане, Кервин ощутил, что его схватили крепкие руки, и осознал, что его держат Раннирл и Остер. От него забирали Элори.

И тут, через какой-то непосредственный, невер-

бальный контакт, через прикосновения крепко стиснувших плечи рук, до него дошло. *Элори не умерла. Они только пытаются помочь.* Постепенно он успокоился и неподвижно замер между Раннирлом и Остером; лишь неровное дыхание выдавало, как ему страшно.

— Я понимаю, — негромко произнес Остер, — только, пожалуйста, Джефф, успокойся. Они сделают все, что можно. — Он поднял на Кервина свои темные глаза, и внезапно Джефф заметил, что тот дрожит, с головы до пят.

— Ты… Джефф, я никуда не гожусь. Я бы не выдержал, если б не ты. У меня и права-то никакого нет быть здесь. — Он тряхнул головой, словно пытаясь прогнать наваждение. — Никакой я не комъин. Я землянин. У тебя больше прав быть тут, чем у меня.

Неожиданно, к изумлению и ужасу Кервина, Остер рухнул на колени. Голос его стал еле слышен.

— Все, что я говорил о тебе, на самом деле относилось ко мне, *вай дом*. Все, чего я заслуживаю от рук комъинов — это смерти.

Он склонил голову и молча замер — разбитый, опустошенный, готовый принять любую судьбу. Кервин, не веря глазам своим, с отвращением

уставился на него.

Внезапно Джефф устал соблюдать этикет. Схватив Остера за плечо, он грубо вздернул того на ноги.

— Послушай, ты, идиот чертов, — гневно сказал он, — неужели до тебя до сих пор не дошло, что все это значит? Это значит лишь, что кое-каким вашим представлениям о комъинах предстоит отправиться к чертям собачьим! Да, отец Остера был землянином — ну и что с того? У него оказался наследственный дар Райднау — *ибо его с детства заставили поверить в это!* Он проходит сквозь Вуаль — *ибо верит, что может пройти!* Для меня обучение оказалось сущим адом — *поскольку все вы были уверены, что моя земная кровь помешает пси-дару развиться легко и быстро!* Да, способности наследуются — в некоторой, очень небольшой степени — но далеко не в том объеме, как вы привыкли верить. Значит, Клейндори была права, хоть ее и убили за это: матричная механика — не секрет для узкой касты, а наука, и подход к ней нужен научный.

— Ты прав, — негромко произнес Хастур, поднимаясь к ним по длинной лестнице. — Ты одержал для нас победу, Джефф Кервин — или как ты там хочешь, чтоб тебя звали. У Даркоувера есть свой

путь…

— Но это лишь временное перемирие, — перебил его Кервин, — а никак не окончательное решение.

— Ты снова прав, — кивнул Хастур. — Первый эксперимент, может, закончился успешно, и Пандаркованский Синдикат подчинится Совету. Но не обошлось и без неудачи. Теперь мы знаем, что эпоха Башенных Кругов — таких, какими они когда-то были — безвозвратно ушла в прошлое. Жизнь может двигаться только вперед, не назад. Слишком велика цена, с человеческой точки зрения. Наверно, осмысленнее было бы попросить помощи у землян, чем взваливать всю подобную работу на плечи считанных мужчин и женщин с уникальным даром. Пусть лучше люди Даркоувера учатся работать сообща…

— И даже вместе с землянами, — мрачно добавил Кеннард. — Но тогда…

— Ради этого они и трудились — Клейндори, Джефф Кервин и мой отец, — перебил Кервин. — Они хотели наладить с Землей честный обмен: Даркоувер мог бы предложить секрет матричной энергии — для тех случаев, когда ее могут безопасно пускать в ход даже земляне; а Земля — то, что могла бы предложить взамен. Но это должно

быть равное партнерство: не так, что земляне — хозяева, а даркованe — слуги. Честный обмен между равноправными мирами, где каждый сохраняет и свою гордость, и свой суверенитет.

— Они погибли, считая, что проиграли, — сказал Хастур. — Только их сыновьям довелось завершить начатую работу.

Кервин повернулся к Остеру. Тот уже поднялся и протягивал ему руку:

— Значит, зов Даркоувера в крови…

— Все кончилось, — сказал Кервин, — как нельзя лучше для нашего мира.

Он ощутил на плече легкое, как перышко, прикосновение. Опустив взгляд, он увидел бледное детское личико юной Хранительницы.

— Вы подойдете? — почти прошептала она. — Элори…

Джефф ракетой рванулся с места и влетел в комнату, где положили Элори. Белая, точно снег, она открыла глаза и бессильно протянула к нему руки; Кервин потянулся навстречу, не обращая внимания, что в комнату набились все остальные комъины — испуганные, озабоченные. Пальцы их соприкоснулись, и Джефф осознал, каким глубоким был шок, сколько ей стоил. Только чудом Элори не умерла, и не один еще раз солнце

должно будет взойти и закатиться, прежде чем в Арилинне снова зазвучит ее веселый смех; но серые глаза на бледном лице горели победным блеском.

— Мы победили, — прошептала она, — и мы дома.

И Кервин, осторожно заключая Элори в объятия, понял, что они действительно добились победы — для Даркоувера и для комъинов. Грядущие дни для всех принесут перемены; противиться неизбежным переменам, что несет с собой время, будут и земляне, и дарковане. Но мир, который остается неизменным, может только умирать. Они стремились к тому, чтобы Даркоувер оставался прежним, а вместо этого добились понимания, что победа их заключается в праве определить, какие перемены необходимы, чтобы их мир не погиб.

Он нашел то, что любил — и погубил то, что нашел; ибо Даркоувер и комъины никогда больше не будут такими, как раньше. Форма расколота.

И все же, погубив, он тем самым спас их от полной и окончательной гибели.

В комнате теснились комъины, его арилинн-ские братья и сестры. По бледному, измученному виду Таниквель Кервин понял, сколь безрассудно

расточительно отдала она собственную энергию ради спасения Элори. А у Остера с Кервином сейчас оказалось немало общего: форма, в которой отливалась его жизнь, расколота; но ее ведь можно выковать заново. Кеннард, Корус, Раннирл…

— Хватит, хватит, — рассудительно произнес голос Месир, спокойный и ровный, — что проку так стоять, когда работа сделана, да еще какая! Все — вниз; явно не мешает позавтракать. И вас это тоже касается, лорд Хастур, пусть Элори немного отдохнет. — Быстрым жестом она натянула одеяло Элори до подбородка и замахала руками, выгоняя всех из комнаты. Кервин снова поймал взгляд Элори и неожиданно расхохотался. Несмотря на слабость и колотивший ее озноб, Элори тоже залилась смехом, и в огромных сводчатых пространствах Арилиннской Башни загудело многоголосое эхо.

Жизнь в Арилинне вошла в привычную колею.

Они были дома.